П. П. Толочко

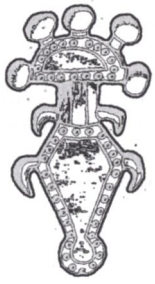

Откуда пошла Русская земля

П. П. Толочко

Откуда есть пошла Руская земля

Киев – 2016

УДК 94(477)
ББК 63.3(2)
Т-525

В книге предпринята попытка ответить на вопрос, поставленный еще летописцами «Откуда есть пошла Руская земля». По существу, речь о возникновении восточнославянского государства и происхождении его названия. Явления эти не взаимообусловлены, но в историографии, чаще всего, рассматриваются в тесной связи. Откуда пришло к восточным славянам название «Русь», оттуда пришла и государственность. Одни историки убеждены, что их носителями были норманны, другие склоняются к выводу об особой роли в становлении восточнославянского государства хазар.

Разумеется, восточные славяне не были свободны от влияний своих соседей, однако их государственно-политическое становление зиждилось, в первую очередь, на внутреннем общественном и социально-экономическом развитии. Как свидетельствуют письменные и археологические источники, еще до появления варяжских дружин на севере, а также хазарской экспансии на юге, восточные славяне имели структурированную политическую и территориальную организацию. Летописные племена представляли собой крупные союзы со своими центрами власти – «градами», по летописной терминологии.

Название «Русь» было широко известно на юге восточнославянского мира задолго до так называемого призвания варягов. Изначально оно закрепилось за полянами, а затем стало названием и всего восточнославянского государства.

В предложенном исследовании, как и ранее в книге «Древнеруская народность», слова производные от названия «Русь» поданы в соответствии с летописным написанием с одной буквой «с».

Издание второе, исправленное.

ISBN 978-966-2723-06-9 balik2
© Толочко П.П., 2016

Оглавление

Введение 4

Глава 1.
«Откуду есть пошла Руская земля» 10

Глава 2.
В поисках загадочного Руского каганата 38

Глава 3.
Русь и варяги 70

Глава 4.
Русь и Хазария 101

Глава 5.
Русь и Византия 126

Глава 6.
«Княжения» и «грады» накануне образования Руси 155

Глава 7.
От «града» Кия к «городу» Владимира 213

Заключение 273

Именной указатель 279

Введение

Вопрос, вынесенный в заглавие книги, – один из важнейших в отечественной историографии со времен Нестора. В «Повести временных лет» он находится в одном ряду с другим не менее важным для летописца вопросом о начале княжеского правления в Киеве. «Откуду есть пошла Руская земля, кто в Киевѣ нача первеѣ княжити?»[1] В Ипатьевской летописи, содержащей одну из редакций «Повести временных лет», слово «в Киеве» заменено на «в ней». То есть в Руской земле[2]. Разумеется, это не случайная замена, а смысловая. Для летописцев Киев и Руская земля были тождественными понятиями. Подтверждением этому являются, в частности, слова о Киеве, вложенные в уста князю Олегу: «Се буди мати градомъ русьскимъ», а также утверждение о полянах, которые «нынѣ зовомая Русь»[3].

Трудно сказать, удалось ли Нестору согласовать свой ответ с заявленным тождеством Руской земли и Киева. Тот, что содержится в статье 862 г. «Повести временных лет», четкостью не отличается вовсе. Итоговый вывод статьи – «от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля» – не согласуется с тем, что сказано в ней раньше. Там русы

1 Повесть временных лет. Часть первая. Подготовка текста Д. С. Лихачева, перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Москва-Ленинград, 1950. – С. 9.

2 Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.-Л., 1962. – Стб 2.

3 ПВЛ. Ч. 1. – С. 20-21.

отрекомендованы и теми, к которым посылали новгородцы приглашение на княжение – «идоша за море къ варягомъ, к руси», и теми, кто принимал такое решение – «рѣша русь, чюдь, словѣни и кривичи ... да поидѣте княжить и володѣти нами». В другом месте летописи, в статье 852 г., начало Руской земли и вовсе отнесено к доваряжскому призванию и связано с византийской историей. «Наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля»[1].

Эта противоречивая двойственность летописных свидетельств, явившаяся, по-видимому, следствием редакторства последующих летописцев, наложила отпечаток на всю последующую историографию. Историки-норманнисты, начиная с Людвига Шлёцера, Ариста Куника и др., утверждали, что Русь получила свое название от этнонима «руотси», которым финны называли шведов, а антинорманнисты со времен Михаила Ломоносова, Стефана Гедеонова и др. доказывали этимологическую связь названия «Русь» исключительно с насельниками юга восточнославянского мира, апеллируя, в том числе, и к свидетельствам Псевдо-Захарии Ритора о народе «Hros» – «Рос», который был известен уже в VI в.

Следует признать, что такая поляризация мнений историков была обусловлена не столько разными представлениями о происхождении этнонима «русь», сколько совершенно различным отношением к самому происхождению государства с этим названием. Для одних оно явилось результатом цивилизирующей роли варяжских или хазарских пришельцев, для других – итогом политического саморазвития восточных славян. Именно так рассматривалась данная проблема в советской историографии, что, разумеется, не было принято историками Запада. Один из них, украинский диаспорный исследователь О. Прицак, автор фундаментального труда «Происхождение Руси», сокрушался, что официальная советская историография вынуждена была занять антинорманнскую позицию только потому, что «норманнская теория является политически вредной, поскольку отрицает способность славянских народов создать государство собственными усилиями[2]. При этом, аналогичная ангажированность

1 Там же. – С. 17.
2 Пріцак Омелян. Походження Русі. Т. 1. Київ. 1997. – С. 68.

историков-норманнистов, действительно не видевших места восточным славянам в созидании собственного государства, его нисколько не смущала. Более того, он вполне солидаризовался с ней и даже попытался найти ей теоретическое обоснование.

«Государство, – утверждал он, – является одной из наиболее значительных идей и наивысших достижений развитой урбанистической цивилизации. Оно возникает не спонтанно, а заимствуется у народов, в которых уже существует. Заимствование такой идеи народами, которые не создали собственного государства, обусловлено пониманием ее важности и целесообразности, поэтому те народы добровольно отдаются под управление опытных иностранных учителей»[1].

Здесь вполне прозрачная отсылка к так называемому летописному призванию варягов: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣть. Да поидѣте княжить и володѣти нами»[2]. Трудно сказать, как было в действительности. Но одно несомненно: уже до «призвания» варягов восточные славяне имели собственную политическую организацию. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют, в частности, летописные слова «поидѣте княжить».

Разумеется, путь заимствования государственности у соседних народов имел место, однако считать его единственным нет никаких оснований. Ведь в таком случае, и у других народов государство не родилось спонтанно, а было позаимствовано. И как же тогда объяснить образование первых государств, если отрицать внутреннюю обусловленность этого процесса?

Неудачу в ответе на вопрос о происхождении Руси О. Прицак видел в том, что исследователи преимущественно сосредотачивались только на этимологии этого названия[3]. Однако, несмотря на такое заявление, он и сам не смог преодолеть искушение рассматривать данную проблему в том же этимологическом ключе, в чем и признался в конце первого тома. «Некоторых читателей, бесспорно, разочарует, что в этой книге о происхождении Руси, насчитывающей более тысячи страниц объема, нет ни одного раздела, посвященного

1 Там же. – С. 31.

2 Повесть временных лет. Часть первая. Подготовка текста Д. С. Лихачева, перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. М.-Л., 1950. – С. 18.

3 Пріцак Омелян. Походження Русі. – С. 37.

таким темам, как появление восточных славян, полемика относительно антов или развитие славянской экономики и общества»[1].

Конечно, это вызывает если не разочарование, то удивление. Не обмолвившись практически ни словом о восточных славянах, происхождение государственности и позднейшего названия которых О. Прицак как будто и пытался объяснить, он с воодушевлением отметил, что ему удалось доказать особую роль гуннов и хазар в перенесении социополитической и религиозной системы к древним скандинавам как строителям империи[2]. Надо полагать, руской, поскольку у себя на родине скандинавы никакой империи не создали. Да и «урбанистической цивилизации» в IX в. не имели.

В историографии советского периода, особенно ее заключительного этапа, определился некий компромисс между сторонниками норманнского начала в образовании Руси и сторонниками политического саморазвития восточных славян. Как утверждал ленинградский археолог Д. Мачинский, восточные славяне были в состоянии и сами создать государство, но с варяжской закваской это получилось лучше и быстрее.

«Но в начале была, – как ему казалось, – закваска вот этого порядка, «наряда», «космоса», она имела сильнейшую европейскую привязку через север Руси ... и тогда местное население выбрало эту привязку европейства»[3].

С распадом Советского Союза общее древнеруское наследие оказалось разделенным границами трех суверенных восточнославянских государств, и историки каждого из них занялись поиском своей идентичности уже в древнеруском периоде. Изменилось и отношение к иноземному началу в создании руской государственности. Во многих исследованиях оно обрело ореол некоей сопричастности восточных славян к европейской истории.

Как можно заключить на основании работ, опубликованных российскими историками в связи с празднованием 1150-летнего юбилея Российского государства, тема норманнского приоритета в его созидании

1 Там же. – С. 591.
2 Там же. – С. 588.
3 Мачинский Д. А. О Ладоге и первоначальной Руси//Старая Ладога. Международная археологическая экспедиция-школа. СПб. 2004. – С. 69.

больше не подвергается сомнению. Некоторые новации появились только в том, откуда варяги взяли саму идею формирования крупного государства. В ряде работ обозначена тенденция ее заимствования не в Скандинавии или Хазарии, но во Франкской империи[1].

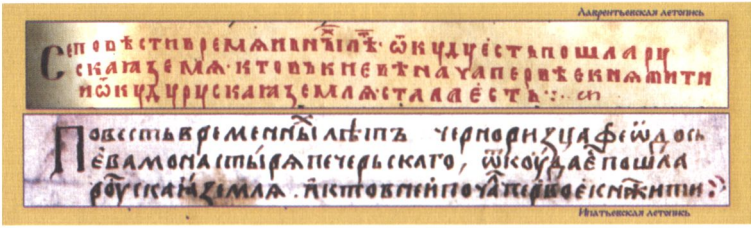
По существу, аналогичные взгляды на норманнское присутствие в восточнославянской жизни имеют место и в новой украинской историографии. Правда, в большей мере, в учебниках и учебных пособиях для вузов, но также и в академических трудах. Речь идет не только о признании варяжского приоритета в создании руского государства, но также и о варяжском происхождении его названия. Как утверждает известный украинский историк М. Ф. Котляр: «Первые неясные и неконкретные упоминания о славянских общностях, Руси и русов, не всегда относятся именно к ним, славянам, поскольку варяги, викинги или норманны вошли в наши источники сперва под именем «Русь». Да и первая наша летопись недвусмысленно считает Русью варягов[2].

Разумеется, это не так. Как раз отсутствие этой самой «недвусмысленности» в содержательном наполнении термина «русь» в древних источниках и явилось причиной столь длительного спора. В конечном счете, не только этимологического. Практически всегда он был подчинен другому, более существенному вопросу: какой народ принес восточным славянам государственность?

Ниже об этом пойдет речь подробнее, здесь же отметим, что поиски истоков руской государственности чаще всего совершенно абстрагированы от собственно восточнославянской истории, как политической, так и социально-экономической. Следуя устоявшемуся в зарубежной историографии убеждению о неспособности восточных славян к государственному саморазвитию, «чистые» историки, по существу, даже и не пытаются разобраться в том, на каком уровне

1 Горский А. А. Возникновение русской государственности и «призвание варягов»//От Древней Руси к Российской федерации. История Российской государственности. СПб., 2013. – С. 189-191.

2 Петровський В. В., Родченко Л .О., Семененко В. І. Історія України. Неупереджений погляд. · К., 2007. – С. 34-37.; Котляр М. Ф. Історія суспільного життя Русі. – К 2016. – С. 8 сл.; Свою дань «норманнскому» происхождению Руси отдают в Украине и некоторые любители истории, которые, однако, не обладают ни системными знаниями, ни способностью анализа источников.

Лаврентьевская летопись

Повѣсть временныхъ лѣтъ чернорисца Феодосьева манастыря Печерьскаго, откуду есть пошла руская земля. Кто въ Кыевѣ нача первѣе княжити и откуду руская земля стала есть.

Ипатьевская летопись

общественного развития они находились до экспансии на их земли хазар или появления на Волхове и Днепре варяжских дружинно-купеческих объединений. На основании имеющихся письменных источников сделать это практически невозможно, к археологическим они просто не обращаются. Видимо, и не знают их. А без этого трудную проблему происхождения государства Русь вообще не разрешить. Только комплексное использование письменных и археологических источников способно дать реалистическое представление о восточнославянском политогенезе.

Разумеется, огромный восточнославянский мир не являлся замкнутой в себе системой. Он несомненно испытывал влияния соседних народов. И не только норманнов или хазар, но также и других. Наибольший след в его политическом и культурном развитии оставила Византия. Но одно дело влияния, для восприятия которых также требовался определенный уровень общественного развития, а другое – полное перенесение на восточнославянскую почву готовых форм государственности. Вот этого определенно не было. Ведь не стала же Русь ни каганатом по образцу Хазарии, ни каким-нибудь норманнским ярлством.

Так что, перефразировав известное изречение литературного классика, можно сказать: выводы историков о скандинавских, хазарских или франкских истоках руской государственности сильно преувеличены.

Глава 1

«Откуду есть пошла Руская земля»

Поставленный в начале «Повести временных лет» вопрос оказался трудным не только для летописца (летописцев), который так и не ответил на него, но и для историографов последующих времен. Единого взгляда на него нет до сих пор. Определились три основные: южный, согласно которому этноним «русь» имеет в Поднепровье местные корни; северный, утверждающий скандинавское его происхождение; и социальный, видевший в ранней Руси купеческо-дружинную верхушку восточнославянского общества, при этом не обязательно этнически родственную ему.

Судя по летописи, новое название восточные славяне обрели около середины IX в. Первое датированное известие о нем содержится в статье 852 г. «Въ лѣто 6360 ... наченшю Михаилу (византийский император. – *П. Т.*) царствовати, нача ся прозывати Руская земля». Сведения об этом, по уверению летописца, почерпнуты им в «летописаньи гречьстѣм»[1]. В действительности, Михаил III начал царствовать в 842 г., но это хронологическое несоответствие, на котором спекулируют иногда исследователи, не имеет принципиального значения для определения начала употребления названия «Руская земля». Смысл летописного свидетельства в том, что оно пришлось на время правления названного императора.

Значительный интерес в этом отношении представляет Житие Георгия Амастридского, сочиненное диаконом Игнатием до 842 г., в котором говорится о нашествии росов. «Было нашествие варваров, росов – народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого». Как полагал О. Н. Трубачев, этот термин византийского памятника является архаизмом, будучи идентичным названию народа «Роус – Рос», жившего в VI в. на Азовском

1 Повесть временных лет. Ч. 1. Подготовка текста Д. С. Лихачева, перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. – М.-Л., 1950. – С. 17.

побережье.[1] К началу X в. термины «Руская земля» и «Русь» были широко употребляемы, как официальные наименования страны и ее народа. Правда, не в тех пределах, в которых они станут известны в конце X – нач. XI вв., а в тех, которые были подвластны первым киевским князьям. Это, преимущественно, земли вдоль торгового пути «из варяг в греки».

В пользу более широкого содержания термина «русь», чем только относящегося к Среднему Поднепровью, свидетельствуют договоры Руси с греками. Русью в них одинаково названы народ и страна. «Аще ключиться близъ земля Грецкаа тако же проказа лодьи руской, да проводимъ ю в Рускую земля»[2]. О ее объеме, возможно, свидетельствует фраза договора 907 г. об укладах на руские города, где названы Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов и Любечь. Что касается этнического содержания термина «русь», то, согласно договору 911 г., это не только киевские послы или купцы, но и все другие обитатели Руской земли. В одной из статей упоминается «челядинъ рускый». «Аще украден будеть челядинъ рускый, или ускочить, или по нужи продан будеть, и жаловати начнут Руси, да покажеть ся таковое о челядине и да поимуть и в Русь»[3].

Еще определеннее указывает на широкое содержание термина «русь» договор от 944 г. «Аще ли обрящутся русь работающе у грекъ, аще суть плѣньници, да искупають е (их. – *П. Т.*) русь по 10 злотникъ»[4]. В клятвенных статьях на верность договору названы «все люди от страны Руския» и просто «люди руские». «Аще ли кто от князь или от людий руских, ли хрестьянъ, или не хрестьянъ, преступить се, еже есть писано на харатьи сей, будеть достоить своимъ оружьемъ умрети и да будеть клятъ от Бога и от Перуна»[5].

Как видим, в руско-византийских договорах термин «русь» имеет уже достаточно широкое понятийное содержание. Это страна Русь (Руская земля), послы, купцы и люди руские, род руский, князь руский. Нет сомнения, что вся эта терминология взята из живой

---

1 Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье: Источники. Интерпретация. Реконструкция//Вопросы языкознания. 1981. № 2. – С. 3-21.

2 ПВЛ. Ч. 1. – С. 27.

3 Там же. – С. 28.

4 Там же. – С. 37.

5 Там же. – С. 39.

руской действительности первой половины X в. И нет в договорах ни малейшего намека на то, что Русь имеет хоть какое-то отношение к варягам.

Главным основанием для вывода о том, что название «Русь» происходит от варягов, является статья 862 г. «Повести временных лет». Не будь ее, не было бы и теории о норманнском происхождении русов. Удивительно, что исследователи, в других случаях очень скептически относящиеся к летописным свидетельствам, по поводу содержания этой статьи никаких сомнений не высказывают. А между тем, она настолько внутренне противоречивая, что основываясь только на ее свидетельствах, можно прийти к двум противоположным выводам. В ней русы выступают и теми, кого приглашают, и теми, кто приглашает. «И идоша за море къ Варягомъ, к Руси. «Рѣша Русь, Чюдь и Словѣны, и Кривичи, и Вси: «земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ, да поидѣте княжить и володѣти нами. И изъбрашася 3 братья с роды своими, пояша по собе всю Русь»[1].

Здесь непонятно, о какой руси идет речь. То ли о той, которая приглашала братьев, то ли о какой-то другой, которую приглашали. Уточнение «всю» скорее указывает на русь приглашающую, ибо трудно предположить, что братья взяли с собой к славянам всю скандинавскую русь, если такая существовала[2]. Из приведенного здесь же перечня скандинавских народов следует, что места в нем для руси нет. «Сице бо тии звахуся Варязи Русь, яко се друзии зовутья Свее, друзии же Урмане, Анъгляне, друзии Гъте»[3]. Как видим, летопись, сбивчиво говоря о варяжских русах, ни с одним из скандинавских народов их не отождествляет. Наоборот, говорит, что относительно руси все они – другие народы. Но тогда возникает вопрос, а где же жили эти загадочные варяго-русы?

1 ПВЛ. Ч. 1. – С. 18.

2 В свое время ленинградский археолог Д. А. Мачинский, посетовав на то, что обычно исследователи не замечают в летописном тексте того, что «Русь приглашает Русь», и, назвав этот текст «простейшим», тем не менее, уклонился от его анализа. «Это очень важное место, но на анализе его сейчас нет возможности останавливаться». Чит.: Мачинский Д. А. О Ладоге и первоначальной Руси// Старая Ладога. Международная археологическая экспедиция-школа. СПб. 2004. – С. 47-49.

3 ПВЛ. Ч. 1. – С. 18.; А. А. Шахматов считал, что слова летописи «к Руси» являются вставкой, появившейся на этапе третьей редакции «Повести временных лет».

Как полагает В. Я. Петрухин, в «Повести временных лет» начало Руской земли описано дважды, в чем он видит ее зависимость от библейской традиции. Первый раз в статье 852 г., второй – в статье 862 г. Вряд ли древний летописец был столь сведущ в библейских литературных приемах, как нынешний историограф, и сознательно прибег к двукратному повтору в своем описании. При внимательном прочтении названных статей оказывается, что здесь и повторов-то нет. Ни литературных, ни смысловых. В первой статье он сообщил, что начало Руской земли совпало по времени с началом царствования византийского императора Михаила III: «Наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля». Во второй – объясняет происхождение этой самой Руси: «И от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля»[1].

Более того, в летописи есть еще и третье обращение летописца к теме происхождения руси. Оно размещено в статье 898 г. Правда, в такой же мере противоречивое, как и то, что в статье 862 г. «А словеньский языкъ и рускый одно есть, отъ варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша Словене»[2]. Исследователи, отстаивавшие норманнство руси, как правило, ссылаются на вторую часть фразы – «отъ варягъ бо прозвашася Русью» и совершенно не обращают внимание на первую, в которой говорится о языковом единстве славян и русов. Между тем, они находятся в явном противоречии между собой. Причем, содержательно более значимым является первое утверждение. Ибо, если о происхождении названия летописец мог точно и не знать, то о языковом тождестве восточных славян и русов знал определенно. С приходом загадочных «варяго-русов» к восточным славянам никакого другого языка у них не появилось.

Как видим, летописные известия «Повести временных лет», впрочем, как и Новгородской первой летописи, которым некоторые исследователи отдают предпочтение, не содержат однозначных ответов на вопрос о происхождении Руси, как это представляется В. Я. Петрухину[3].

---

1 ПВЛ. Ч. 1. – С. 17-18.

2 ПВЛ. Ч. 1 – С. 23.

3 Петрухин В. Я. История славян и руси в контексте библейской традиции: миф и история в «Повести временных лет»//Древнейшие государства Восточной Европы. 2001. – М., 2003. – С. 93-112.

В Новгородской первой летописи, в частности, утверждается, что не только Русь получила свое название от варягов, но сами новгородцы были варягами. «И от тѣх Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь и от тѣх словет Руская земля; и суть Новгородстии людие до днешнего дни от рода варяжьска»[1].

И как нам быть с этим противоречивым свидетельством? Принимать его целиком, или только ту его часть, которая вписывается в представление нынешнего исследователя? Чаще всего это и происходит. А ведь следует обратить внимание еще и на фразу о призвании варягов. В отличие от «Повести временных лет», в Новгородской первой летописи нет уточнения, что они были русами. «Идоша (словене, кривичи, меря и чудь. – *П. Т.*) за море к Варягомъ и ркоша: «Земля наша велика и обилна, а наряда у нас нѣту, да поидѣте к намъ княжить и владѣть нами»[2].

Среди иностранных источников, которые якобы свидетельствуют о северном происхождении термина «русь», по мнению некоторых историков, является Бертинская хроника епископа Пруденция, рассказывающая о посольстве русов 838-839 гг. В Константинополе послы назвались представителями народа «рос» (rhos) и посланниками хакана (chacanus). В столице Франкского королевства Ингельгейме, где их принимал Людовик Благочестивый и подозревал в шпионстве, назвались не русами, а свеонами (шведами). Вот это признание, будто бы, и является неопровержимым свидетельством северного происхождения русов. В действительности, вывод здесь может быть скорее противоположный. От тождества свеонов и русов отказались сами послы. Они не были этническими русами, а только находились у них на службе. Ведь и в Константинополе послы не назвали себя русами, но утверждали только, что являются их представителями[3].

Такое толкование сообщения «Бертинских анналов», имеющее длительную историографическую традицию, было подвергнуто недавно критике А. В. Назаренко. По его мнению, оно не только

---

1 Новгородская первая летопись. М., 2000. – С. 106.

2 Там же.

3 В литературе бытует также точка зрения, что послы русов назвались своим настоящим именем не в Германии, а в Константинополе.

неправомерное, но и порочно методически, поскольку продиктовано априорным нежеланием признать ведущую, или хотя бы активную роль скандинавского этнического компонента в становлении государственности Руси[1]. Другими словами, перечисленные им историки С. Гедеонов, А. Сахаров, И. Шаскольский, М. Свердлов и др. не хотели видеть в кагане русов скандинава исключительно из патриотических предубеждений.

Не думаю, что А. В. Назаренко прав в своем подозрении о побудительных мотивах историков, отделявших этничность послов от их политической принадлежности. А почему не допустить, что исходили они из того, что в таком объяснении ничего необычного нет, имея в виду дипломатическую практику Руси времен Олега и Игоря[2]. В состав их посольств в Константинополь также входили варяги (в Олегово – исключительно они, в Игорево, преимущественно, они), но их норманнская этничность никак не отрицала того непреложного факта, что были они посланниками руских князей и восточнославянского государства Русь. Об этом определенно говорится в руско-византийских договорах: «Мы отъ рода рускаго... иже послани отъ Олга, великого князя рускаго и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ и великихъ князь». (911 г.), и «Мы отъ рода рускаго съли и гостье (944 г.)[3].

Неизвестно, считает ли А. В. Назаренко более поздние прецеденты отечественной истории корректными аналогиями известиям Пруденция, а вот другой латинский памятник IX в. – послание франкского короля Людовика II византийскому императору Василию I от 871 г. – к таковым относит безусловно. Он у него «абсолютный pendant к записи Пруденция о кагане руси –

1 Назаренко А. В. Русь IX века: Обзор письменных источников//Русь в IX-X веках. Археологическая панорама. Москва–Вологда. 2012. – С. 16.

2 Именно так объяснял состав посольства 839 г. С. Гедеонов. Киевский династ «послал шведов потому, что они состояли при нем дружинниками, а употреблять при посольствах иноземных гостей было в обычаях того времени. В Царьграде шведы сказались Русью, т.е. представителями русской народности». Что касается патриотической предубежденности С. Гедеонова, то она слишком преувеличена. Не признавая «ведущей» роли скандинавов в создании государственности Руси, он, тем не менее, спокойно утверждал, что «Южная Русь состояла под властью Хаганов, по всей вероятности, наместников великого Хагана Хазарии». (Гедеонов С. Варяги и Русь. Историческое исследование. Ч. 2. СПб., 1876, – С. 503.)

3 ПВЛ. Ч. 1. – С. 25, 34.

sueones»[1]. Из последнего утверждения может сложиться впечатление, что словосочетание «каган руси – sueones» принадлежит Пруденцию, тогда как это авторская реконструкция.

А теперь посмотрим, является ли послание Людовика II абсолютным дополнением известиям «Бертинских анналов». Вот его содержание: «Каганом же (chaganus), как мы убеждаемся, звался предводитель (praelatus) авар, а не хазар или норманнов (nortmanni), а также не правитель (princeps) болгар, а король (rex) или государь (dominus) болгар»[2]. Логично предположить, как это и делает А. В. Назаренко, что в несохранившемся письме Василия I речь шла о каком-то правителе норманнов, именовавшимся титулом кагана, которого Людовик II не знает. Учитывая наличие тесных контактов франков со скандинавами, постоянно обменивавшихся посольскими миссиями, можно думать, что франкский император обладал более достоверной информацией, чем император Византии.

Однако допустим, что такой казус действительно имел место и кто-то из норманнских конунгов мог самозвано поименовать себя каганом. Означает ли это, что под ним обязательно следует видеть предводителя Руси? Домыслить можно все, что угодно, но если придерживаться буквально свидетельства источника, такого вывода сделать нельзя. Да и «абсолютного пенданта» между названными источниками, разделенными более чем тридцатью годами, нет. В первом говорится о кагане народа «rhos», но нет уточнения, что он был шведом, во втором речь идет о кагане норманнов, но нет и намека на то, что он был русом.

А. В. Назаренко выходит из этого затруднения тем, что ставит знак равенства между латинским названием «норманны» и греческим – «рос». При этом ссылается на Лиудпранда Кремонского, автора X в., который в рассказе о походе Игоря на Константинополь говорит о народе, называемом греками, по внешнему виду, русью, а по местонахождению – норманнами, то есть северными людьми. Не уверен, что это достаточное основание для утверждения, что в письме Людовика II под норманнами следует понимать русов. Для него ведь северными людьми определенно были не жители,

---

1 Назаренко А. В. Русь IX века. – С. 16.
2 Цит. по А. В. Назаренко. Там же.

обитающие к северу от Византии, а натуральные скандинавы, которых он хорошо знал.

Подводя итоги своим объяснениям свидетельств «Бертинских анналов» и послания Людовика II византийскому императору Василию I, А. В. Назаренко сделал два предположительных вывода. Первый: «Вполне допустимо думать, что в послании Василия I речь шла просто о народе 'рῶς и их кагане»[1]. Второй: «В любом случае, независимо от реконструкции конкретного прототипа лат. nortmanni из письма Людовика II, «норманнам», управлявшимся собственным каганом, не видно никакого иного соответствия, кроме руси». В следующем утверждении сказанное выше обретает силу принципиального факта, который «лишний раз безусловно подтверждается известной арабской традицией об «острове руси»[2].

Если исходить из византийских письменных источников, то значительно больше оснований искать этноним «русь» и его носителей не на далеком севере, а на юге. В них росы, как правило, тождественны не норманнам, но скифам или тавроскифам. Никита Пафлагон в Житии патриарха Игнатия (885 г.), описывая нападение на Константинополь 860 г., отмечает, что его осуществили «скифы, народ, называемый рос». В другом месте он указал и на местообитание этого народа. Это северные берега Понта Эвксинского. «В нее (Амастриду. – *П. Т.*) стекаются, как на общий рынок, скифы, как населяющие северные берега Эвксина, так и живущие южнее»[3]. В «Житии св. Георгия Амастридского», описывающего нападение «варваров росов» на Черноморское побережье Византии, говорится о том, что их свирепость «сохранилась от древнего таврического избиения чужестранцев».

У Константина Багрянородного в рассказе о набеге росов на Константинополь, также сказано, что это

---

1 Надо сказать, что А. В. Назаренко не оригинален в таком предположении. До него это утверждали И.-Ф. Круг и А. Куник. Возражая им, С. Гедеонов полагал, что канцелярия Людовика не угадала бы норманнов под непонятным для нее псевдонимом 'Рῶς. Согласно ему, в письме Василия стояло то имя, которым император Лев отличал Русь своего времени, назвав их русскими северянами. В другом месте С. Гедеонов предположил, что в письме Василия I титул хагана приложен к северным скифам. (Гедеонов С. Варяги и Русь. Историческое исследование. Ч. 2. СПб., 1876. – С. 484-485, 490.)

2 Назаренко А. В. Русь IX в. – С. 17.

3 История Византии. – М., 1967. Т. 2. – С. 226.

«скифское племя, необузданное и жестокое», опустошившее ромейские земли и сам Понт Эвксинский[1]. Патриарх Фотий, бывший свидетелем нападения на Константинополь 860 г., в своих поучениях и окружном послании говорит о нашествии руси, никак не уточняя, кто они.

В подробном описании военной кампании Святослава 871 г. на Балканах Льва Диакона, его войско именуется то росами, то скифами и тавроскифами. «Был между скифами Икмор... первый после Сфендослава предводитель войска, которого скифы почитали по достоинству вторым среди них» ...Тавроскифы и теперь еще имеют обыкновение решать споры убийством и кровопролитием»... «Говорят, что из шестидесятитысячного войска росов хлеб получили только двадцать две тысячи»[2].

Подобная терминология по отношению к руским применялась византийскими авторами и позже. Иоанн Скилица отметил, что на переговорах Святослава с императором руский князь просил, «чтобы ему со всеми своими дозволено было удалиться невредимыми домой, а скифам, если пожелают, безопасно приходить по торговым делам».[3] Михаил Псёл в своей «Хронографии» отмечал, что к императору Василию II «явился отряд отборных тавроскифских воинов», а в мятежном войске Исаака Комнина (1057 г.) находились союзные ему «тавроскифы»[4].

Приведенные и другие подобные отождествления росов со скифами или тавроскифами, содержащиеся в византийских источниках, были бы совершенно невозможными, если бы эти росы являлись жителями скандинавского севера. К тому же, греческие авторы всегда четко различали русов и варягов. Во всех императорских хрисовулах, регламентировавших пребывание иноземных наемников в Византии, русы и варяги неизменно названы как различные этнические группы.

Не было сомнения в том, кого имели в виду греческие

---

1 Бибиков М. В. Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. – М., 2004. – С. 58.

2 Лев Диакон. История. М., 1988. – С. 78-82.

3 Бибиков М. В. Byzantinorossica. – С. 90.

4 Михаил Псёл. Хронография. М., 1978. – С. 10, 144-145. «А дальше уже располагались союзные силы, прибывшие к мятежникам из других земель, италийцы и тавроскифы, сам вид и образ которых внушал ужас».

авторы под названием «скифы» и у руских летописцев. Перечислив все славянские племена, участвовавшие в походе Олега на греков, летописец подытожил, что «си вси звахуться отъ грекъ Великая скуфь»[1].

Не имея надежных письменных свидетельств о северном происхождении названия «Русь», историки, отечественные и зарубежные, прибегали к сомнительным филологическим аргументам. Наиболее убедительным, как им казалось, является термин «ruotsi», которым финны называли шведов. В действительности, к происхождению слова «русь» этот финский термин прямого отношения не имеет. У самих шведов второго такого наименования не было. К ним приложено имя другого народа. Время появления слова «ruotsi» установить невозможно. Скорее всего, оно вошло в обиход, как полагали В. А. Пархоменко, Х. Ловмянский и О. Н. Трубачев, уже когда скандинавы обрели этот политоним на юге, в Киеве[2].

К подобному выводу пришел также и М. И. Артамонов. Согласно ему, финское название «Ruotsi» закрепилось за шведами только потому, что они связались с Русским (Росским) государством, коренное славянское население которого по имени своей земли стало называться «рос». Без этих славянских росов финское наименование шведов русью не привилось бы на Днепре так же, как оно не укоренилось в Новгородской земле. Норманны становились русью благодаря наличию Руского государства, через которое и из которого они выходили и в Византию, и на Восток[3].

Убедительным примером этому может быть свидетельство исландской саги о богатом крестьянине Гёскулде (Höskuld), жившем в середине X в. В ней рассказывается о его встрече с неким купцом, который сидел возле своей торговой палатки в руской шапке на голове. Крестьянин спросил у купца его имя. Тот назвался Гилли, при этом уточнив, что многие лучше понимают, если они слышат и его прозвище – «руский». Как считал Г. Янкун, оно указывает на то, что этот купец вел торговлю с Русью[4]. О руской шапке говорится в

---

1 ПВЛ. Ч. 1. – С. 23-24.

2 Трубачев О. Н. Русь, Россия: Очерк этимологии названия// Русская словесность. 1997. № 3. – С. 67-70.

3 Артамонов М. И. История Хазарии. Л., 1962. – С. 383-384.

4 Jankuhn Herbert. Haithabu. Ein Handelsplatz der Wikingerzeit. Neumünster. 1969. – S. 185-186.

еще одной саге («Weise Njal»). Ее главный герой Гуннар был богатым купцом и с десятью кораблями приплыл в Данию. Там он встретился с королем, подружился с ним и при расставании получил от него рускую шапку. Для Г. Янкуна это убедительное свидетельство торговых связей между Хедебю и Русью[1].

Стоит ли доказывать, что прилагательные, образованные от слова «русь», не были бы для скандинавов столь экзотическими, если бы они сами являлись этой русью.

Что касается филологических изысканий, то их ненадежность слишком очевидная. Понимал это и немецкий славист Людольф Мюллер, пытавшийся преодолеть значительное звуковое расхождение терминов «русь» и «рудер» тем, что первый является эквивалентом второго, приложенным к скандинавам[2]. Другими словами, это славяне изменили рудеров на русов и приложили это название к варягам.

Известный польский историк Х. Ловмянский, которому принадлежит обстоятельное исследование данного вопроса, полагал, что в данном случае, лингвистические разыскания вышли за пределы возможного. Согласно ему, название «Русь» первоначально имело географическое содержание и издавна обозначало Среднее Поднепровье. В процессе образования здесь государства стало его названием, а позже обрело также этническое и социальное значение. «Когда в Киеве появился градообразующий центр не только полян, но и северян, он получил название от территории, на которой жили оба эти племени, от Руси в географическом смысле»[3].

Трудно согласовать с теорией «варяжской руси» и свидетельства арабских географов, на которые традиционно ссылаются ее сторонники. При этом, правда, больше объясняют, что имел в виду тот или иной автор, чем утверждают адекватность их свидетельств историческим реалиям. Больший интерес для выяснения происхождения русов имеют свидетельства IX – начала X вв. Их не так много, как более поздних, но зато информация в них, можно предполагать, еще не осложнена

1 Там же. – С. 213.

2 Müller L. Die Taufe Russlands: Die Frügeschichte des russischen Christemtums bis zun Jahre 989. – München. 1987. – S. 132.

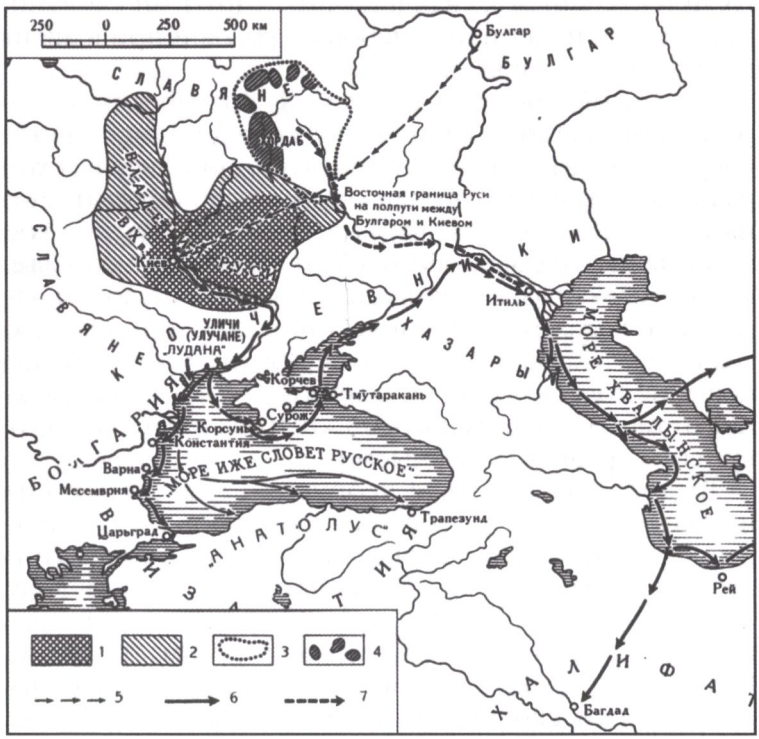
3 Ловмянский Х. Русь и норманны. – М., 1985. – С. 186, 202-203.

знаниями, пусть и глухими, о Киевском государстве. Следовательно, есть гарантия того, что известия о славянах и русах в них относятся еще к догосударственному периоду их истории.

Первым, кто привел в своем сочинении название «Русь», был среднеазиатский географ Муса аль-Хорезми. В «Книге картин земли», написанной в первой трети IX в., он называет реку Друс (Данапрос – Днепр), которая берет начало в горах Джабал-Рус, а также «землю славян» (al-Sacāliba).

Большей конкретностью обладают сведения персидского автора Ибн Хордадбеха, содержащиеся в его «Книге путей и стран», первая редакция которой, как считают востоковеды, увидела свет в 847-848 гг. В ней содержатся известия о стране славян (ас-Сакалиба),

Русь начала IX в. и ее внешние связи. По Б. А. Рыбакову. 1 — ядро Руского союза племен в VI–VII вв.; 2 — владения Руси начала IX в.; 3 — племенной союз вятичей (по данным курганов X–XIII вв.); 4 — локальные варианты археологических данных у вятичей; 5 — путь восточных купцов из Болгара в Киев; 6 — пути сбыта полюдья Киевской Русью в IX–X вв.; 7 — предполагаемый путь сбыта полюдья вятичами.

реке (Волге), которая течет из страны славян и впадает в море Джурджан (Каспийское), а также о купцах ар-рус. «Если говорить о купцах ар-рус, то это одна из разновидностей славян. Они доставляют заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи из самых отдаленных [окраин земли] славян к Румийскому морю. Владетель ар-Рума взимает с них десятину. Если они отправляются по Танаису-реке славян, то проезжают мимо Хамлиджа, города хазар. Их владетель также взимает с них десятину. Затем они отправляются по морю Джурджан и высаживаются на любом берегу... Иногда они везут свои товары от Джурджана до Багдада на верблюдах. Переводчиками для них являются славянские слуги-евнухи. Они утверждают, что они христиане, и платят подушную подать»[1].

При описании пути руских купцов (ар-розанийа) Хордадбех отмечает, во-первых, что они говорят, в том числе, и по-славянски, а во-вторых, ходят также и в страну славян. Месторасположения ее Хордадбех не дает, но то, что из нее купцы попадают в город Хамлидж и далее в море Джурджан (Каспийское), свидетельствует о ее нахождении где-то в Волго-Донском междуречье. По мнению Т. М. Калининой, исходя из топографии находок восточных монет конца VIII-X вв., земли восточных славян находились на Северском Донце и на Дону[2].

Как видим, Ибн Хордадбех совершенно определенно говорит, что купцы русы являются одной из разновидностей славян. Свои товары они собирают в стране славян, везут их по славянской реке Танаису-Дону на черноморские и каспийские рынки, пользуются переводческими услугами славянских слуг. Согласно А. Я. Гаркави, показания Хордадбеха о торговом пути славян и русов являются совершенно самостоятельными и превосходят все позднейшие свидетельства арабских авторов. Объясняя словосочетание «из отдаленнейших стран славян», он полагал, что здесь могут подразумеваться новгородские словене, кривичи, дреговичи и северяне, купцы которых отправлялись

1 Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Перевод с арабского, комментарии, исследования, указатели и карты Наили Велихановой. – Баку. 1986. – С. 124.

2 Калинина Т. М. Торговые пути Восточной Европы IX в. (По данным Ибн Хордадбеха и Ибн ал-Факиха.)//История СССР. 1986. № 4. – С. 79.

к Черному морю, а оттуда могли следовать и в Малую Азию. Второй маршрут проходил по Волге в хазарскую столицу Итиль и далее в Каспийское море[1]. Примечательно, что у Хордадбеха, единственного из ранних арабских авторов, содержится славянское слово «князь». «Царь славян [называется] кнадзь (кнадъ)»[2].

Что касается утверждения, что русы являются племенем из славян (или одной из разновидностей славян), то оно, по существу, очень близко к утверждению руского летописца о том, что «словеньскый языкъ и Руский одно есть». Как утверждал один из крупнейших знатоков арабской историко-географической литературы Б. Н. Заходер, только особой предвзятостью можно объяснить факт непризнания за русами Ибн Хордадбеха руского, в подлинном смысле этого слова, происхождения[3].

Близкие сведения о славянах и русах содержатся также в «Книге стран» Ибн ал-Факиха (903 г.), которая, по мнению историков-востоковедов, основана, в значительной мере, на труде Ибн Хордадбеха. «Что касается купцов славян, то они везут шкурки лисиц и бобров из окраин [земель] славян – и приходят к Румийскому морю... или следуют от моря Славян в эту реку, которая называется рекой Славян, пока не достигнут пролива Хазар, и берет с них десятину властитель хазар»[4].

При сличении текстов названных авторов, нетрудно найти в них и значительные различия. Купцы-русы у ал-Факиха названы купцами славянами, и ходили они не только к Румийскому и морю Джурджан, но и к морю Хазар. Об этом их пути сказано, что он проходил от «моря славян» в «реку славян» и до пролива хазар[5]. Не исключено, что под последним, как предполагает

1 Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). – СПб. 1870. – С. 56.

2 Там же. – С. 48.

3 Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. – М., 1962. Т. 1; – М., 1967. Т. 2. – С. 86.

4 Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв.: В кн.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. – М., 1965. – С. 379, 385.

5 Новосельцев А. П. Восточные источники. – С. 115.; Джаксон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Подосинов Л. В. «Русская река». Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой литературе. – М., 2007. – С. 123.

Т. М. Калинина, следует подразумевать море Азовское, из которого можно было попасть в Черное и Средиземное моря. Что касается «моря славян», то у ал-Факиха речь идет, скорее всего, о Балтийском море[1].

Необычную интерпретацию сведений Ибн Хордадбеха и ал-Факиха предложил О. Прицак. Согласно ему, ар-Рус и ас-Сакалиба – это одна и та же торговая корпорация, находившаяся в Южной Франции, а наиболее отдаленные окраины Сакалиба – это не земли славян, а Северная или Средняя Европа[2].

Чрезвычайный интерес для данной темы представляет рассказ арабского автора середины X в. ал-Масуди о Черном море, которое названо у него морем булгар и русов. В «Книге предупреждения и пересмотра» читаем. «Четвертое море – море Понт, это море булгар, русов и других народов»[3]. Как тут не вспомнить содержательно близкое утверждение руского летописца, помещенное в недатированной части «Повести временных лет». «А Днѣпръ втечеть в Понетьское море жереломъ, еже море словеть Руское»[4].

«Словеть» означает «называется» или «известно». Разумеется, летописец не мог знать свидетельства арабского автора, но оказывается, что на Руси то же самое представление о Черном море сохранилось в народной памяти. Это еще один аргумент в пользу южного происхождения народа рос-русь, ибо, если бы его родиной был скандинавский север, тогда название «Руское» должно было получить Балтийское море.

В заключение обзора арабских известий о русах и славянах обратимся к свидетельству наиболее цитируемого арабского автора Ибн-Фадлана. По мнению сторонников норманнского происхождения названия «Русь», именно у него содержатся убедительные доказательства этому. Согласно Фадлану, прибывшие в Итиль (или Булгар) по торговым делам русы «имеют при себе неразлучно меч, нож и секиру; мечи же их суть широкие, волнообразные, клинки франкской работы... Каждая же их женщина имеет на груди прикрепленную коробочку из железа ли, из меди ли,

---

1 Калинина Т. М. и др. «Русская река». – С. 124.

2 Пріцак О. Походження Русі. Т. 2. – К., 2003. – С. 861-870.

3 Бейлис В. М. Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX-X вв.//Ближний и Средний Восток – М., 1962. – С. 26.

4 ПВЛ. Ч. 1. – С. 12.

из серебра либо из золота... Они приходят из своей страны и бросают якорь в Итиль, которая есть большая река, и строят на ее берегу большие деревянные дома»[1].

Приведенное описание не оставляет сомнения в том, что в Итиль (или Булгар) прибыли варяжские купцы. В пользу этого свидетельствует также и рассказ Фадлана о похоронах знатного руса, осуществленных по обряду, характерному для норманнского севера.

Конкретное тождество русов и варягов здесь не может быть поставлено под сомнение. Но, как это ни покажется странным, оно ровным счетом ничего не говорит о происхождении этнонима русь. События, описанные Фадланом, имели место около 922 г. К этому времени Русь с центром в Киеве уже заявила о себе миру походами на Константинополь и каспийские города. Установила договорные отношения с Византией и Хазарией. Русами стали не только варяжские князья, но и все подданные Киевского государства. В том числе, по-видимому, и люди, прибывшие по торговым делам в Булгар или Итиль.

Как полагает польский исследователь П. Урбаньчик, свидетельства арабских географов позволяют нам подвергнуть сомнению мысль о доминировании в Восточной Европе скандинавов, которые активно эксплуатировали ресурсы населенных пассивными славянами земель. Что касается этничности русов, то, согласно ему, русы были смешаны с финнами и балтами, но, прежде всего, со славянами. Присутствие славян в отрядах руси хорошо засвидетельствовано в наблюдениях Ибн Хордадбеха[2].

Логично предположить, что если бы русы были тождественны варягам, тогда это должно было найти свое отражение не только в статье 962 г., совершенно путаной и противоречивой, но и в других. Прежде всего, в статье 882 г., рассказывающей о походе Олега на юг. Казалось, летописец должен был сообщить о приходе в Киев руского князя или просто русов. Но в ней ничего этого нет. Летописец пишет: «Поиде Олегъ, поимъ воя многи, варяги, чюдь, словѣны, мерю, весь, кривичи»[3].

---

1 Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей... – С. 93-94.

2 Урбаньчик П. Sagāliba та Rusiya//Ruthenica. Т. XII. К., 2014. – С. 11.

3 ПВЛ. Ч. 1. – С. 20.

Овладев Киевом, он заявил, что «Се буди мати градомъ русьскимъ». Дальше летописец уточнил, что с этого времени руśкой стала и пришедшая с ним дружина. «И быша у него варязи и словѣни и прочи прозвашася русью»[1].

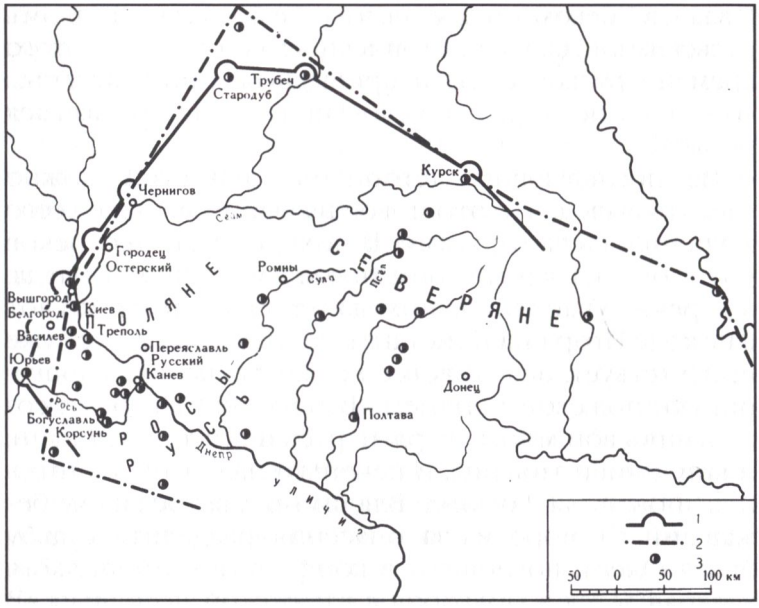
Из последующих летописных известий можно сделать вывод, что это новое название меньше всего закрепилось за варягами. В походе Олега на греков 907 г. они названы своим прежним именем. Правда, в перечне участников похода нет еще и руси. Но вот в походе Игоря на Константинополь в 944 г. русь уже присутствует, но это вовсе не варяги, которые фигурируют под своим именем. «В лѣто 6452. Игорь же совокупивъ вои многи, варяги, русь и поляны, словѣни, и кривичи, и тивѣрцѣ, и печенѣги ная, и тали у нихъ поя, поиде на Греки»[2]. Владимир Святославич, бежавший за море из-за опасения разделить судьбу брата Олега, погибшего в конфликте с Ярополком, возвращается в Новгород с варяжской помощью. «В лѣто 6488. приде Володимиръ съ варяги Новгороду»[3]. По-видимому, эти же варяги помогли ему овладеть и Киевом. В перечне участников похода на Киев они названы первыми.

Чрезвычайный интерес в плане обретения общего имени Русь представляют известия о борьбе за Киев Святополка и Ярослава. Узнав об избиении киевским князем братьев Бориса и Глеба, Ярослав в 1015 г. выступил в поход на Киев. В его войске была тысяча варягов и четыре тысячи «прочих», по-видимому, словен, кривичей и представителей других северных племен. Навстречу ему выдвинулся Святополк «пристрои бещисла вои, русь и печенѣгъ»[4]. После утверждения на киевском столе уже Ярослав становится обладателем руской дружины. Для похода против Святополка и Болеслава Польского он «совокупивъ русь, и варягы и словѣнѣ»[5].

В приведенных свидетельствах важными являются два обстоятельства. Во-первых, летописец не отождествляет варягов с русью и, во-вторых, обнаруживает последнюю только в дружинах киевских князей.

---

1 Там же.
2 Там же. – С. 33-34.
3 Там же. – С. 54.
4 Там же. – С. 96.
5 Там же.

Руская земля (в узком смысле слова) по Б. А. Рыбакову. 1 — по историческим данным XII в.; 2 — по археологическим материалам VI–VII вв.; 3 — важнейшие места находок VI–VII вв.

В Повести временных лет, в статье 898 г., содержится еще одно примечательное известие, которое редко участвует в дискуссиях о происхождении названия «Русь». Между тем, представляет несомненный интерес. Говоря о народах, у которых «бѣ единъ языкъ словѣнескъ», летописец называет среди них и полян, которые теперь именуются русью. «Поляне, яже ныне зовомая Русь»[1]. Трудно сказать, какое точно время датирует данная фраза. С определенностью только можно утверждать, что не начало XII в. К этому времени уже все восточнославянские племена стали русью, и не было никакой нужды особо выделять в этом плане полян. Да и сами племенные названия давно вышли из употребления, их заменили производные от названия городов: кияне, новгородцы, смоляне, полочане и т. д.

А. Н. Насонов, исследуя вопрос о Руси в узком смысле слова, полагал, что она, как территориальное и политическое образование, сложилась в эпоху ослабления хазарского каганата, которое приходится на IX в.

1 Там же. – С. 21.

Категорически не соглашаясь с отождествлением русов с варягами, он утверждал, что последние получали это название, только попав на юг. В целом «Русскую землю» А. Н. Насонов отождествлял с теми славянскими племенами, которые находились в зависимости от хазар[1].

К значительно более раннему времени отнес формирование Руской земли Б. А. Рыбаков. Согласно ему, народ рос или рус угадывается в сирийском источнике VI в. («Церковной истории» Псевдо-Захарии) о неких богатырях hros, соседствовавших с амазонками и обладавших огромным ростом. Географически область народа рос должна соответствовать юго-восточной окраине антских племен, где распространена культура пальчатых фибул. Совпадение ареала последней с летописными данными о Руской земле позволило Б. А. Рыбакову отождествить данную культуру с древностями русов[2]. Что касается происхождения названия «Рос», то оно, возможно, восходит еще ко временам готского историка Иордана, упомянувшего «вероломное племя росомонов». В V-VI вв., после гуннского разгрома, название «Рос» или «Русь» наложилось на имя Полян, а затем и вытеснило его[3].

Со славянами-антами отождествляли росов сирийского источника Н. В. Пигулевская и М. А. Дьяконов[4]. Этот вывод разделял также О. Н. Трубачев, показавший, что на Причерноморских землях наряду с иранским этническим элементом длительное время сохранялся и индоарийский[5]. В пользу иранского или индоарийского происхождения этнонима русь высказался также лингвист В. И. Абаев. Согласно его изысканиям, этноним «русь» соответствует персидскому ruxs, что означает сияние, или осетинскому ruxs-roxs – светлый[6]. Согласно М. И. Артамонову, росы Псевдо-Захария – это сармато-аланы Среднего Поднепровья. В VII веке они были разгромлены Хазарией, после чего на освободившиеся

1 Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. – С. 41-42.

2 Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. – М., 1982. – С. 73-90.

3 Там же. – С. 86.

4 Дьяконов А. П. Известия Псевдо-Захария о древних славянах. – ВДИ. 1939. № 4. – С. 84-87.

5 Трубачев О. Н. Indoarica. – С. 3-21.

6 Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 2. – М., 1973. – С. 435-437.

земли пришло славянское население, которое и унаследовало имя «Русь»[1].

Последовательным сторонником южного происхождения термина «русь» был М. С. Грушевский, который склонен видеть в нем исконно славянское слово. Согласно ему, «Русь было специальным именем киевской окрестности, Полянской земли, и если все попытки вывести его от иных, чужих народов, северных и южных, до сих пор не удаются, то не будет слишком смелою мыслью считать его просто местным известным именем киевской округи»[2].

Когда произошла окончательная замена полян на русь, сказать сложно. Не исключено, что уже в первой половине X в. Последний раз имя «поляне» упомянуто в перечне племен, принимавших участие в походе Игоря на Византию в 944 г. Хотя и в конце IX в. название «Русь» было, по-видимому, достаточно известным в Среднем Поднепровье. Подтверждением этому может быть знаменитая летописная фраза, вложенная в уста Олега, провозгласившая Киев «матерью городам руским». Примечательно, что такой чести удостоился не какой-либо северный восточнославянский город, Новгород или Ладога, где варяги появились на несколько десятилетий раньше, а южный. Да и сам Олег с дружиной стали рускими только в Киеве.

О том, что Русью первой половины X в. было только Среднее Поднепровье, свидетельствует, в частности, летописный рассказ об убийстве древлянами князя Игоря в 945 г. «Рѣша же древляне: «Се князя убихомъ рускаго; поимемъ жену его Вольгу за князь свой Малъ»[3]. Из этой фразы явствует, что сами древляне тогда еще не были русью. И может быть, поэтому они не были участниками похода Игоря на Византию в 944 г. Хотя к этому времени Русь, как государство, территориально уже далеко вышла за пределы своей прародины. Видимо, в нее входило все пространство вдоль пути «из варяг в грекы», где проживали кривичи, словене, западные северяне и поляне.

Можно предполагать, что где-то в это время определилась и содержательная двойственность термина «русь». Отчетливо об этом говорится в трактате

---

1 Артамонов М. И. История Хазар. – Л., 1962. – С. 289-294.

2 Грушевский М. С. Киевская Русь. Т. 1. – СПб. 1911. – С. 229-230.

3 ПВЛ. – Ч. 1. – С. 40.

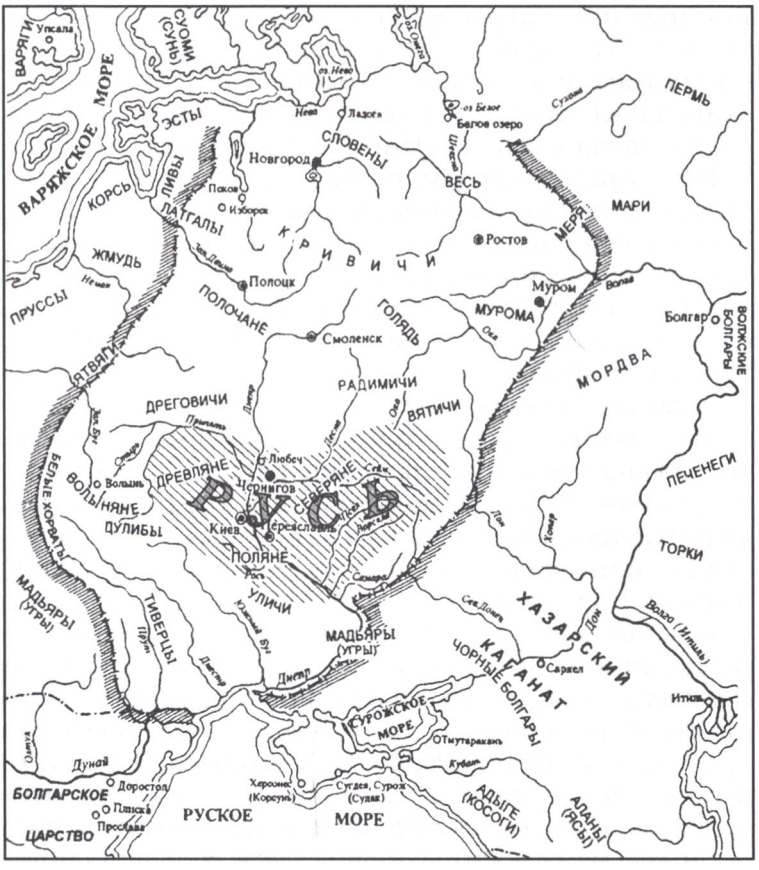
Константина Багрянородного «Об управлении империей», где присутствует термин «Внешняя Русь». «Приходящие из внешней Росии в Константинополь моноксилы являются одни из Немограда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта России».

В исторической литературе часто можно встретить, что именно к Константину восходит деление Руси на «внешнюю» и «внутреннюю». В действительности о внутренней Руси в его сочинении ничего не говорится, что повергает в смятение некоторых исследователей. Однако ничего загадочного здесь нет. Если была «Внешняя Русь», то вполне логично предполагать, что была и «Внутренняя Русь». При этом, судя по всему, это не столько географическое понятие, сколько политическое. Центральное средоточие государства Русь. Для Константина это был регион, куда сходились моноксилы и откуда они отплывали в Константинополь. Буквально, – пространство между Киевом и Витичевым.

Б. А. Рыбаков, осуществивший раскопки двух из перечисленных Константином городов – Любеча и Витичева, полагал, что именно они определяют границы Внутренней Руси. Думается, что при установлении пределов собственно Руской земли, не следует всецело полагаться на свидетельство византийского императора. Его знания исторической географии ранней Руси были весьма относительными. Здесь больше оснований доверяться более поздней летописной традиции.

В ней Руская земля выступает в двух значениях: широком, обозначающем все государственное пространство, и узком, указывающем на земли между Киевом, Черниговом и Переяславлем. Вот только несколько примеров.

Юрий Долгорукий, собираясь занять киевский стол, выступил из Ростово-Суздальской земли «в Русь». Обиженный за сына Ростислава, которого выгнал из Киевской земли Изяслав Мстиславич, он воскликнул: «Тако ли мнѣ части нѣту в Руской земли». После убийства Андрея Боголюбского владимирские бояре говорили: «Князь наш убьенъ, а дѣтей у него нету, сынок его в Новѣгороде, а братья его в Руси». Михаил и Всеволод Юрьевичи находились в то время в Чернигове. После неудачной попытки закрепиться во Владимире-на-Клязьме Михалко «поѣха в Русь». Позже, уже будучи владимиро-суздальским

Восточные славяне и Русь накануне образования государства.

князем, Всеволод заявил киевскому князю Рюрику Ростиславичу протест из-за того, что тот не дал ему волости в Руси: «А мнѣ еси части не учинилъ в Руской землѣ».

После основания города Переяславля в Суздальско-Залесском крае суздальские летописцы стали называть Переяславль Южный Руским (Русьским, Рускым). «Того же лѣта (1198 г. – *П. Т.*) посла благовѣрный и христолюбивый князь великий Всеволод Гюргевич, Павла на епископьство в Русьский Переяславль»[1].

Тождественной Киеву была Русь также и для новгородцев. В летописной статье 1135 г. говорится: «Иде в Русь архиепископ Нифонт». Перед поставлением архиепископа Ильи в Киев было отправлено

1 ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. – М., 1962. – Стб. 414.

новгородское посольство во главе с игуменом Юрьевского монастыря Дионисием. «В то же лѣто ходи игумен Дионисий съ любовью в Русь»[1].

Киев и Киевщина были Русью также и для Смоленска. В рассказе об обмене подарками в 1148 г. между братьями Изяславом Киевским и Ростиславом Смоленским читаем: «Изяславъ да дары Ростиславу, что отъ Рускыи землѣ и отъ всихъ царьскихъ земель, а Ростиславъ да дары Изяславу что отъ Верхнихъ земль и отъ Варягъ»[2]. В 1197 г. смоленский князь Давид Ростиславич отправил «сына своего Константина в Русь... брату своему Рюрикови на руцѣ»[3].

Не принадлежали к исконно Руской земле Волынь и Галичина. Князь Изяслав Мстиславич, периодически терявший киевский стол, уходил из Руской земли на Волынь, а оттуда снова возвращался в Русь. Дружины киевского князя Всеволода Ольговича, осадившие в 1144 г. город Звенигород, названы «Рускими полками», тогда как дружины Володимирка Галицкого наименованы «галичанами». В 1152 г. Володимирко принял решение поддержать Юрия Долгорукого, «идуча в Русь, поиде к Кыеву»[4]. Встретив киевского посла Петра Бориславича возле церкви св. Спаса и удивившись, что тот еще не уехал из Галича, Володимирко грозно воскликнул: «Поѣха мужь Рускый»[5].

Из летописной статьи 1146 г., рассказывающей о борьбе князей за Киев после смерти Всеволода Ольговича, как будто следует, что к коренной Руси не принадлежала и Северщина. Брат покойного Святослав, княживший в Новгород-Северске, предложил занять киевский стол Юрию Долгорукому. «А поиди в Рускую землю Киеву... а азъ ти сдѣ... буду ти помощникъ»[6]. Из сказанного следует, что для Святослава Руская земля это Киев, а помощником Юрию он обещает быть не в ней, а «сде», т. е. на Северщине.

Однако, если основываться на свидетельстве арабского автора середины XII в. Идриси, особо отрекомендовавшего Северский Донец «рекой Русией», можно предположить, что северяне имеют

1 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М., 2000. – С. 32.
2 ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. – М., 1998. – Стб. 369.
3 Там же. – Стб. 704-705.
4 ПСРЛ. Т. 1. – Стб. 338.
5 ПСРЛ. Т. 2. – Стб. 462.
6 Там же. – Стб. 329.

непосредственное отношение к древнейшей Руской земле. Б. А. Рыбаков уверенно относил к городам первичной Руси города Новгород-Северский, Курск, Глухов, Стародуб[1].

Примеров, подобных приведенным выше, в летописи, как говорится, великое множество, и все они показывают Русь в узком значении слова в Среднем Поднепровье: между Десной на севере, Росью и Тесминем на юге, Сеймом и Сулой на востоке, Горинью на западе. Для летописцев XII-XIII вв. это своеобразная сакральная земля, где некогда существовала их общая прародина Русь. И не суть принципиально, образовалась она в IX в., как полагал А. Н. Насонов, или в VI-VII вв., как утверждал Б. А. Рыбаков, отождествлявший ее с областью распространения культуры пальчатых и антропоморфно-зооморфных фибул, важно то, что не будь этого явления в реальной жизни, не было бы и такой долгой и стойкой памяти о нем в народе.

Сторонники северного происхождения названия «Русь» в качестве одного из аргументов приводят наличие там топонимов с корнем «рус». Например, город Русса. Но на юге восточнославянского мира таких топонимов и гидронимов значительно больше. Это реки Рось, Росава, Роставица на правом берегу Днепра, река Рось, приток Сейма – на левом, населенные пункты Рославичи, Ростовец, Русская поляна. Кроме них, Б. А. Рыбаков называл еще несколько топонимов с корнем «рус», которые, как он утверждал, находились на границе земли русов: Русский Орчик (южнее Полтавы), Русское Лозовое (севернее Харькова), Русская Буйловка на Дону. Известно также, что Росью называлась река Оскол[2]. Как полагал известный российский лингвист О. Н. Трубачев, исследовавший Днепро-Донской регион архаических славянских гидронимов, именно здесь начал шириться этноним «рус» – «русь»[3].

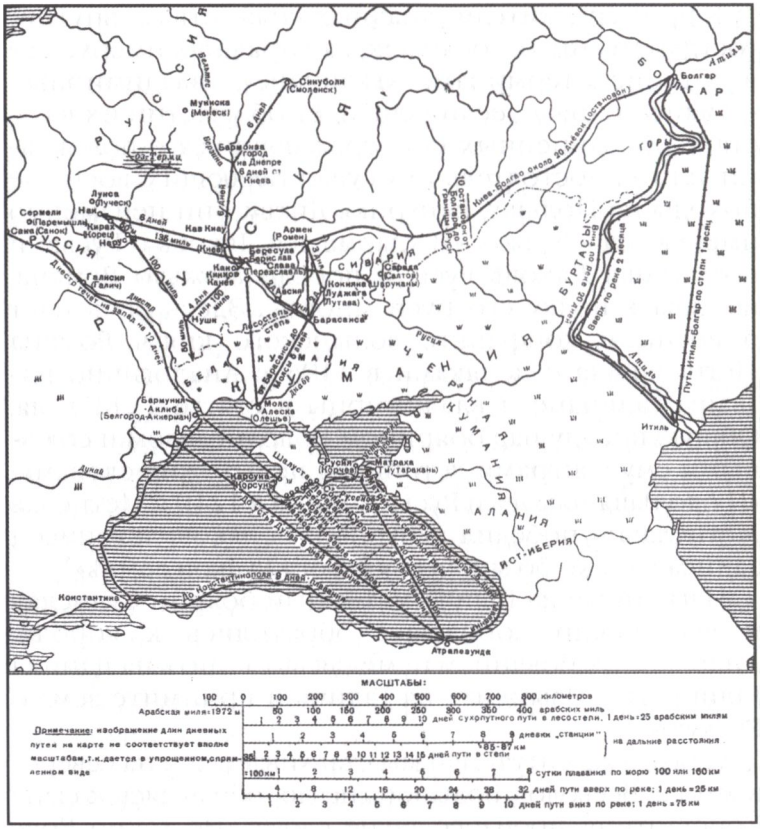
Все сказанное выше не оставляет и малейшего сомнения в том, что летописные свидетельства XII-XIII вв. очертили именно то первичное ядро, которое

---

1 Рыбаков Б. А. Киевская Русь ... – С. 65.

2 Рыбаков Б. А. Киевская Русь ... – С. 73.

3 Трубачев О. Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. – М., 1997. – С. 207.

Данные Идриси (1154 г.) на современной карте. Схема Б. А. Рыбакова.

положило начало формированию Киевского государства и его территории.

В некоторых исторических исследованиях, особенно украинских, можно встретить утверждение, что только эта центральная часть Киевского государства и была Русью. Все другие земли XII-XIII вв. этим именем не назывались. Разумеется, это не так. Достаточно внимательно прочитать летопись, чтобы убедиться, что название «Русь», по мере окняжения восточнославянских племенных объединений, распространялось из Среднего Поднепровья на другие регионы. Уверенно можно утверждать, что это имело место уже во времена княжения Владимира Святославича, когда киевская власть дошла до всех восточнославянских племен, и управление над ними сосредоточилось в руках единой княжеской династии. К этому времени вполне руской.

К примеру, жители западных княжеств во внутригосударственных событиях, как правило, именуются в летописи терминами «галичане», «владимирцы», «лучане», однако, если речь идет об участии их в составе объединенных сил, сражающихся с половцами или самостоятельно осуществляющих военные походы на Польшу, Венгрию, Литву, они неизменно именуются «Русью». «И ударишася Ляховѣ с Русью и потопташа Ляховѣ Русь, и победи Межько Романа, избиша в полку его руси много»[1]. Здесь речь идет о военном конфликте волынского князя Романа Мстиславича с поляками в 1195 г. Аналогично названы галичане и владимирцы в статье 1211 года. Общую победу над боярином Володиславом и союзными ему венграми летописец подытожил словами: «И одолѣша Ляховѣ и Русь»[2]. Когда в 1219 г. Мстислав Мстиславич победил венгров и поляков, летописец записал: «Тако бо милость от Бога Рускои землѣ»[3].

Изгнанные из Галича мятежный боярин Судислав и венгерский королевич обратились к королю Андрею с требованием немедля выступить на Данила Галицкого. «Изыидитѣ на Галичь и приимите землю Рускую»[4].

С такой же ситуацией мы сталкиваемся и на северо-востоке. Всеволод Большое Гнездо, обращаясь к сыну Константину, произнес такие слова. «Не токмо Богъ положилъ на тебѣ старѣищиньство в братьи твоеи, но и въ всей Русскои земли»[5]. Рассказывая об участии жителей Владимиро-Суздальского княжества в различных внутренних конфликтах, летописец пользуется терминами, производными от названий городов: «суздальцы», «ростовцы», «владимирцы» и др. Однако, если речь идет о взаимодействии их с иноплеменниками, они неизменно именуются общим словом «русь». Болгары (волжские. – *П. Т.*) поидоша на Русь, одержать победу над ними «поможе Богъ Руси», полки Всеволода Юрьевича названы рускими: «Болгарѣ же, видѣвше множьство Рускихъ полковъ»[6].

---

1 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 687.
2 Там же. – Стб. 730.
3 Там же. – Стб. 738.
4 Там же. – Стб. 760.
5 ПСРЛ. Т. 1. – Стб. 422.
6 ПСРЛ. Т. 2. – Стб. 625-626.

Удивительно, но менее всего название «Русь» и «Руская земля» употреблялись по отношению к Новгородщи́не, где, казалось бы, исходя из утверждения о северном происхождении термина «русь», должны были бы быть наиболее органичными и встречаться особенно часто. Однако, при чтении новгородских летописей создается впечатление, что новгородцы не очень-то и идентифицировали себя с русью. Такое название они охотно употребляли по отношению к Киеву.

И, тем не менее, в ряде летописных текстов свою связь с русью они таки определили. Рассказывая о смерти новгородского архиепископа Нифонта в 1156 г., летописец отрекомендовал его как поборника «всеи Рускои земли»[1], а значит и Новгородщины. В сообщении о втором хождении Александра Ярославича к хану Батыю Новгородская земля названа Русью. «В лѣто 6754. ѣзди Александръ другое к Батыю, и Батыи отпусті его на Русь съ честію». Аналогичной формулой пользуется летописец и в рассказе об участии Александра в отражении литовского вторжения. Одержав ряд побед, он «самъ прииде здравъ и дружина его на Русь»[2].

Приведенные примеры убеждают, что, несмотря на родовую рускость Южной Руси, предстающей в летописях этнополитической сердцевиной всего восточнославянского пространства, уже во времена Владимира Святославича русскими были и все остальные его регионы.

1 Там же. – С. 189.
2 Там же. – С. 229.

Глава 2

В поисках загадочного Русского каганата

Известия арабских авторов IX в. о стране Русов, царя которых зовут «хакан русов», не находят среди исследователей единодушного толкования. Труднее всего им дается проблема локализации этой загадочной страны. Историкам-норманнистам В. Томсену и А. Стендер-Петерсену, а вслед за ними и украинскому диаспорному ученому О. Прицаку, казалось, что Руский каганат, являвшийся политическим предшественником Киевской Руси, располагался в междуречье Волги, Трубежа и Которосли[1]. Согласно П. Б. Голдену, Руский каганат размещался в бассейне Оки и являлся вассалом хазарского кагана[2]. Д. А. Мачинский, А. Н. Кирпичников, Дж. Шепард, К. Цукерман убеждены, что он находился в Волховско-Ильменском бассейне, а его столицей была сначала Ладога, а затем Новгород (Рюриков городок)[3].

А. Н. Насонов, Б. А. Рыбаков, Х. Ловмянский, Г. Г. Литаврин, В. В. Седов, автор этих строк и другие обосновывали среднеднепровское местоположение изначальной Руси[4]. Ряд исследователей склонны

---

1 Pritsak O. Where was Constantines inner Rus //Harvard Ukrainion Studies. Okeanos.- 1983.Vd. VII. P. 555-556.; Его же. The Origins of Rus. Vol. 1. Cambridge, 1981. P. 182.

2 Golden P. B. The Question of Rus Qaganate. – AEMA 2, 1982. – P. 77-79.

3 Кирпичников А. Н. 1250-летие Старой Ладоги. – Сб. Культура, образование, история Ленинградской области. – С.-Петербург, 2002. – С. 39-40; В одной из более ранних работ А. Н. Кирпичникова, написанной в соавторстве с И. В. Дубовым и Г. С. Лебедевым, высказана мысль, что «каганат росов» охватывал территорию, примерно соответствующую границам Киевской Руси 882-1054 г. (Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени).//Славяне и скандинавы. – М., 1986. – С. 189-190.

4 Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. – М., 1982. – С. 99; Ловмянский Х. Русь и норманны. – М., 1985.

были размещать Руский каганат на юге – в Тавриде и Крыму. Согласно А. П. Дьяконову, В. Г. Васильевскому, А. Н. Насонову, уже в IX в. имя русов было «не только известным, но и достаточно распространенным в южном побережье Черного моря»[1]. В 60 – 70-е годы XX в. мысль о южном местообитании русов получила развитие в трудах киевского археолога Д. Т. Березовца. Сопоставив свидетельства восточных авторов с археологическими реалиями Подонья и Приазовья VIII-X вв., исследователь пришел к выводу, что именно в этом регионе и находилась первичная Русь[2].

В связи с празднованием 1250-летнего юбилея Старой Ладоги, идея Ладожской Руси обрела как бы второе дыхание. По мнению А. Н. Кирпичникова, во второй половине VIII – первой половине IX вв. Ладожская Русь наряду с Хазарией выдвинулась как торговый лидер евразийских экономических связей по Великому Волжскому пути. Ладога стала резиденцией правителя, стольным княжеским городом, т. е. столицей складывающейся державы Рюриковичей.

Аналогичного мнения придерживался и Д. А. Мачинский. Согласно его версии, в пяти из семи известных списков «Повести временных лет» первым городом, где «сел» приглашенный на княжение Рюрик, т. е. столицей, названа Ладога. Причем, уже в дорюриково время ее властелины будто бы не удовлетворялись титулами конунга или князя, а претендовали на более высокий. На какой? Оказывается, на «хакана народа рос», что будто бы подтверждается Бертинскими анналами, повествующими о визите в 839 г. к Людовику Благочестивому послов «хакана» народа «rhos»[3].

194-197; Толочко П. П. Спорные вопросы ранней истории Руси. – Сб. Славяне и Русь (в зарубежной историографии). – К., 1990. – С. 104-108.; Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. – М., 2003. – С. 255 - 295.

1 Васильевский В. Г. Труды III. Птг., 1915. – С. 110; Дьяконов А. П. Известия Псевдо-Захария о древних славянах. – ВДИ. – М., 1939. № 4. – С. 84; Насонов А. Н. Тмутаракань в истории Восточной Европы. – Исторические записки. № 6. – М., 1940. – С. 80.

2 Березовець Д. Т. Про ім'я носіїв Салтівської культури// Археологія. Т. XXIV. – С. 59-74.

3 Мачинский Д. А. Была ли Ладога столицей Руси? – Сб. Культура, образование, история Ленинградской области. – С.-Петербург. 2002. – С. 58-64.

Энтузиазм петербургских археологов, располагающих таким роскошным ранним памятником, как Ладога, к тому же так обстоятельно исследованным А. Н. Кирпичниковым, можно понять, но для столь ответственного вывода о первичной Руси в бассейне Волхова и Ильменя одних патриотических предубеждений мало. Ссылки на Бертинские анналы не корректны, поскольку в них вообще ничего не говорится о местонахождении Руского каганата. Свидетельства руских летописей носят полусказочный характер, но и в них сведений о Волховско-Ильменской Руси нет. Сказано, что Рюрик «сел» в Ладоге, но максимум, на что дает право данное известие, – это на утверждение, что этот город стал политическим средоточием варяжских пришельцев. С большой натяжкой можно сказать – «столицей державы Рюрика» (и то всего на два года), но никак не «державы Рюриковичей», коих еще не было в природе.

В последнее время с развернутым обоснованием северного местонахождения начальной Руси выступил французский историк К. Цукерман, предложивший заодно и пересмотр всей начальной истории Древней Руси[1]. Исходя из того, что хронология «Повести временных лет» не может претендовать на абсолютную, он предложил свою, как ему кажется, более реалистичную. При этом, оповестил научный мир о своем «открытии» с настойчивостью миссионера-проповедника. Статьи на эту тему он опубликовал на французском, английском, русском и украинском языках. В одной из последних с огорчением посетовал, что «читатели-специалисты, сжившиеся с «условными» датами, отозвались в общем в том смысле, что ни проблем им моих, ни решений не надо, не сознавая, что как в известной сказке Андерсена, тщательно охраняемой условности явно настал конец»[2].

А теперь попробуем вникнуть в суть рассуждений К. Цукермана. В целом, они сводятся к тому, что ни общая канва ранней руской истории, ни ее хронология, изложенные в «Повести временных лет», не имеют ничего общего с реальностью. Вместо привычной летописной, предложил свою схему начальной Руси. До

1 Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства//Археологія. № 1, 2003. – С. 76-99.

2 Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории //У истоков русской государственности. СПб., 2007. – С. 343-351.

того, как политический ее центр оказался в Среднем Поднепровье, руская государственность, согласно ему, пережила два этапа своего формирования. И оба на севере. Первый приходится на 30–70-е годы IX в., второй – от прихода к словенам Рюрика в 895 г. и до начала X в., когда ее политический центр перемещается в Среднее Поднепровье. На первом этапе это государственное образование называлось Руским каганатом, находилось в бассейне Волхова, а столицей имело Ладогу. В начале 70-годов IX в., в результате какой-то неизвестной межплеменной войны, Руский каганат оказался разрушенным, на смену ему в 90-е годы IX в. пришло новое образование во главе с Рюриком, сохранившее прежнее название «Русь»[1].

Среди источников, дающих основание для таких выводов, К. Цукерман называет Бертинские анналы, письмо византийского императора Василия I Людовику II Италийскому от 871 г., свидетельства арабских авторов Ибн Русте (около 920 г.) и аль-Якуба (889-890), а также «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона и другие руские письменные известия. На первый взгляд – достаточно объемная источниковая база, но в действительности не располагающая конкретными данными ни о Руском каганате, ни о его местонахождении. Все свидетельства требуют исследовательских интерпретаций.

Центральное место в доказательствах К. Цукермана о Руском каганате в Волховско-Ильменском регионе занимает письмо Василия I Людовику II Италийскому. Оно не сохранилось, но по ответу франкского короля можно судить о его содержании. Судя по всему, Василий I был возмущен тем, что титул каган (chakanus), равный императорскому, носят верховные правители аваров, хазар (Cazari) и норманнов (Nortmani). В ответе Людовик II заявил, что он «заметил» только аварского

1 Похожую модель ранней руской государственности еще раньше предполагал Д. А. Мачинский. Он тоже основывался, в значительной мере, на археологических материалах, которые, будучи сам археологом, знал не хуже К. Цукермана. Так вот, согласно ему, сложившаяся экономическая и политическая ситуация Волховско-Ильменской Руси была нарушена около 845-850-х гг. викингами (норвежцами или датчанами), в конце 60-х гг. IX в. происходит восстание северных племен против «варяговнаходников», а после «смуты», около 865-871 гг., состоялось приглашение Рюрика. (Мачинский Д. А. О Ладоге и первоначальной Руси. – С. 63.)

кагана, но не хазарского и не норманнского. Из этого К. Цукерман сделал следующий вывод: «Норманнский каган, неизвестный франкскому императору, может быть только каганом народа Rhos, упоминаемого в Бертинских анналах»[1]. Так интерпретировал ответ Людовика II и А. В. Назаренко, о чем речь шла в предыдущей главе.

Здесь возникает вопрос, а почему не каганом хазар? Ведь последний тоже неизвестен Людовику II[2]. К тому же, письмо Людовика II датируется 871 г., когда, по хронологии К. Цукермана, Руский каганат на Волхове был уже кем-то разгромлен, а новое объединение во главе с Рюриком появится только через четверть столетия. И вообще, аргументировать что-либо фактом незнания совершенно неприемлемо.

Не большей конкретностью обладают и сведения восточных авторов Ибн Русте и аль-Якуба. Первый из них сообщает о полуострове русов, который находится на расстоянии трехдневного пути, состоит из болот и лесов, а «государь их носит титул кагана русов». Как видно, в тексте Ибн Русте не говорится ни о том, что русы – это норманны, ни о том, где находился их загадочный полуостров. К. Цукерман не обратил внимания на уточнение о «трехдневном пути», а оно-то как раз и не указывает на далекий север, к которому путь от Арабского мира был неизмеримо длиннее.

В Книге стран аль-Якуба нет и таких двусмысленных свидетельств. Осажденные в 854 г. в горах к югу от Дарьяла арабской армией, цанары (санарийцы) обратились с просьбой о военной поддержке к императору Византии, хазарскому государю и государю славян (al-Sakaliba). Ни о кагане, ни о русах в тексте нет ни слова, и, тем не менее, К. Цукерман полагает, что речь в нем идет именно о кагане русов. «Трудно себе представить, – пишет он, – кто бы мог быть этим государем славян, кроме кагана русов»[3].

Однако еще труднее представить, чтобы осажденные в горах Дарьяла цанары обращались за помощью

---

1 Цукерман К. Два этапа. – С. 77.

2 В. Г. Васильевский в свое время полагал, что русы-свои «Бертинских анналов» были посланцами хазарского кагана. (Васильевский В. Г. Русско-византийские исследования. Жития Георгия Амастридского и Стефана Сурожского//Труды. Пгр. 1915. Т. 3.)

3 Цукерман К. Два этапа. – С. 77.

к какому-то государю, находящемуся от них за полторы тысячи верст. И когда бы такая помощь могла к ним поспеть, если только на донесение известия о беде, постигшей цанар, понадобилось бы около двух месяцев. Византия и Хазария находились совсем рядом. Замечание К. Цукермана о том, что Ибн Хордадбех смешивал русов и славян, не вызывает неприятия, но и не подкрепляет его вывод. Арабский географ ведь смешивал не норманнов и русов, но славян и русов.

Комментировавший этот источник раньше К. Цукермана В. В. Седов, также пришел к заключению, что «государем славян в то время мог быть только глава Русского каганата». Однако располагал его не на севере восточнославянского мира, а на юге, вблизи Хазарского каганата[1]. А. П. Новосельцев в «сахибе ас-сакалиба» усматривал киевского князя[2]. Еще раньше именно так объяснял свидетельство аль-Якуба М. И. Артамонов[3].

Что касается упоминаний слова «каган» в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона, в надписи на стене Софии Киевской и в «Слове о полку Игореве», то привлекать их в качестве источников для доказательства существования Руского каганата на берегах Волхова, как и в каком-либо другом регионе, совершенно немыслимо. Они не могут быть даже аргументами, о чем речь ниже, в пользу того, что руские князья вообще когда-либо носили этот титул.

Как кажется К. Цукерману, в настоящее время сохраняют актуальность только две гипотезы: одна, помещающая Руский каганат в Среднем Поднепровье (с центром в Киеве), и другая, связывающая его с Волховом (с центром в Рюриковом городке). Однако, будучи априори убежденным в верности отождествлений Д. Мачинского, С. Франклина и Дж. Шепарда[4], он объявил гипотезу о Среднеднепровской Руси совершенно

---

1 Седов В. В. Древнерусская народность. – М., 1999. – С. 74-75.

2 Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя//История СССР. № 4. – 1982. – С. 158.

3 Артамонов М. И. История хазар. – С. 366.

4 Названные исследователи не столь уж и оригинальны в своих выводах. До них о существовании на севере Руси мощного норманнского государства с конца VIII – нач. IX вв. говорили А. Стендер-Петерсен и В. Томсен, правда, располагали его не в Волховско-Ильменском регионе, но в Верховьях Волги (Stender-Petersen A. Das Problem des ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen//X Congresso Internazionale di Scienze Storiche, Relazioni, vol. III – Roma, 1955, – P. 165-187.

бесперспективной.[1] Причем, для отрицания идеи автохтонного происхождения названия «Русь» от иранского «Rhos» (Rosomoni, Roxolani), которую обосновывали в свое время Г. Вернадский, Б. Рыбаков и другие историки, ему оказалось достаточно лишь отсылки к критическому разбору ее Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухиным[2].

Свое же неприятие Руси IX в. на Среднем Днепре К. Цукерман обосновал отсутствием здесь скандинавских древностей этого времени. При этом, в своих первых публикациях почему-то ссылался не на результаты исследований киевских археологов, а на компиляцию И. Каллмера[3]. Понимая, что рассуждения о Руском каганате в бассейне Волхова будут хоть чего-нибудь стоить, если удастся показать, что Киев в то время и вовсе не существовал, К. Цукерман значительную часть своей статьи посвятил именно этому доказательству. Причем, он не пытался разобраться в киевских древностях сам, не использовал публикации киевских археологов, а сослался на авторитет своих европейских коллег. Ему, в частности, импонировало мнение И. Каллмера, что начало самого раннего «урбанистического» этапа в истории Киева приходится на 80-е годы IX в. и что этот век — один из наименее интересных периодов в истории данной издревле заселенной местности.

В одной из последующих статей, как бы отвечая на мое замечание о невнимании к исследованиям киевских археологов, содержащееся в ответе на его публикацию в журнале «Археологія» №1 за 2003 г., К. Цукерман исправляет свою прежнюю оплошность и приводит ссылки на М. Сагайдака, будто бы обнаружившего разрыв в заселении Киева с конца VIII в. по конец IX в., и А. Комара, эпатирующего научную общественность утверждениями, что «на сегодня у нас нет реальных фактов, подтверждающих существование Киева во второй трети IX в.», а также о какой-то карательной акции Руского каганата во главе с Аскольдом и Диром против Киева.

---

1 Цукерман К. Два этапа ... – С. 85.

2 Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX-X вв.)// Вопросы истории. 1989. № 8. – С. 24-38.

3 Callmer I. The Archaeology of Kiev to the End of the Earlieste Urban Phase//Harvard Ukrainian Studies. 1987. – 11. – P. 327.

Предлагаемый А. Комаром анализ, как кажется К. Цукерману, «радикально меняет характер взаимоотношений этих исторических деятелей с населением Киева по сравнению с летописной традицией»[1]. Поразительно! Отказывая в доверии Нестору, писавшему летопись в конце XI – начале XII в., К. Цукерман с такой обезоруживающей непосредственностью воспринимает сказку Комара, который, не будь Нестора, и вообще бы ничего не знал об Аскольде и Дире.

Да и нет здесь никакого «анализа». Вывод о разгроме Киева Аскольдом и Диром не только безосновательный, но и безответственный. Письменных свидетельств об этом немыслимом разгроме нет, а на основании археологических артефактов сделать его заведомо невозможно. Это не больше, чем частное, к тому же непрофессиональное мнение, и странно, что оно подвигло К. Цукермана на столь радикальное суждение о пересмотре летописной традиции.

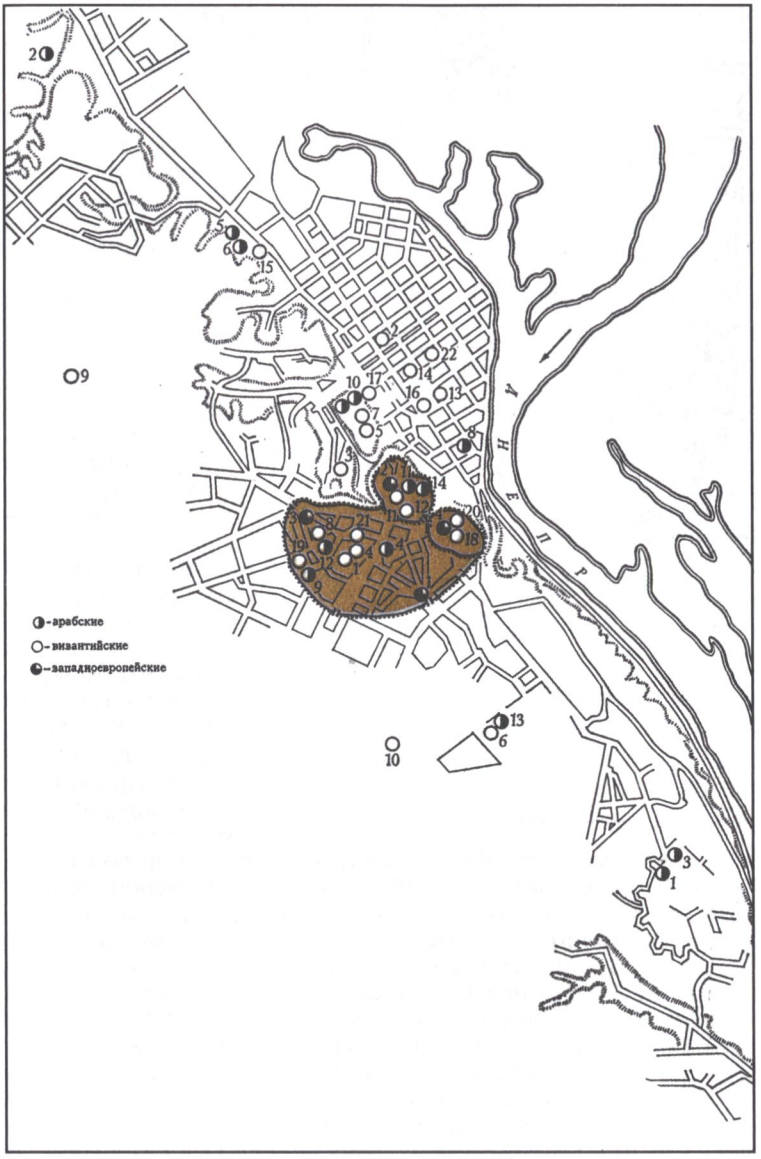
Не более чем мнениями являются и утверждения о каком-то перерыве в жизни Киева с конца VIII в. по конец IX в., как утверждает М. Сагайдак, или во второй трети IX в., как это кажется А. Комару. С прискорбием должен сознаться, что существующие ныне методы датировок не позволяют нам определять хронологию керамики, на которой названные исследователи основывают свои заключения, не только с точностью до четверти, но и до целого столетия. Что касается наблюдения М. Сагайдака, то оно относится только к Подолу. Но также далеко не безусловное. Хорошо зная материалы подольских раскопок, я не могу его разделить. Против него свидетельствует уже хотя бы тот факт, что постройка с дендродатой 887 г. покоилась не на материковой почве, но на культурном слое, содержавшем раннегончарную и лепную керамику.

Вторым важным доказательством «небытия» Киева в IX в. является якобы отсутствие на его территории восточных монет двух последних третей IX в. Здесь К. Цукерман ссылается на мнение Т. Нунана, утверждающего наличие торговых связей между Киевом и Востоком не ранее 900 г[2].

---

1 Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории. – С. 348.

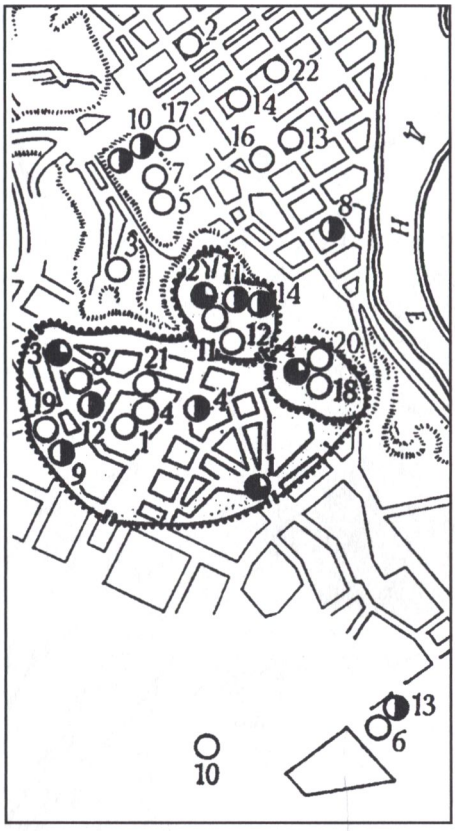
2 Noonan Th. The Monetary History of Kiev in the Pre-Mongol Period//Harvard Ukrainian Studies. 1987. – 11. – P. 396.

Топография кладов и отдельных находок арабских, византийских и западноевропейских монет в Киеве.

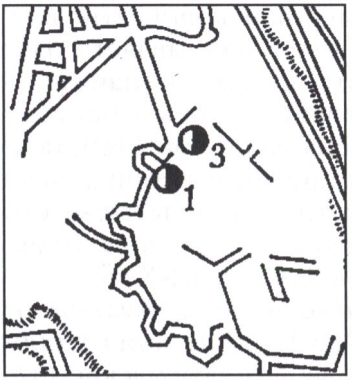
Следует отметить, что вывод этот не нов: лет за 30 до Т. Нунана он был сделан М. К. Каргером[1]. Согласно ему, распространенное до недавнего времени положение о том, что киевские клады восточных монет

1 Каргер М. К. Древний Киев. – М.- Л., 1959. – Т. 1. – С. 116-126.

Арабские: 1 – 1706 г., Печерская крепость, 2380 монет; 2 – 1845 г., близ Кириловского монастыря, 200 монет VIII-XIII вв.; 3 – 1851 г., Печерская крепость, несколько тысяч монет VIII – начала X в.; 4 – 1854 г., Присутственные места; 5 – 1863 г., кладбище Иорданской церкви, 192 монеты IX в. – первой половины X в., 6 – 1878 г., усадьба Марра (улица Фрунзе, 55-59), монеты VIII в.; 7 – 1885 г., Замковая гора (над Воздвиженской церковью), куфическая монета; 8 – 1889 г., Подол, большой клад куфических монет; 9 – 1913 г., ул. Большая Подвальная, 15, 2930 монет VII – начала X в.; 10 – 1939 г., Замковая гора, дирхем середины X в.; 11 – 1909 – 1937 гг., в четырех-пяти погребениях на Старокиевской горе обнаружено 14 дирхемов IX в. – начала X в.; 12 – угол на ул. Рейтарской и Малой Владимирской, погребение, 40 дирхемов IX в. – начала X в.; 13 – ул. Екатерининская, 9, одна монета; 14 – усадьба Андреевской церкви, одна монета.

Византийские: 1 – 1843 г., усадьба Софийского монастыря; 2 – 1855 г., Подол, усадьба Иванишева, девять монет Иоанна Цимисхия; 3 – урочище Кожемяки, монета Цимисхия; 4 – усадьба Софийского монастыря, золотой солид X в.; 5 – 1894 г., Замковая гора, монеты IX – X вв.; 6 – ул. Екатерининская, 12 золотых монет X – первой половины XI в.; 7 – 1908 г., Замковая гора, 37 монет IX в. – X в. херсонесского чекана; 8 – 1883 г., город Ярослава, одна монета IX в.; 9 – 1882 г., ул. Дорогожицкая, погребение купца, монета X в.; 10 – Бессарабская пл., одна монета; 11 – Старокиевская гора, в шести погребениях обнаружено шесть монет IX – X вв.; 12 – 1955 г., ул. Владимирская, 6 -9, одна монета; 13 – усадьба Братского монастыря, шесть монет; 14 – ул. Героев Триполья, клад монет; 15 – ул. Фрунзе (усадьба кирпичного завода), две монеты первой половины X в.; 16 – 1972 г., Красная пл., две монеты X в. – XI в.; 17 – 1973 г., Житний рынок, две монеты IX в. – X в.; 18 – усадьба Михайловского монастыря, одна монета VIII в.; 19 – ул. Большая Подвальная, одна монета; 20 – 1934, 1938 гг., усадьба Михайловского монастыря, две монеты XI – XII вв.; 21 – 1889 г., усадьба Гребеновского, две монеты XII в.; 22 – 1975 г., ул. Волошская, 17, одна монета XI – XII вв.

Западноевропейские: 1 – ул. Козьеболотная (пл. Независимости), одна монета императора Генриха III (1050); 2 – 1936, 1938 гг., Старокиевская гора, две венецианские монеты XIII в.; 3 – 1978 г., ул. Рейтарская, 36–38, три английских монеты Канута (X в. – начало IX в.); 4 – 1940 г., усадьба Михайловского монастыря, одна монета германского императора Оттона (983 – 1002), одна монета английского короля Этельреда II (978 – 1015).

охватывают период с конца VIII в. до начала X в., не соответствует действительности. Никаких кладов VIII и даже IX вв. в Киеве не найдено. Все они зарыты в землю в первой половине X в. Именно в то время, как полагал М. К. Каргер, и устанавливаются прочные связи Киева со среднеазиатским Востоком[1]. Никаких документальных данных для такой датировки времени зарытия кладов нет, но даже если это и так, тогда факт выпадения из оборота арабского серебра в первой половине X в. свидетельствовал бы не об установлении прочных связей Киева со среднеазиатским Востоком, а об их свертывании.

Мне уже приходилось писать об этом необъяснимом заблуждении М. К. Каргера и последовавших за ним нумизматов[2]. Для характеристики торговых связей Киева с Востоком важным является не столько время зарытия кладов, сколько даты самих монет. Редко какой клад состоит из одновременных монет, большей частью эти ценности собирались, изменяя свой состав под воздействием рынка, на протяжении нескольких столетий. Последняя монета в кладе указывает не на дату его зарытия, а на то, что с этого времени сокровища больше не пополнялись новыми монетами. Считать, что время поступления всех монет в Киев должно определяться датой позднейших, методически неверно. В Киеве найден клад, в котором среди 200 медных куфических монет VIII-X вв. было несколько поздних, датируемых XIII в.[3], но вряд ли будет серьезным утверждать, что все монеты попали в Киев только в XIII в.

---

1 Там же. – С. 123-124.

2 Толочко П. П. Древний Киев. – К., 1983. – С. 165-166.

3 Тизенгаузен В. О кладе куфических монет, найденном в Киеве в 1803 г. // Археологический вестник. – М., 1817. – С. 198.

По литературным свидетельствам, количество восточных монет, найденных в Киеве, составляет более 11 тыс.[1] Но определенно, это только незначительная часть диргемов, поступивших в Киев с Востока. Многие из них еще во времена Киевской Руси, особенно в так называемый безмонетный период, были переплавлены в слитки – монетные гривны киевского типа. Значительное количество диргемов попало также в тигли киевских ювелиров XIX – нач. XX вв.

По годам чеканки восточные монеты охватывают период с VIII в. по середину X в. Наибольший их процент приходится на IX – нач. X вв. Это аббасидские диргемы, чеканенные в Багдаде, Бердаа и других городах (771-890 гг.), тагеридские диргемы, происходящие из Шаша, Мерва и Самарканда (862- 878 гг.), саманидские диргемы из Шаша, Самарканда и Балха (893-906 гг.). К сожалению, не все киевские находки восточных монет были достаточно хорошо атрибутированы. Так, о кладе в усадьбе проф. И. Сикорского (Б. Подвальная ул., д. 15) в первой публикации сказано, что состоял он из 2930-ти монет, чеканенных между 709-м и 906-м годами. В кладе 1863 г. на кладбище Иорданской церкви находились монеты чеканки 893-936 гг., однако в каком соотношении, неизвестно. Крупнейший клад куфических монет, найденный в 1706 г. при постройке Печерской крепости и состоявший из 2-3 тыс. экземпляров, был депаспортизирован и растворился в собрании монет Азиатского музея Академии наук[2]. Из числа определенных монет ранние чеканены в 746/47 – поздние в 905/6 годах.

Одиночные находки арабских монет (в культурных слоях и погребениях) также датируются VIII–первой четвертью X вв. Без признания существования налаженных торговых связей Киева с Востоком в это время подобная закономерность нумизматических находок не может быть удовлетворительно объяснена. Уже первые исследователи арабских монет не сомневались в том, что в Киев они попали в результате торговли, которая зародилась еще в VIII в. Р. Р. Фасмер датировал начало поступления восточных монет в

1 Это достаточно впечатляющая цифра. Согласно Е. Оксенстиерне, на материковой территории Швеции и Дании обнаружено около 17 тысяч диргемов, а в Норвегии только 400. (Eric Graf Oxenstierna. Die Wikinger. Stuttgart, 1966. – S. 93.)

2 Толочко П. П. Древний Киев. – К., 1983. – С. 165-166.

славянские земли IX в., а В. Л. Янин – 70-80-ми годами VIII в[1].

Кроме монет, наличие связей Киева с Востоком подтверждает керамика салтовского облика, выявленная в жилище VIII-IX вв. на Старокиевской горе, а также в культурном слое Подола. В пределах «города» Ярослава обнаружен могильник с катакомбными погребениями.

Не более убедительным является и аргумент, согласно которому говорить о Южной Руси IX в. не позволяет якобы полное отсутствие каких-либо скандинавских находок ранее X в. в Киеве и на всем Среднем Поднепровье[2]. Не правда ли, интересная логика рассуждений? Сначала априори делается вывод о том, что русы – это шведы, а затем отсутствием следов этих самых шведов в Киеве и Среднем Поднепровье ранее X в. доказывается невозможность нахождения здесь и Руси. Объективности ради следует сказать, что со скандинавскими следами в Киеве и Среднем Поднепровье не все так безнадежно. Их хотя и немного, но они есть. Это, прежде всего, так называемые скорлупообразные, а также кольцевые фибулы с длинными и обычными иглами, которые датируются IX-X вв.

В основе новых исторических реконструкций К. Цукермана, по его собственному уверению, лежит весьма консервативный подход к письменным источникам. Начиная с повествования об изгнании варягов и призвания Рюрика, соглашается он, летописный текст дает, в общем, достоверный обзор истории Руси, который не противоречит ни сведениям иностранных источников, ни данным археологии. Претензии у него, как будто, только к летописной хронологии, которая неспособна ответить на поставленный летописцем вопрос: «Откуда есть пошла Руская земля»[3].

Из дальнейших рассуждений автора, однако, следует, что так называемой «перестройке» подверглась не только хронология, но и само историческое повествование, содержащееся в «Повести временных лет». Необходимо отметить, что основой для этого послужили не новые источники, которых бы не знали другие историки,

---

1 Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе. – ИАН. 1933. № 6-7; Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. – М., 1956. – С. 84-87.

2 Цукерман К. Ук. соч. – С. 84.

3 Цукерман К. Перестройка. – С. 344.

занимавшиеся этой проблемой, а новый авторский взгляд, или, как принято нынче говорить, новое прочтение источников. При этом К. Цукерман отдал предпочтение не «Повести временных лет», а Новгородской первой летописи, которая содержит текст киевского свода, вошедшего в науку под названием Начального. Со времени его выделения А. А. Шахматовым, за ним закрепился авторитет более раннего и более соответствующего историческим реалиям текста. Временем создания этого свода считаются 90-е годы XI в., что всего на каких-то 20 лет старше «Повести временных лет». Столь незначительный временной разрыв не дает основания полагать, что Начальный свод содержит более исправный текст и хронологию по сравнению с «Повестью временных лет».

Работая над книгой «Русские летописи и летописцы X-XIII вв.», я пришел к выводу, что первым общеруским сводом, который послужил основой для последующего областного летописания, была «Повесть временных лет». Сличение Новгородской первой летописи младшего извода и «Повести временных лет» обнаруживает их большое сходство на пространстве от Игоря Старого до Изяслава Ярославича. Причем, сходство это проявляется не только в составе киевских известий, но также и в их отсутствии. По существу, Новгородская первая летопись младшего извода до статьи 1074 г. напоминает структурно и содержательно «Повесть временных лет». Одновременно с выходом моей книги вышла статья Т. Вилкул, в которой она также пришла к выводу, что в основе Новгородской первой летописи лежит не Начальный свод, которого, скорее всего, и вообще не было, но «Повесть временных лет»[1].

С неопровержимой убедительностью этот вывод обоснован Т. Вилкул в монографическом исследовании, посвященном киевскому летописанию домонгольского периода. Осуществив сравнительный текстологический анализ «Повести временных лет», Новгородской первой летописи младшего извода и поздних Летописцев, она убедительно показала, что составители НПЛ использовали в качестве источников не какой-то ранний киевский свод, но самую ПВЛ, а также хронографы XIV-XV вв. И, конечно, летописеведам

1 Толочко П. П. Русские летописи и летописцы X-XIII вв. СПб., 2003; Вилкул Татьяна. Новгородская первая летопись и Начальный свод//Paleoslavica. 2003. – XI. – P. 5-35.

и историкам придется принять её главный вывод, сводящийся к тому, что идею сохраненного в НПЛ Начального свода, который предшествовал ПВЛ, следует окончательно оставить[1]. Хронологической и содержательной разноголосицей с «Повестью временных лет» Новгородская летопись младшего извода во вводной части и первых датированных статьях обязана, главным образом, Хронографу по великому изложению[2].

Следовательно, доверяться свидетельствам НПЛ без критического анализа совершенно невозможно. Тем не менее, именно так поступает К. Цукерман. Летописный рассказ о княжении Игоря (после исчезновения Олега) в НПЛ, как ему кажется, не оставляет сомнений в том, что в представлении автора «Сказания» это правление было очень кратким, и если исходить из общепризнанной даты его гибели (зима 944/45 гг.), то начало его княжения приходится на лето 941 г[3].

Трудно сказать, какое прочтение здесь применил К. Цукерман, чтобы прийти к столь оригинальному выводу. Обычное не дает для него и малейших оснований. Первое датированное известие об Игоре в Новгородской первой летописи относится к 920 г. Второе – 921 г. говорит об Игоре и Олеге, третье – 922 года называет одного Олега, который в том же году и умер. Следовательно, если считать время княжения Игоря от смерти Олега и до его собственной, то получится не три, а 22 или 23 года.

Дальше в НПЛ идет вереница пустых лет, после которых вновь об Игоре идет речь только в статье 940 года. Обычное объяснение, что у летописца не было материала для их заполнения, К. Цукермана не устроило, и он вычел их из общего числа княжеских лет Игоря. Но ведь при таком прочтении летописи к аналогичному или близкому выводу можно было прийти и на основании свидетельств «Повести временных лет». В ней между первым годом Игоревого княжения (913 г.) и рассказом о походе его на греков (941 г.) также идут пустые или полупустые годы. Стоило ли, в таком случае, так безоглядно

---

1 Вілкул Т. Л. Літопис і хронографія. Студії з текстології домонгольського київського літописання. – К., 2015. – С. 180-239, 439-443.

2 Там же. – С. 235.

3 Цукерман К. Перестройка.

доверяться известиям Новгородской первой летописи?

В действительности, К. Цукерман сократил время княжения Игоря до трех лет вовсе не на основании свидетельств руской летописи, чего сделать в принципе невозможно, но исходя из сообщений письма X в. из Каирской генизы, так называемого Кембриджского анонима. В нем неудачный поход Руси на Константинополь 941 г. связан не с Игорем, как в руских летописях, а с Олегом. После поражения от греков он будто бы ушел к берегам Малой Азии (или в Персию), где и погиб.

К сожалению, у нас нет убедительных оснований относиться к свидетельствам Кембриджского анонима как к непреложной истине. Письмо известно по рукописи XIII в., и нет никакой гарантии, что оно не претерпело каких-то редакционных изменений. Но даже если оно и сохранило свою аутентичность, трудно поручиться, что его автор был хорошо осведомлен о русских событиях первой половины X в. и с документальной точностью отобразил их. А. П. Толочко, вслед за П. Коковцовым, склонялся к тому, что это произведение появилось в XII-XIII вв. и в основе своей имело разнородные и не очень достоверные данные. Единственным способом спасти сообщения Кембриджского документа для истории Руси – это признать, что в нем в достаточно искаженном виде говорится о походе Игоря на Византию[1].

Определенно, в данном письме содержится элементарная путаница Олега с Игорем. К тому же, имеет место совмещение сведений 941 г. с более ранними, когда Олег действительно ходил на Каспий. И вряд ли корректным здесь будет объяснение, что под Олегом следует подразумевать не киевского князя, а какого-то «автономного» черниговского – члена руского княжеского рода, что предположил В. Я. Петрухин[2]. Для столь ответственного вывода ссылок на «специфику дружинных древностей Черниговщины и особую связь ее с Хазарией и Тмутараканью» не достаточно. Источники же такого черниговского князя для этого времени не знают.

---

1 Толочко О. П., Толочко П. П. Київська Русь. – К., 1998. – С. 65-66.

2 Петрухин В. Я. Князь Олег, Хельгу Кембриджского документа и русский княжеский род//Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. – М., 2000. – С. 222-229.

Особое место в своих построениях о Руском каганате К. Цукерман отвел сообщению летописи об изгнании варягов, при этом посетовав на недостаточное внимание к этой теме своих предшественников. Как ему кажется, события, изложенные в статье 862 г. «Повести временных лет», не могли произойти за один год, но требовали более продолжительных сроков.

Ну, разумеется. Все дело только в том, как определить эти сроки. В письменных источниках, в том числе и в Новгородской первой летописи, никаких дополнительных сведений на этот счет нет, а археология, на которую исследователь, не будучи археологом, возлагает особые надежды, ответить на вопросы, когда произошло изгнание варягов (как и призвание), не может по определению. Это вне ее исследовательских возможностей.

Следы пожаров в Ладоге (около 870 г.) и на Рюриковом городище (после 867 г.), скорее всего, никакого отношения к изгнанию варягов не имеют. Деревянные руские города горели достаточно часто. Равно, как и «признаки нового взлета» данных поселений в последнем десятилетии IX в. невозможно связать с появлением в них Рюрика, что утверждает К. Цукерман. И уж, конечно, на таком зыбком археологическом фундаменте нельзя строить здание Руского каганата на Волхове.

Кстати, несмотря на просветительскую настойчивость автора, читателю так и осталось неясным, как, когда и откуда социальный центр Руского каганата переместился в Среднее Поднепровье. «По моему мнению, – пишет К. Цукерман, – захват Киева следует датировать никак не ранее 911 г. (договор с Византией составляет terminus post quem для заключения союза между Игорем и Олегом), вероятнее всего – концом этого десятилетия»[1].

«Этого» – надо полагать второго. Но тогда получается, что договор с Византией, а следовательно и предшествующий ему военный поход, он не связывает с Киевом. Логично предположить, что с Новгородом, но последующие его размышления разрушают и эту возможную связь. «Олег захватывает Киев именем Игоря и, со временем, распространяет свою власть на Новгород... Наилучшим индикатором даты подчинения

1 Цукерман К. Перестройка .... – С. 347.

Новгородских пределов власти Олега является само появление «Нового города» на левом берегу Волхова в 930-е годы». Любопытно здесь и еще одно откровение автора, согласно которому старый династический укрепленный центр, располагавшийся на Рюриковом городище, мог пострадать при захвате, а главное, перейдя под руку князей Киевских[1].

Сказанное выше и вовсе повергает «просвещенного читателя», к которому постоянно апеллирует исследователь, в смятение. Ведь если до овладения Киевом власть Олега не распространялась даже на Новгородскую землю, то о каком Руском каганате на Волхове вообще можно говорить?

Как видно, «консервативного» подхода к летописным свидетельствам у К. Цукермана не получилось. Единственное, что он не подверг сомнению и пересмотру в «Повести временных лет» это содержащееся в ней отождествление варягов с русами. Это название «Рос-Русь», согласно ему, было присуще еще «до-рюриковому» этапу проникновения скандинавов в славяно-финскую среду. Оно же являлось самоназванием подданных кагана, чьи послы посетили императора Феофила в Константинополе, а затем и Людовика Благочестивого в Ингельгейме 18 мая 839 г.[2]

В главе «Откуда есть пошла Руская земля» этот вопрос рассмотрен мной более подробно, здесь же следует сказать, что варяжские пришельцы превращались в русов только после прихода в Киев [3]. На Киев Олег выступил, «*поимъ воя многи, варяги, чюдь, словѣни, мерю, весь, кривичи*». После овладения Киевом он провозгласил его матерью городам руским, а северная дружина получила наименование «*руси*». «*И сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ, и рече Олегъ: «Се буди мати градомъ русьскимъ. И бѣша у него варязи и словѣни и прочи прозвашася русью*»[4]. Во всех других известиях о варягах (ст. 944, 980, 1024, 1036 гг.), которых киевские князья привлекали для участия в военных кампаниях, нет и намека на то, что они были еще и русами. Из летописных свидетельств явствует, что варяги не приносили на юг восточнославянского мира название «Русь», но сами обретали его здесь.

---

1 Там же.
2 Там же. – С. 348.
3 Толочко П. П. Київська Русь. – К., 1996. – С. 28-29.
4 Повесть временных лет. Ч. 1. – М.- Л., 1950. – С. 20.

Из сообщений о походах русов в Крым, Амастриду, на Каспий и Кавказ можно прийти к выводу о сравнительно большом их государственном образовании, располагавшим значительными людскими и материальными ресурсами. О малозаселенном волховско-ильменском крае в IX в. этого не скажешь. Разумеется, была Ладога, однако попытки представить ее столицей Руского каганата совершенно некорректны. В ряде летописных списков она названа местом, где сидел Рюрик, но ни в одном не обозначена как центр какого-то раннегосударственного образования. Даже если предположить, что Рюрик первоначальным местом своего «сидения» избрал Ладогу, из этого вовсе не следует, что она обладала каким-то особым столичным статусом. В летописи говорится, что Рюрик «сѣде в Ладозѣ», а не «сѣде на столе в Ладозѣ», как интерпретировал это место Д. А. Мачинский[1].

Как видно, автор взял в кавычки слова «сяде на столе», которых в летописи нет. Там имеется слово «сѣде», которое относится не только к Рюрику, но и к его братьям. Следовательно, если он сел на столе, то и они сели на столах. Таким образом, следуя подобной логике, можно утверждать, что на севере Руси в IX в. было три стольных города, а не один. Через два года («по двою же лѣту») братья Рюрика умирают, а сам он перебирается в Новгород (вероятно, в городок, именуемый ныне как «Рюриково городище»), что также предполагает наличие в нем княжеского стола. Кстати, если в Ладоге Рюрик просто «*сѣл*», то в Новгороде «*сѣде ту княжа*»[2].

К какому бы выводу не пришли исследователи о первоначальном административном центре ильменских словен, он никогда не сможет обрести доказательной силы относительно существования здесь Руского каганата. В письменных источниках нет никаких сведений, что глава «этносоциума, сплавленного из скандинавов и славян, с возможным включением балтов и

1 Мачинский Д. А. Была ли Ладога столицей Руси? – С. 59.

2 Е. Н. Носов отмечает, что материальная культура Рюрикового городка имеет гораздо более выраженный воинский — «дружинный» характер, чем культура Ладоги. Именно этот городок, по мнению исследователя, выполнял военно-административные функции, связанные с его ростом как центра формирующейся новой территориальной общности, собственно Новгородской земли. (Носов Е. Н. Некоторые итоги изучения Рюрикова городища. – Сб. Культура, образование, история Ленинградской области. – С.-Петербург, 2002. – С. 51-52.)

финнов» настаивал на том, чтобы на международной арене его именовали не конунгом или князем, а тюркским титулом «хакан»[1]. Не странно ли, не имея в этом хитром «этносоциальном сплаве» ни одного процента тюркского элемента и будучи отдаленным от тюркского мира на тысячу километров, его глава хочет именоваться хаканом?

Сторонники Волховско-Ильменского местонахождения Руского каганата не потрудились объяснить, как можно было из столь далекого региона, к тому же не обладавшего сколько-нибудь значительным демографическим потенциалом, осуществлять такие сокрушительные набеги на Крым, Амастриду, Константинополь, Дербент и другие города греков и арабов. Смущенный этим обстоятельством, Д. Мачинский высказал предположение, что поход 860 г. на Константинополь могли осуществить русы, уже осевшие в Киеве[2]. Для Г. Г. Литаврина одним из существенных аргументов в пользу Киева, как исходного пункта похода 860 г. на Константинополь, был климатический. «Шепард и Прицак,– писал он, – не учитывают, на мой взгляд, что прибытие норманнов по рекам и по морю к Константинополю из Скандинавии к 18 июня исключено по чисто климатическим и техническим причинам»[3]. В пользу данного наблюдения, по-видимому, свидетельствует и хронология похода на Константинополь Игоря. К столице империи русские прибыли 11 июня.

И уж совсем невероятным кажется то, что предполагаемый Руский каганат в бассейне Волхова, наводивший ужас на народы и страны, удаленные от него на несколько тысяч километров, не проявлял аналогичной активности по отношению к своим соседям и остался совсем не замеченный ими.

Значительно большую историографическую традицию имеет теория южной локализации Руского

1 Мачинский Д. А. Была ли Ладога столицей Руси? – С. 64.

2 Мачинский Д. А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси//Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. – Л., 1986. – С. 27.

3 Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. СПб., 2000. – С. 58. Позже эта мысль была развита А. В. Назаренко. Правда, без ссылки на предшественника, но зато с пространной аргументацией практической невозможности совершить плавание из Ладоги или Рюрикового городка в Константинополь, чтобы быть там уже 18 июля. (Назаренко А. В. Киев IX века. – С. 33-34.)

каганата. Впервые она была достаточно аргументированно обоснована С. Гедеоновым. Согласно ему, существование руского Хаганата в IX веке (839-871 гг.) неопровержимый исторический факт, а вместе с ним и существование в соседстве Хазар и Аваров совершенно чуждого скандинавскому началу народа Rhos. Исходя из того, что в титулатуре хазар были не только великие Хаканы, но и их наместники –Хаканы-Беки, он высказал предположение, что таким второстепенным Хаканом мог быть туземный князь, в частности, упоминаемый в летописи Аскольд[1].

Локализация Руского каганата на юге восточнославянского мира получила особую популярность в советской историографии, хотя точное его местонахождение продолжало вызывать споры. Археологи, исследовавшие салтовскую археологическую культуру, полагали, что Донецко-Приазовский регион ее распространения и является территорией Руского каганата. В VIII-IX вв. он был одним из наиболее заселенных, к тому же располагавших достаточно развитой городской жизнью. Согласно археологу Д. Т. Березовцу, в течение ряда лет раскапывавшему городище у с. Верхний Салтов, что под Харьковом, здесь располагался крупный город, площадь которого равнялась 120 га, а население – 6-7 тыс. человек. Кроме него, в Среднем и Нижнем Подонье было еще 11 городских поселений, имевших каменные укрепления. На Таманском полуострове таким городом была Таматарха (Тмутаракань руских летописей). Все это, по мнению исследователя, как нельзя лучше подтверждает известия арабских географов о большом числе городов в земле Руси[2].

Население этого региона создало яркую культуру, с развитыми ремеслами, сельским хозяйством, международными торговыми связями. Из отдаленных стран сюда поступали богатые ожерелья из стекла и пасты сирийского производства, восточноазийские шелковые ткани, арабские дирхемы. О внутреннем денежном обращении свидетельствуют подражания восточным монетам.

В свое время носителями салтовской культуры считали хазар, венгров, болгар, позже исследователи

---

1 Гедеонов С. Варяги и Русь. – С. 492.

2 Березовець Д. Т. Про ім'я носіїв Салтівської культури. – С. 59.

пришли к выводу, что поскольку эта культура возникла в пределах Хазарского каганата, она создана всеми народами, находившимися в его подчинении. В том числе и славянами, на памятниках которых встречаются вещи салтовской культуры. Некоторые славянские поселения находились рядом с салтовскими. Именно это обстоятельство позволило Б. А. Рыбакову сблизить загадочный народ «Нивария» карты сицилийского географа середины XII в. Мохаммеда Идриси с летописными северянами. «Так как археологические памятники северян вплотную подходили к городищам салтовской культуры, – утверждал он, – вся эта область, как Северянская, так и Салтовская (Ясская), носила общее название Северской земли»[1].

Из летописи известно, что такие славянские племена, как поляне, северяне, радимичи и вятичи, платили дань хазарам, а следовательно, и были вовлечены во внутригосударственные отношения, экономические и политические. Об этом писал еще А. Н. Насонов, полагая, что население Руской земли изначально состояло из тех славянских племен, которые раньше были подвластны хазарам[2]. Согласно М. И. Артамонову, древние «росы» не были славянами, хотя и обитали где-то в Среднем Поднепровье. Позже они были разгромлены хазарами: часть их отошла в район Северского Донца, другая – ассимилировалась с местным славянским населением Поднепровья[3].

Д. Т. Березовец считал возможным говорить о последовательном существовании Руси тюркской в VIII-IX вв. и Руси славянской, которую руские и византийские источники упоминают с начала X в.[4] О том, как произошло перетекание названия «Русь» в Среднее Поднепровье, исследователь не объяснил. Несмотря на всю заманчивость выводов Д. Т. Березовца о русах-салтовцах в Подонье и Приазовье, согласиться с ними трудно. Прежде всего потому, что означенный регион в VIII-X вв. входил в пределы Хазарского каганата, и предполагать, что в нем находился еще и Руский каганат, совершенно не реалистично.

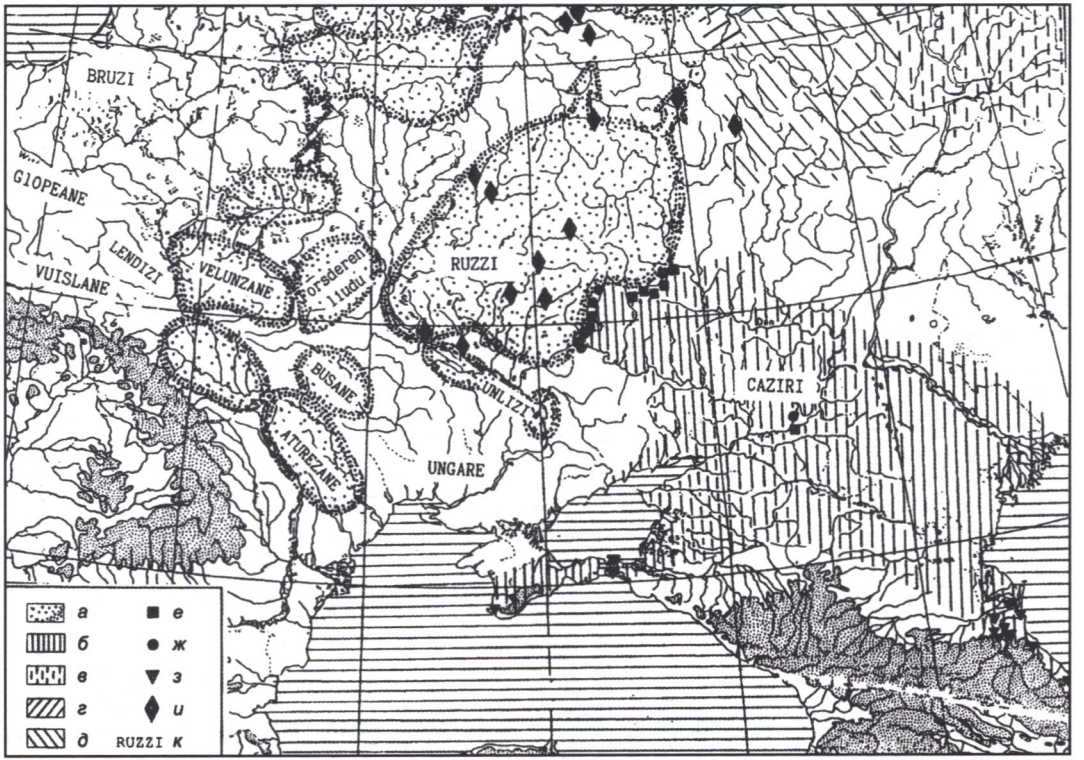
---

1 Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1158 г. КСИИМК. XLIII. – М., 1952. – С. 23.

2 Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. – М., 1951, – С. 41.

3 Артамонов М. И. История хазар. – Л., 1962. – С. 29

4 Березовець Д. Т. Про ім'я носіїв Салтівської культури. – С. 69-72.

Историческая ситуация в Юго-Восточной Европе в первой половине IX в. По В. В. Седову; а — археологические ареалы славян; б — территория салтово-маяцкой культуры; в — ареал волжских болгар; г — мурома; д — мордва; е — хазарские крепости, построенные византийскими мастерами в 830-х гг.; ж — хазарские городища с каменными стенами; з — прочие крепости Хазарского каганата; и — места находок пяти- и семилучевых колец; к — этнонимы «Баварского географа».

И, тем не менее, само направление поиска местообитания докиевской Руси на порубежье Хазарии и восточных славян следует признать правильным. Проанализировав «Описание городов и областей на северном берегу Дуная» – исторического документа IX в., известного в литературе как «Баварский географ», В. В. Седов пришел к выводу, что упомянутые в нем Ruzzi являлись ближайшими соседями хазар – Caziri.

На археологической карте в этом регионе находятся древности волынцевской культуры, датирующиеся VII-VIII вв. Ее носители, по его мнению, были беспокойными соседями Хазарии, и не случайно наиболее мощные ее военные крепости были возведены на хазаро-волынцевском порубежье. Их активное строительство велось в 30-е и 40-е годы IX в. Археологические исследования семи из них показали, что все они входили в единую систему и были возведены византийскими фортификаторами. О строительстве крепости Саркел на левом берегу Дона около 834-837 гг. сообщает Константин Багрянородный. В литературе присутствуют и другие даты постройки Саркела, но они принципиально не меняют суть самого события. Каменные крепости на северо-западных рубежах Хазарской державы, по справедливому предположению В. В. Седова, понадобились ей для защиты от натиска своего крепнущего соседа – Руского каганата. Другого крупного соперника в Хазарии в это время не было. Скандинавы-варяги в первой половине IX в. селились только в низовьях Волхова[1].

По археологическим данным, регион распространения волынцевских древностей представляется достаточно развитым и прочно интегрированным в систему восточных торговых связей. Большинство кладов арабских дирхемов IX в. было найдено на этой территории. Сказанное справедливо и по отношению находок подражаний восточных монет, основная масса которых локализуется в ареале волынцевской культуры и роменских древностей IX-X вв. Как предполагал В. В. Седов, их чеканку следует связывать не с Хазарией, а с Руским каганатом. Характерно, что с землями этого политического образования связаны и находки

1 Седов В. В. Древнерусская народность. – М., 1988. – С. 50-82.

византийских монет IX в[1]. Что касается столицы Руского каганата, то В. В. Седов склонялся к тому, чтобы видеть ее в Киеве, который представлялся ему для IX в. агломерацией крупных поселений торгово-ремесленного характера[2].

В уже упоминавшейся статье «Русь IX века» А. В. Назаренко также полагает, что данные «Баварского географа» подводят нас к выводу о предпочтительности среднеднепровской локализации Руси IX столетия. Логичным представляется также и его утверждение, что уже сам факт заимствования у хазар титула правителя предполагал не только политическое соперничество, но и определенную географическую близость – если не прямое соседство Руси и Хазарии[3].

По мнению Г. Г. Литаврина, из четырех возможных мест нахождения загадочного Руского каганата (Рюриково городище, Старая Ладога, район Киева и междуречье Среднего Днепра и Северского Донца) можно с большей степенью вероятности думать только о последних двух. Во-первых, потому, что на северные регионы влияния хазар никогда не простирались, а во-вторых, потому, что возникшие там около 830-х годов скандинавские колонии были слишком слабы в экономическом и военном положении. «Наиболее основательны, по моему мнению, – заключает свои размышления Г. Г. Литаврин, – попытки локализовать «Руский каганат» в Среднем Поднепровье, в районе последующего Киева или Чернигова»[4]. К аналогичному выводу склонялся также и А. П. Новосельцев, полагавший, что местом нахождения «Руского каганата» была полянская земля и что каганат этот находился под господством варягов[5].

Последовательным сторонником южного местонахождения ранней Руси является А. Н. Сахаров, посвятивший ее связям с Византией, в том числе и событиям 860 г., ряд содержательных исследований[6]. К сожалению, ни он, ни его ученики долго не решались

---

1 Там же. – С. 76.

2 Там же. – С. 77.

3 Назаренко А. В. Русь в IX веке. – С. 32-33.

4 Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. – С. 41.

5 Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1980. – С. 208-209.

6 Сахаров А. Н. Дипломатия древней Руси. IX в. – первая половина X в. – М., 1980.

признать, что этот поход, знаменовавший собой, по существу, начало государства Русь, осуществлен из Киева. В ряде работ А. Н. Сахаров дипломатично обходил этот вопрос. Лишь в одной из недавних вполне определенно высказался в пользу Поднепровской Руси и Киева[1]. П. В. Кузенков локализует область, откуда появились нападавшие на Константинополь, Восточно-Европейской равниной, не игнорируя при этом русскую летописную традицию, связывающую этот поход именно с Киевом[2]. Е. С. Галкина, говоря о «существовании на территории лесостепного и степного вариантов салтовской культуры самостоятельного торгового государства», по существу, повторила выводы Д. Т. Березовца, хотя и не уточнила, где находился его политический центр[3]. А. А. Горский полагает, что Русь, осуществившая в 860 г. поход на Византию, находилась где-то «севернее Причерноморья, но при этом не слишком далеко к северу»[4].

Кроме приведенных выше археологических аргументов, в пользу Киева, как политического средоточия ранней Руси, свидетельствуют и письменные источники. В недатированной части «Повести временных лет», в рассказе об основании Киева, содержится глухое известие о ранних отношениях его с Хазарией. Последняя пыталась подчинить Киев своему влиянию, а киевляне, выплатив дань обоюдоострыми мечами, будто бы показали всю тщетность хазарских намерений. Тем не менее, Киев вплоть до утверждения в нем Аскольда и Дира (60-е годы IX в.) пребывал в даннической зависимости от хазар. Отвечая на вопрос пришельцев: «Чий се градокъ?», киевляне сказали, что являются наследниками Кия, Щека и Хорива и платят дань хазарам: «А мы сѣдимъ родъ ихъ платяче дань козарамъ»[5].

---

1 Сахаров А. Н. Киев. Рюриковичи и судьбы древнерусской государственности//Восточнославянская цивилизация. История и современность. – К. – Минск – М., 2013. – С. 25.

2 Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 т. – М., 2003. – С. 83.

3 Галкина Е. С. Тайны Русского каганата. – М., 2002.

4 Горский А. А. Первое столетие Руси//Средневековая Русь. № 10. – М., 2012. – С. 50.; Что имеет в виду исследователь под уточнением «не слишком далеко к северу», неизвестно. Среднее Поднепровье – это «слишком» далеко к северу или не слишком?

5 ПВЛ. Ч. 1. – С. 16.

Ни один другой центр Среднего Поднепровья, кроме Киева, не может претендовать на то, чтобы из него осуществлялись далекие походы на Византию. Если о военных акциях русов в Амастриду и Крым это можно лишь предполагать, то поход 860 г. на Константинополь определенно организован Киевом. В этом нетрудно убедиться, ознакомившись с первыми датированными статьями «Повести временных лет». В них события руской (киевской) истории прочно увязаны с византийской.

Неоспоримым доказательством этого являются также находки в Киеве и его округе византийских монет. Наиболее ранние из них принадлежат Михаилу III (842-867 гг.), Василию Македоняну (867-886 гг.), а также Василию I и Константину (876-879 гг.). Монеты названных императоров встречены и в других пунктах Среднего Поднепровья. По свидетельству В. Б. Антоновича, в значительном количестве они найдены в Триполье (древнеруский город Треполь на Днепре).

Ни в Ладоге, ни на Рюриковом городище такого количества византийских монет нет. Как, впрочем, нет и такого числа восточных дирхемов. Конечно, это было бы невероятно, если бы эти центры были стольными городами Руского каганата и если бы именно отсюда осуществлялись посольские визиты и военные экспедиции в Византию и на Арабский восток.

В заключение о необычности названия «каганат» для ранней Руси. Оно зафиксировано в иностранных письменных источниках (правда, для очень кратковременного периода – 839-871 гг.), но совершенно нет никаких данных, которые бы показали, что этим названием пользовались сами восточные славяне. Не очень помогают прояснить ситуацию и ссылки на свидетельства восточных авторов. Ибн Хордадбех, писавший в 40-е годы IX в., не титулует правителя русов «хаканом»[1]. Каких-либо свидетельств о том, что этот титул был пожалован русам хазарским каганом, как это утверждает П. Голден, нет.

---

1 И. Г. Коновалова объясняет это тем, что он еще не имел об этом информации. (Коновалова И. Г. К вопросу о датировке сообщения Ибн Хордадбеха о путях купцов Руси//Восточная Европа в древности и средневековье. Материалы конференции. – М., 1993. – С. 54.

Нет сколько-нибудь надежных данных и для вывода, который сделал А. П. Новосельцев, что это русь, настаивая на праве носить титул кагана, пыталась уравнять своего вождя с хазарским сувереном. В условиях IX в. руский владыка, как ему казалось, мог заимствовать верховный титул только у хазар. Случилось это в первой трети IX в., когда Хазария переживала трудные времена междоусобиц. После объединения южноруских и североруских земель в конце IX в. титул хакан остался за князьями Киева[1]. Основываясь на упоминаниях титула «каган» по отношению к Владимиру Святославичу и Ярославу Владимировичу в «Слове» Илариона, а также Олега Святославича в «Слове о полку Игореве», А. П. Новосельцев полагал, что названные князья действительно носили этот архаичный титул[2].

К сожалению, подтвердить этот вывод нечем. Нигде, ни в каком источнике нет свидетельства о том, что названные киевские князья носили титул «кагана». Это литературная метафора XI-XII вв., призванная уравнять киевских князей с некогда могущественными хазарскими правителями. Употреблявшие ее ведь знали, что титул этот был сопоставим с императорским, и считали почетным приложить его к своим князьям.

Из свидетельств руской летописи невозможно сделать вывод о том, что руские князья вообще когда-либо носили этот хазарский титул. Начиная от времен Кия и до утверждения в Киеве Олега летопись говорит исключительно о княжеском титуле первых восточнославянских правителей. Кий «княжаше в родѣ своемь», Рюрик «княжащу в Новѣгородѣ», Аскольд и Дир «княжита» в Киеве, Игорь «княжич», Олег «сѣде княжа въ Киевѣ». Ни о каких киевских «хаканах» летописцы не знают. Ничего не знают об этом и византийские хронисты, именующие Игоря архонтом Руси. В договорах Руси и Византии Олег и Игорь названы великими князьями. Чем объяснить такое понижение статусности руских правителей, особенно если учесть, что Русь в X в. была и больше Руси IX в., и значительно более могущественной?

---

1 Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя//История СССР. 1982. № 4. – С. 158-159.

2 Там же. – С. 159. Ради историографической корректности должен признаться, что раньше мне также казалось, что киевские князья носили титул «каган». (Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. – К., 1999. – С. 48.)

Видимо, только тем, что в реальной жизни у руских правителей титула «каган» никогда не было. Это восточные авторы могли их так называть, перенося на них привычную им титулатуру. В скандинавских сагах, как известно, они именуются конунгами. В свою очередь, руские летописцы называли правителей Хазарии князьями: *«Поляне вдаша отъ дыма мечъ, и несоша Козари ко князю своему»*[1]. Иногда руские летописцы понимали титул правителя Хазарии как его имя. *«Иде Сятославъ на Козары: слышавше же Козари, изидоша противу съ княземъ своим Каганомъ»*[2].

Что касается представления руских послов 839 г. в Константинополе, то его, возможно, следует отнести на счет дипломатической уловки. Они, наверное, знали, что в Византии высоким титулом «каган» именовался правитель Хазарии и что его ранг был более высоким, чем архонт, который применялся к руским правителям. Разумеется, в такое самозванство официального посольства трудно поверить. Как замечал Г. Г. Литаврин, посланцы кагана должны были бы иметь грамоты своего правителя, исключающие всякие сомнения на этот счет[3]. Но грамот не было, что породило сомнения не только у Людовика, но и у историков, пытавшихся ответить на вопрос, от кого пришли в Константинополь эти послы.

Косвенно на него, возможно, отвечает ситуация с обратным путем посольства 839 г. Согласно письму Феофила, росы должны были вернуться туда, откуда прибыли в Константинополь. Но поскольку путь этот не безопасен, лежит «среди варваров и племен величайшей дикости», Феофил просит Людовика помочь им вернуться на родину через его империю. Это обстоятельство начисто лишает версию о хазарском посольстве какого-либо содержательного смысла. Как справедливо отметил Г. Г. Литаврин, для того, чтобы проследовать в Хазарию, не было никакого резона отправляться в Ингельгейм. Путь в Крым, который к этому времени в значительной части принадлежал Хазарии, был совершенно безопасен[4].

Намного проще было вернуться через Хазарию и послам «скандинаво-шведского каганата на Волге» (по

1 ПВЛ. Ч. 1. – С. 16.
2 Там же. – С. 47.
3 Литаврин Г. Г. Византия ... – С. 41.
4 Там же. – С. 39.

А. Стендер-Петерсену), чем искать себе дорогу через Германию. Обратный путь был опасен только для посольства, прибывшего в Византию по Днепру. В районе днепровских порогов оно действительно могло подвергнуться нападению «племен величайшей дикости». В данном случае имелись в виду племена венгров. Разумеется, по Днепру посольство могло прибыть не только из Среднеднепровского региона, но также и Волховско-Ильменского. Но это, если бы речь шла о X в. В 30-е годы IX в. этот длинный путь еще не был освоен.

Людольф Мюллер, склонявшийся к подобному выводу, полагал, что посольство из Северной Руси невероятно. Титул «каган», по его мнению, тяготел больше к югу, где и нужно было иметь базу для торговой экспансии и походов[1]. Г. Г. Литаврин, также считавший наиболее вероятным путем послов в Константинополь днепровский, в локализации их исходной точки отдавал предпочтение Южной Руси. Русы – «шведы», по его мнению, представляли либо правящую элиту уже образовавшегося в районе строящегося Киева княжества полян, возглавлявшегося по «ряду» норманнской верхушкой росов и признававшего протекторат Хазарского каганата, либо политическое образование на Черниговщине, в котором норманны играли сходную роль[2].

Не исключено, что посольство от «народа и хакана русов» и вообще было самозваным. Не случайно в Ингельгейме их заподозрили в шпионстве. Об этом писал еще С. Гедеонов. «Выдать себя за послов от Хагана Руси, получить греческие подарки и, обманув Феофила, обмануть и Людовика, было совершенно в характере тех норманнов, которые по нескольку раз принимали крещение»[3].

Однако независимо от того, как называлась изначальная Русь – княжеством или каганатом[4], чего, как

---

1 Müller L. Die Taufe Russlands. Die Frühgeschichte des russischen Christentums bis zum jahre 988. München, 1987. – S. 20-23.

2 Литаврин Г. Г. Византия ..., – С. 45-46.

3 Гедеонов С. Варяги и Русь. – С. 504.

4 А. В. Назаренко, приложивший много усилий, чтобы доказать, что в «Бертинских анналах» и в письме франкского короля Людовика II речь идет о кагане Руси, в конце своего исследования заявил, что он не стал бы подписываться под термином «Русский каганат», но не стал бы и протестовать против подобного неологизма. (Назаренко А. В. Русь IX века. – С. 35.) Такое признание делает ему честь, хотя и обесценивает приведенную им аргументацию.

мне представляется, в реальной жизни никогда не было, искать ее следует не на далеком севере или северо-востоке восточнославянского мира, но на юге, соседствовавшем с Хазарским каганатом.

Глава 3

Русь и варяги

Тема эта с первых лет отечественной историографии является наиболее острой и дискутируемой. В процессе ее исследования историками XVIII-XIX вв. определились два основные решения. Первое, предложенное З. Байером, Г. Миллером, А. Шлёцером, А. Куником, сводится к тому, что своей государственностью восточные славяне целиком обязаны норманнам. Впоследствии этот вывод получил развитие в трудах историков XX в. Т. Арне, А. Стендер-Петерсена, Х. Арбмана и др. Второе решение, у истоков которого стояли В. Татищев, М. Ломоносов, С. Гедеонова, утверждает исключительный приоритет в восточнославянском политогенезе внутреннего фактора развития. В XX в. к числу сторонников преимущественно такого подхода относились такие крупные советские историки, как Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, В. В. Вилинбахов, А. Г. Кузьмин и др.

Позже, особенно на заключительном этапе советской историографии, наметился определенный компромисс между приведенными выше полярными точками зрения. Его смысл заключался в том, что история древнерусской государственности в такой же мере немыслима без норманнского присутствия, как и без учета фактора собственного политического саморазвития восточных славян. Как утверждал А. Н. Кирпичников и другие ленинградские археологи, «ныне вряд ли найдется серьезный историк (равно как и археолог), который, оставаясь на позициях научной объективности, попытался бы рассматривать Древнерусское государство IX-XI вв. как результат деятельности скандинавов»[1].

---

1 Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов И. В., Назаренко В. А. Русско-скандинавские связи в эпоху образования Древнерусского государства (IX-XI вв.) – Scando-Slavica. 1978. Т. 24. – С. 63.

Вместе с тем, пожалуй, нет и ни одного серьезного исследователя, который бы отрицал наличие широких руско-скандинавских связей или участия скандинавов в общественно-политической и экономической жизни восточных славян времени формирования у них государственного быта.

Казалось, такое решение изначально политизированной проблемы ранней руской истории, научно вполне корректное, должно было определить дальнейшее направление поисков. Однако этого, к сожалению, не произошло.

Прежде всего, такой компромисс не был воспринят западными историками и археологами. В трудах Х. Арбмана, Г. Янкуна, Г. Штокля, М. Стенбергера, Т. Капелле, Е. Оксенстиерны и других продолжала преобладать мысль об исключительной роли норманнов в создании Древнеруского государства. Согласно Г. Штоклю, положительные импульсы в государственном развитии восточных славян были сообщены шведскими варягами и их господством на Руси. Правда, в другом месте он сделал оговорку, что руская история только через варягов является такой же фикцией, как и руская история без варягов[1].

М. Стенбергер отдавал отчет в том, что шведская гегемония на Руси была кратковременной, что не помешало ему утверждать факт основания шведами Киева и других ранних городов[2]. Т. Капелле назвал таковыми Ладогу, Новгород, Гнездово и Киев[3]. Е. Оксенстиерна полагал, что столицей викингов был Новгород, а кроме того, они проживали в Смоленске, Киеве, Чернигове, Ростове, Суздале и Муроме, хотя и составляли только часть их населения[4].

Н. Янкун был более категоричен, отводя варягам главную роль в освоении торгового пути, идущего от Ольденбурга и Хайдебу через Юмну (Волин) и Остогард (Новгород) к Киеву. Поскольку варяги были не только купцы, но и воины, они должны были охранять этот длинный путь при помощи системы укреплений и, таким образом, осуществлять свое господство, в том

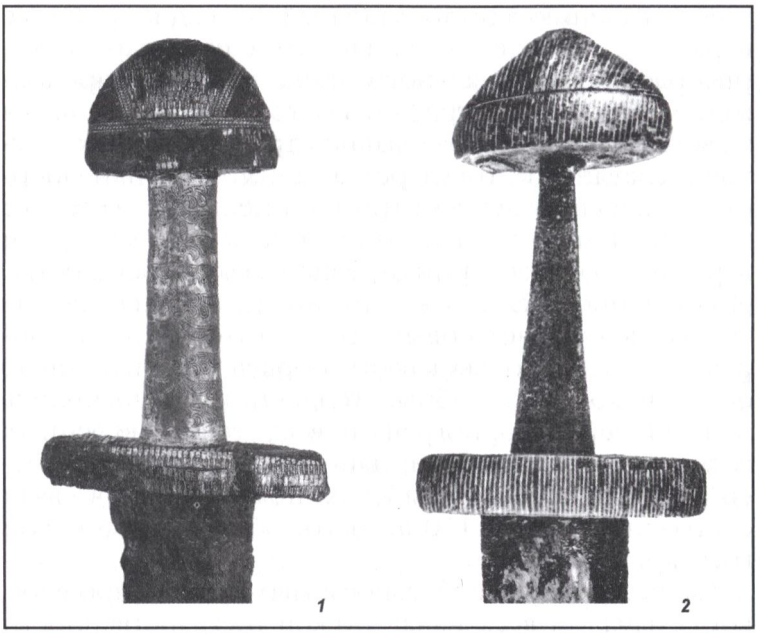
---

1 Stökl G. Russische Geschichte. – Stuttgart. 1973. – S 42.

2 Stenberger M. Vorgeschichte Schwedens. – Neumünster. 1977. – S 418.

3 Capelle T. Die Wikinger. – Stuttgart. 1974. – S. 117, 118.

4 Oxsenstierna E.-G. Die Wikinger. – Stuttgart, Berlin, Köln, Meinz. 1966. – S. 69-72.

. Железные мечи: 1 — Киев, Могильник № 1, погребение 108 по М. К. Каргеру; 2 — Киев, случайная находка в Днепре.

числе благодаря владению двумя важнейшими опорными пунктами – Новгородом и Киевом[1]. Еще дальше в декларировании шведского доминирования в восточнославянском регионе пошел Холгер Арбман. «Эта область, – писал он, – с Новгородом на севере и Киевом на юге, как центральными пунктами, находилась на положении шведской колониальной земли»[2].

По существу, аналогичную позицию на происхождение Руси отстаивал и русский эмигрантский историк Г. В. Вернадский. «Как мы знаем, – писал он, – со скандинавами было непосредственно связано образование Русского каганата, а затем и Киевского княжества»[3]. Правда, при этом им как будто не исключалось участие в этом процессе и местного населения. «Участники скандинавской экспансии прочно обосновались на русской почве и объединили свои интересы с интересами коренного славянского населения»[4].

1 Jankun Herbert. Haithabu. Ein Handelsplatz der Wikingerzeit. Neumünster. 1963. – S. 212.

2 Arbman Holger. Birka. Die Gräber. Uppsala. MCMXZIII. – S. 11.

3 Вернадский Г. В. Киевская Русь. – Тверь, Москва. 2001. – С. 355.

4 Там же.

К сожалению, компромиссный подход к проблеме варягов на Руси, определившийся в советской историографии ее финального этапа, не нашел продолжения и в историографии постсоветской. Распался Советский Союз, образовались три суверенные восточнославянские государства, и их историки энергично занялись пересмотром концепций советского времени. Изменилось и отношение к вопросу о роли варягов в образовании Древнеруского государства. Неожиданно оказалось, что иноземное начало не только не смущает новых исследователей, но наоборот, радует, поскольку как бы сообщает нам исконную европейскость. Подобные тенденции обозначились в новейшей историографии всех трех суверенных государств, но, пожалуй, наиболее отчетливо в российской. Особенно в работах, появившихся в связи с празднованием 1150-летнего юбилея российской государственности.

Скорее всего, своеобразное возвращение в прошлое, когда началом всех начал руской государственности считались норманны, как раз и было спровоцировано этим юбилеем. Ведь точкой отсчета для него взят 862 г., в котором, согласно «Повести временных лет», произошло призвание варягов. Правда, как будто не первое. Из начала статьи 862 г. следует, что словенам и кривичам пришлось сначала изгнать варягов, которым они платили дань, «за море», а затем уже пригласить их на княжение. Из-за начавшихся усобиц, когда «вста родъ на родъ», было решено поискать «собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву».

«Земля наша велика и обилна, – заявили, будто бы, старейшины северных славянских племен, – а наряда в ней нѣтъ. Да поидѣте княжить и володѣти нами.»[1] Дальше идет рассказ о трех братьях – Рюрике, Синеусе и Труворе, которые переселились из-за моря на Русь и стали княжить в славянских городах Новгороде, Белоозере, Изборске. Со временем младшие братья умерли, и вся власть над северными восточно-славянскими племенами словен и кривичей перешла к Рюрику.

Таков несколько наивный летописный зачин ранней истории варягов на Руси. Он традиционен для средневековья. Легенды о трех братьях, призванных княжить

1 Повесть временных лет. Ч. 1. Подготовка текста Д. С. Лихачева, перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. – М.-Л., 1950. – С. 18.

в чужую страну, были распространены в Северной Европе в средние века. В Ирландию прибыли три брата норманна под предлогом торговли и по предложению ирландского вече остались там. Вдукинд Корвейский в своей «Саксонской хронике» (967) сообщил о посольстве бриттов к саксам с предложением владеть их «обширной и великой страной». Саксы послали три корабля с тремя князьями.

Летописная версия о добровольном «призвании варягов» была, скорее всего, сочинена во время редакции «Повести временных лет» летописцем великого киевского князя Мстислава Владимировича (около 1118 г.). Однако она явилась не столько результатом его идеологической тенденциозности, сколько отражением уровня мышления того времени. Мир в средневековье воспринимался как неизменный и постоянный, а поэтому новые явления в общественной жизни определенного народа осмысливались не как результат внутреннего исторического развития, а как привнесенные извне. Поиски исторических корней правящих династий в соседних, как казалось средневековым хронистам, более престижных регионах характерны для многих европейских народов – французов, немцев, итальянцев, швейцарцев и др.

Более 100 лет историческая наука без серьезного критического анализа пользуется гипотезой Х. Холлмана-Ф. Крузе, по которой Рюрика «Повести» следует идентифицировать с Рёриком Ютландским. Историков, как правило, мало смущало то обстоятельство, что новгородцы направили приглашение не ближайшим своим заморским соседям – шведам, а дальним – датчанам. Как мало обращали внимания на то, что на Русь прибывали отнюдь не только шведы.

В последнее время появились работы, показывающие значительное место датчан в руско-скандинавских связях IX – начала XI вв.[1] На основании свидетельств письменных и археологических источников оно представляется даже преобладающим. Древнейшими западно-европейскими монетами на Руси были

1 Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов И. В., Назаренко В. А. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // КСИА. - М, 1980. – Вып.160. – С. 31; Толочко О. П. До питання про етнічний склад скандинавів на Русі // УІЖ. 1984. № 7. – С. 134-139.

английские. Их интенсивное поступление совпадает по времени с выплатой Англией так называемых «датских денег» в пользу Дании и связано, вероятно, с пребыванием на Руси варяжских дружин. После 1023 г. наблюдается постепенное сокращение поступлений английских, но зато увеличивается удельный вес собственно датских монет на Руси.

В свое время В. Г. Васильевский, изучавший вопросы службы скандинавов в Византии, пришел к выводу, что первые наемные отряды пришли туда из Дании. Вероятно, через Русь и с русскими же дружинниками. Итальянский средневековый историк Лев Остийский, рассказывая о восстании Мело в Южной Италии, отмечает злоупотребления византийцев, захвативших Апулию и Калабрию при помощи «союзных датчан, русских и гуланов».

Чем можно объяснить приоритет датчан в скандинаво-руских отношениях начального периода? Ответ на этот вопрос следует искать в исторической обстановке Балтийского поморья VIII-X вв. Датчане – ближайшие соседи северозападной группы славян и находились с ними в постоянных контактах.

Анализ археологических материалов VIII-X вв. в южнобалтийском регионе показывает, что здесь сформировалась своеобразная культура, в сложении которой приняли участие норманны, саксы и славяне. В свое время Г. Янкун, многолетний исследователь скандинавского города Хайдебу, что на севере Германии, пришел к выводу, что среди его жителей была и небольшая община славян[1]. Последующие исследователи В. Хюбенер и Х. Штоер подтвердили это находками славянской керамики VIII-X вв. не только в Хайдебу, но и в других пунктах южного побережья Балтики[2].

Один из таких был исследован У. Шокнехт на берегу реки Пена неподалеку от города Анклама (Германия). Среди типично скандинавских находок в его культурных слоях выявлена керамика исключительно славянского облика, что дало основание автору утверждать смешанный скандинаво-славянский состав

1 Jankun H. Haithabu. Ein Handelsplatz der Wikingerzeit. – Neumünster. 1983. – S. 66, 294.

2 Hübener W. Die Keramik von Haithabu. – Neumünster. 1959. – S. 42, 139-148; Steuer H. Die Südsiedlung von Haithabu. 1974. – Neumünster. 1959. – S. 125-135.

населения[1]. Широко представлена славянская керамика IX-X вв. также в могильниках острова Готланд и Бирки[2].

А может, приглашение новгородцев было направлено и не к датчанам, а к проживавшим в юго-западной Балтике славянам? Ставить так вопрос позволяют свидетельства средневековых хронистов о торговом городе венедских ободритов Рерике, которым в 808 г. овладел датский король Гётрик. В хронике Адама Бременского имя Рерик выступает как второе название славян – ободритов. Предположение о славяно-ободритском происхождении Рюрика (из города или страны Рерик) в какой-то мере подтверждается и археологическими материалами. Об участии западных славян в заселении Новгородчины можно судить также и на основании анализа этнонимии «Повести временных лет».

Титмар Мерзебургский и другие средневековые хронисты отмечали смешанный характер населения торговых городов южной Балтики: Хайдебу, Рерика, Старигарда, Волина, Зеебурга, Щеттина и др. Столь тесное и длительное взаимодействие скандинавов (датчан и шведов) и западных славян неизбежно вело к определенному их этноязыковому сближению, а возможно и ассимиляции на преобладающей этнической основе. Поразительный феномен вживания уже первого поколения варягов на Руси не может найти удовлетворительного объяснения, если не предположить, что еще до прихода на берега Волхова и Днепра они были уже наполовину славяне.

Мысль о связи варягов с южнобалтийскими славянами не новая. Ее высказывали еще историки XVII-XIX вв. И. Гизель, М. Ломоносов, М. Максимович, С. Гедеонов. Из историков нашего времени ее сторонниками выступили В. Вилинбахов, А. Кузьмин и др. Однако она так и не получила убедительных обоснований. Ныне благодаря исследованию керамических комплексов так называемого балтийского типа, выявленных в Новгороде, Пскове, Старой Ладоге, городке на Ловати и даже в Киеве, аргументов

---

1 Schoknecht O. Menzlin. Ein frügesehichtlicher Handesplatz an der Pene. – Berlin. 1977. – S. 6-35.

2 Selling D. Wikinger zeitliche und frümittelalterliche Keramik in Schweden. – Stockholm. 1985.

в ее пользу становится все больше[1]. Керамика балтийского типа датируется преимущественно IX-X вв. и свидетельствует о массовом проникновении в пределы Северо-Западной Руси пославянского населения.

Примечательно, что связь Рюрика со славянами не исключал и такой последовательный сторонник норманнского происхождения руси, как Д. А. Мачинский. «Никто не исключает, – утверждал он, – что в жилах Рюрика могла течь каким-то образом и славянская кровь, потому что в Балтийском море все мешалось, и балтийские славяне появлялись у нас». После этого счел необходимым подчеркнуть, что «принадлежал Рюрик к системе скандинавской», правда, так и не объяснив, о какой «системе» идет речь[2].

Наверное, обе гипотезы, не имеющие убедительных источниковых доказательств, будут и в будущем находить своих сторонников и противников. Хотя для темы подобных исследований это далеко и не главный вопрос. Значительно важнее здесь не этничность Рюрика и его окружения, а та роль, которую они сыграли в создании Древнеруского государства.

Очень скудная информация письменных источников, тем не менее, подвигла некоторых авторов на сочинение пространных исследований (даже и монографий), в которых норманны, в том числе и полумифический князь Рюрик, предстают первыми государственными собирателями восточнославянских земель. А. Н. Кирпичников, видимо запамятовав о сказанном ранее, в публикациях, посвященных 1150-летнему юбилею Руского государства, наградил Рюрика титулом «основоположника государственного здания» и «первоучредителя новой Руси».[3] При этом, правда, снабдил столь категоричные утверждения оговоркой, что национальность здесь не имеет значения. Однако уже в следующем абзаце и опроверг такую оговорку. «Политический выбор северорусских и финских

---

1 Горюнова В. М. О раннекруговой керамике на Северо-Западе Руси // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. – Л., 1982. – С. 44; Плоткин К. М. Псков и его округа в конце 1 тысячелетия н.э. // Там же. – С. 158.

2 Мачинский Д. А. О Ладоге и первоначальной Руси. – С. 66.

3 Д. А. Мачинский утверждал, что некий «глава Волховско-Ильменской «руси» уже за поколение до вокняжения Рюрика претендовал на титул более высокий, чем князь или конунг. (Мачинский Д. А. О Ладоге и первоначальной Руси. – С. 51.)

племен, – согласно ему, – оказался дальновидным... Викинги-разбойники, терроризировавшие всю Европу, не покушались на страну, где уже не служил наемником, а правил, возможно, их соотечественник»[1]. Еще более категоричен в этом А. А. Горский, утверждающий, что «именно Рюрик и его преемники с их дружинами производили объединение «славиний» Восточной Европы под единой властью»[2]. Сначала из Ладоги и Новгорода, а затем и из Киева.

Из имеющихся летописных свидетельств сделать такой однозначный вывод совершенно невозможно. В летописи только сказано, что Рюрик «сѣде Новѣгородѣ» и «раздая мужемъ своим грады». Преемники его Олег, Ольга, Святослав и Владимир действительно отличились на поприще собирания восточнославянских земель в единое государство, но называть их норманнами и утверждать, что именно норманнам по происхождению принадлежит «тенденция к формированию крупного государства», как это делает А. А. Горский, оснований нет. Нет потому, что происхождение князей не находилось в прямой и обусловленной связи с их деяниями. Последние диктовались не этнической их принадлежностью, но логикой развития того социально-политического образования, во главе которого они оказались.

Совершенно невозможно обосновать и оптимистический вывод В. Я. Петрухина о том, что «варяги и хазары целиком «реализовали» себя в ранней русской истории – они участвовали в этнокультурном синтезе, который привел к созданию Древнерусского государства»[3]. Определенно, общего вывода здесь недостаточно. Необходимо показать, в чем этот синтез проявился. К примеру, в синкретичности материальной культуры. Но археологам ведь хорошо известно, что никакого русско-варяжского синтеза в этой области не получилось. Практически, ни одна из категорий вещей прикладного искусства, занесенная варягами на Русь в IX-X вв., не обрела здесь не

1 Кирпичников А. Н. К 1150-летию создания Русского государства (862-2012 гг.)//Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 3. СПб., 2012. – С. 9.

2 Горский А. А. Возникновение русской государственности и «призвание варягов»//От Древней Руси к Российской федерации. История Российской государственности. СПб., 2013. – С. 187.

3 Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX-XI веков. – М., 1995. – С. 115.

только своего прямого продолжения, но и какой-либо модификации.

Ничего не взяли восточные славяне от варягов и в области духовной культуры – ни скандинавских языческих богов, ни эпических преданий, ни руницического письма, ни языка, ни скальдической поэзии. Это может показаться даже удивительным, что при столь оживленных скандинаво-славянских связях и постоянном притоке на Русь варягов в IX-X вв. русский словарь практически не пополнился скандинавскими по происхождению терминами. Все пришельцы превратились в русов и заговорили по-славянски.

Причем, произошло это довольно рано, скорее всего, уже в последние десятилетия IX в. Разумеется, северные пришельцы не забыли в одночасье свой язык, но полагать, что он занял на Руси положение второго или даже первого, нет и малейших оснований. Об этом ни в каком источнике не сказано. Наоборот, летописная статья 898 г. совершенно определенно указывает, что на Руси был один язык – «словѣнескъ». «Симъ бо первое переложи книги, моравѣ, яже прозвася грамота словѣньская, яже грамота есть в Руси»[1]. Ниже летописец еще раз отметил тождество руского и славянского языков. «А словеньский языкъ и рускый одно есть»[2].

Сказанное как будто не согласуется со свидетельством Константина Багрянородного, приведшего «русские» и «славянские» названия днепровских порогов. Однако это не дает никакого основания говорить о руско-славянском двуязычии. Прежде всего потому, что в действительности «руские» названия порогов таковыми на являются. Несомненно, они более древние, чем время освоения норманнами пути «Из варяг в греки». Часть из них – Геландри, Анфор, Варуфорос, Леанди – имеют, скорее, греческое происхождение, другие – Эссупи, Улворси, Струкун, возможно, транскрибированное скандинавское.[3] Что касается славянских названий порогов, то одни из них не совсем

---

1 ПВЛ. Ч. 1. – С. 21.

2 Там же. – С. 23.

3 В свое время Б. А. Рыбаков, комментируя известия Константина Багрянородного, полагал, что «русские» названия порогов (действительно, в ряде случаев скандинавские) доставили большую радость норманнистам, но на самом деле они не доказывают ничего большего, чем наличие варягов на службе у киевского князя». (Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. – М., 1982. – С. 334.)

славянские, а другие и вовсе представляют собой переводные объяснения названий «руских». Улворси – Островунипрах – «Остров порога», Варуфорос – Вулнипрах – «Большая заводь», Леанди – Веручи – «Кипение воды», Струкун – Нестрези – «Малый порог». Эссупи и Геландри вообще не имеют славянских названий. Первый, согласно Константину, по-русски и по-славянски означает «Не спи», что кажется странным, если считать эти языки разными, второй переводится как «Шум порога».

Не получилось синтеза и в социально-политической сфере. Попав в чужую страну и в чуждый для себя мир, варяжские пришельцы не навязали ему свою форму государственности с конунгами, хёвдингами, ярлами, тингами и другими шведскими институтами власти, но взяли ту, которая была у восточных славян. Стали князьями, воеводами, посадниками, тысяцкими. И это вполне объяснимо. По существу, только в этом случае у них и был шанс адаптироваться к новым условиям социально-политического быта. При попытках навязать свое они неизбежно потерпели бы неудачу.

Известно, что скандинавы называли далекую страну восточных славян «Гардарики», или «Гарды». Казалось логичным, чтобы, оказавшись во главе этих самых Гардов, варяги легализовали привычное им название, но этого также не случилось.

Все это свидетельствует о том, что северных пришельцев на Руси было немного. Они представляли лишь небольшие островки в восточнославянском поселенческом море. Как полагал в свое время Б. А. Рыбаков, общее число варягов, постоянно проживавших на Руси, исчислялось десятками и сотнями[1]. Наемные северные дружины достигали численности от нескольких сот до тысячи воинов, но они пребывали на Руси временно, к тому же, особенно в годы княжения Владимира Святославича, на положении некоторой экстерриториальности по отношению к крупным городам.

Согласно исследованиям А. Н. Кирпичникова, варяги в составе войск князей Олега и Игоря в походах на Константинополь составляли от 1/13 до 1/8 полевого руского войска[2]. По справедливому замечанию

1 Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений русской истории IX в. – середины XIII вв. – Вопросы истории. 1962. № 4. – С. 37.

2 Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. – С. 55.

Г. Г. Литаврина, небольшому пришлому контингенту норманнов в несколько тысяч (или десятков тысяч) человек было не по силам подчинить местное население, рассеянное на огромном пространстве[1]. Одним из убедительных аргументов незначительного количества пришедших к восточным славянам норманнов, как полагает А. П. Толочко, является отсутствие скандинавской ономастики в Восточной Европе[2].

Считается, что варягам принадлежит приоритет в освоении трансъевропейского торгового пути, получившего в летописи название «Из варяг в греки». Возможно, это действительно так. Но их дальняя торговля была бы невозможной, если бы у восточных славян не было налаженной системы сбора дани, которая, в значительной мере, и обеспечивала эту торговлю товарами. О том, что такая у славян была еще до прихода варягов, вынуждены были признать В. Я. Петрухин и Д. С. Раевский. Согласно им, «древнейшей функцией славянского князя», признавшего верховную власть норманнского верховного правителя, был сбор дани[3]. Здесь, правда, более корректным было бы утверждение о признании верховной власти правителя норманнского происхождения, поскольку де-факто он являлся восточнославянским «верховным правителем».

По существу, новая княжеская династия была норманнской лишь по происхождению. Натуральными скандинавами были фактически только Рюрик и Олег.[4] Следовавших за ними киевских князей можно считать таковыми лишь очень условно. В свое время на эту особенность обратил внимание Г. Г. Литаврин. Комментируя высказывания Д. Шепарда о том, что «хотя норманны и обрели на Руси нескандинавские

---

1 Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX в. – начало XII в.). СПб., 2000. – С. 10.

2 Толочко Алексей. Очерки начальной Руси. Киев. Санкт-Петербург. 2015. – С. 171.

3 Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. – С. 272 и сл.

4 Летопись в статье 879 г. отмечает, что Рюрик передал «княженье свое Олгови, от рода ему суща». Традиционно это свидетельство служило доказательством норманнского происхождения последнего. По мнению Г. С. Лебедева, родственником Рюрика мог быть и представитель одного из местных знатных семейств. (Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. – С. 245.) В любом случае, еще до прихода в Киев Олег был тесно связан со славянской средой.

черты, не-скандинавы еще долго не входили в элиту государства», заметил, что ему не ясна логика подобных рассуждений. «До каких пор, – спрашивал он, – можно считать скандинавами тех, кто утратил скандинавские черты?»[1]

Д. Шепард не определил время утраты скандинавами своих черт. Если иметь в виду княжескую династию, то это определенно произошло уже при Игоре, который родился и воспитался в восточнославянской среде. Ольга, ставшая его женой, и вовсе была славянкой. Летопись утверждает, что родом она из Пскова. «В лѣто 6411. Игореви възрастъшю... и приведоша ему жену отъ Пъскова»[2]. В достоверности этого свидетельства можно сомневаться, что и имеет место в литературе, но сколько-нибудь приемлемой ему альтернативы так никто и не предъявил. Совершенно немыслимо называть норманнами Святослава, Ярополка и Владимира. И не только потому, что они имели славянские имена и были биологически наполовину или на три четверти славянами, но прежде всего потому, что не являлись норманнами в культурном и политическом смыслах. Находясь во главе крупного восточнославянского государства, действовали в его интересах и вряд ли озабочивались мыслями о своем полумифическом пращуре.

Убедительным свидетельством этому может быть отношение Владимира к варягам, которые помогли ему утвердиться на киевском столе. Он не только не расплатился с ними со щедростью родственника, но и поспешил спровадить их в Царьград, предварительно предупредив византийского императора об опасности, которую они могли представлять. «Се идуть к тебѣ варязи, не мози их держать въ градѣ, оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи я розно, а сѣмо не пущай ни единого»[3].

Следует сказать, что ни одна правящая династия стран средневековой Европы не была этнически тождественна своим подданным. И по происхождению и, еще больше, вследствие междинастических смешений. И тем не менее, везде монархи именуются по странам правления или по именам основателей династий,

---

1 Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. – С. 46.
2 ПВЛ. Ч. 1. – С. 23.
3 Там же. – С. 56.

но никогда по этническому происхождению. Это эксклюзив только нашей историографии, когда древнерусские князья, занимавшие великокняжеский стол Киева, называются «варяжскими»[1]. Правда, непонятно, почему только до Владимира Святославича, а не до последних киевских князей – Михаила Всеволодовича и Александра Ярославича (Невского).

Исследователи, выражавшие сомнения в норманнских истоках Древнерусского государства, неизменно задавались вопросом: как это норманнам удалось на восточнославянской земле создать то, чего они не имели у себя на родине? Не стал спорить с этим тезисом и А. А. Горский, правда при этом не обнаружил «государственнообразовательных потенций» и у восточных славян[2]. Мобилизовав скудные данные, имеющиеся в источниках, он пришел к оригинальному выводу, что все это от Франкской империи.

«Если Рюрик является одним лицом с Рёриком, представителем рода датских конунгов, то близость его и его людей к франкам неудивительна. Рёрик около 40 лет провел на франкской территории, послужив пятерым императорам и королям. Возглавляемый им контингент во второй половине IX столетия испытал наибольшее франкское влияние среди всех норманнов»[3].

Но в том и все дело, что «если». А надо сказать, что оснований для сомнений здесь значительно больше, чем для уверенности. Гипотеза о тождестве ютландского Рёрика и Рюрика «Повести временных лет», высказанная еще в начале XIX в. и принятая советской и нынешней российской историографией, далеко не безусловна. Об этом тождестве в источниках нет никаких свидетельств. Факты же биографии Рёрика Ютландского скорее отрицают такое отождествление, чем подтверждают его.

Практически невозможно представить, чтобы человек, служивший в течение 40 лет франкским правителям, вдруг, на старости лет, решился на поиск приключений в восточнославянском мире. И как тогда согласовать это со сведениями летописи, что в свите Олега во время похода на Киев находился малолетний сын Рюрика Игорь. А ведь именно это следует из слов

---

1 Горский А. А. Возникновение русской государственности и «призвание варягов». – С. 187.

2 Там же. – С. 189.

3 Там же. – С. 192.

Олега, обращенных к киевским князьям Аскольду и Диру. «Вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа, и вынесоша Игоря: А се есть сынъ Рюриковъ»[1]. С историческим Рёриком, который к этому времени уже почил в бозе, это никак не вяжется. Имеющиеся источники ничего не знают ни о том, что он отказался от службы во Фризии и ушел на Русь, ни о том, что здесь родил сына.

Отождествив Рёрика Ютландского и Рюрика руских летописей, мы оказываемся перед неразрешимыми хронологическими и смысловыми противоречиями. По летописи он уже с 862 г. был на Руси и княжил в Новгороде, а согласно европейским источникам находился в Ютландии. В 863 г. он осуществил поход по Рейну и отвоевал прирейнские владения Лотаря; в 867 г., изгнанный из Фризии, вновь осуществил вместе с датчанами поход на владения Лотаря; в 873 г. присягнул на верность Людовику Немецкому. После этого о нем в письменных источниках нет никаких известий. Можно, разумеется, предположить, что между 873-м и 882-м (предполагаемый год смерти) годами он находился в Новгороде, но тогда придется отказаться от 1150-летия российской государственности.[2]

И тем не менее, А. А. Горский настаивает, что именно Рюрику восточные славяне обязаны становлением у них крупного государства. Установление масштабной системы властвования в Восточной Европе стало возможным, согласно ему, потому, что Рюрик и его окружение унаследовали эти традиции от Франкской империи, будучи непосредственно знакомы с ними[3].

В целом, как будто логично. Рёрик (Рюрик), чья политическая карьера всецело была связана с Франкским государством, действительно, мог последовать примеру его правителей и самому заняться созиданием чего-то подобного. Но тут возникает

---

1 ПВЛ. Ч. 1. – С. 20.

2 В литературе сообщаются некоторые подробности «руской» биографии Рюрика (о возвращении его в 870 г. на Запад для урегулирования каких-то владельческих отношений с франкскими и немецкими королями, о новом приходе на Русь в 874 г. и подавлении оппозиции Вадима Храброго), но основаны они только на татищевских извлечениях из так называемой Иоакимовской летописи и не подтверждены более достоверными источниками.

3 Горский А. А. Возникновение русской государственности и «призвание варягов». – С. 189-191.

уместный вопрос. Почему не в родной Скандинавии, а в чужой и далекой земле словен, кривичей, веси и мери?

Видимо, не следует преувеличивать и «государствообразовательные потенции» Франкского государства времени службы там датского конунга. Оно, как имперское образование, как раз переживало кризис. После смерти Карла Великого (814 г.) Франкская империя раздробилась между его наследниками, а в 843 г. и вовсе разделилась на три независимые части. Так что Рёрик мог унаследовать, скорее, «потенцию» кристаллизации малых национальных государств, а не большого имперского. Как известно, соседство с Франкской империей не привело к сложению масштабного единого государства ни у скандинавов, ни у западных славян, как, впрочем, не случилось этого и у южных, соседствовавших с Византийской империей.

Все это указывает на отсутствие прямой зависимости возникновения тех или иных форм государственного устройства от наличия таковых у соседних государств. Разумеется, все взаимосвязано, и какие-то внешние политические влияния восточнославянский мир безусловно, испытывал. Правда, определенно, меньше всего франкские. Тем более, через посредство варягов. Неизмеримо больше оснований полагать (о чем речь ниже), что для ранней Руси примером могла служить Византия, которая хотя и находилась в отдалении, стала первой страной, с которой Русь установила договорные отношения: политические, экономические и церковные. Традиции этих связей, судя по летописному преданию о князе Кие, свидетельствам Прокопия Кессарийского об антском вожде Хильвудие и византийском посольстве 545 г. к антам, определились уже в правление императора Юстиниана I[1].

И тем не менее, не будь внутренних предпосылок, никакой внешний фактор не способен оказать решающего влияния на жизнь общества. Он может наложиться на процессы, происходящие в нем, ускорить или замедлить их, но не определить. По существу, это хорошо иллюстрируют и ранние взаимоотношения восточных славян с норманнами. Из летописных свидетельств вовсе не следует, что скандинавы привнесли в жизнь славян что-то принципиально новое, чего

1 Прокопий Кессарийский. Война с готами. – М., 1950. кн. 7. – С. 294, 337, 364, 372-373; кн. 8. – С. 459.

они не знали до их прихода. В том числе, это касается и формы правления. Из обращения словен, кривичей, чуди и веси следует, что их земля «велика и обильна», но переживает междоусобные распри, а поэтому они и решили искать «князя, иже бы володѣлъ нами и рядил по ряду, по праву»[1].

Из этого следует, что все названные политические институты у них были, только что-то не заладилось со справедливым правлением. Были и свои князья, что, со ссылкой на так называемую Иоакимовскую летопись, отмечал еще В. Н. Татищев. Были и центры их власти[2]. Именно в них и сел Рюрик со своими «братьями». «И приидоша; старейший, Рюрикъ, сѣде в Новѣгородѣ, а другий, Синеусъ, на Белѣ-Озерѣ, а третий Изборьстѣ, Труворъ»[3]. В Ипатьевской летописи сказано, что Рюрик вначале сел в Ладоге, которую сам будто бы и построил. Многолетние раскопки А. Н. Кирпичникова неоспоримо показали, что этот укрепленный торгово-ремесленный центр существовал, по меньшей мере, лет за сто до «призвания» варягов[4]. Аналогичной была ситуация и с так называемым Рюриковым городищем. Как утверждает Е. Н. Носов, поселение здесь существовало уже в середине IX в., а его насельниками были ильменские словене[5].

Несомненно, этот крупный межплеменной и многоэтничный союз еще до прихода варягов имел и какое-то внутреннее административное территориальное деление. Сообщив о смерти братьев, наступившей через два года, летописец затем отметил, что Рюрик принялся раздавать мужам своим города и волости. При этом не преминул уточнить, что «перьвии насельници в Новѣгородѣ словѣне, в Полотьски кривичи, в Ростовѣ меря, в Бѣлѣ-Озерѣ весь, в Муромѣ мурома»[6].

Схожей была ситуация и на юге восточнославянского мира. Аскольд и Дир, названные боярами

---

1 ПВЛ. Ч. 1. – С. 18.

2 Татищев В. Н. История Российская. – М.-Л., 1962. Т. 1. – С. 107 и сл.; Вряд ли мы можем полностью довериться сказочной истории о словенской княжеской династии, но в том, что она является отголоском определенной реальности, ничего невероятного нет.

3 ПВЛ. Ч. 1. – С. 18.

4 Кирпичников А. Н. Старая Ладога – Первая столица Руси. СПб., 1996. – С. 60-88.

5 Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. – Л., 1990. – С. 150-164. ПВЛ. Ч. 1. – С. 18.

6 ПВЛ. Ч. 1. – С. 18.

Рюрика, по пути в Царьград увидели на горе городок и, после выяснения, чей он, решили в нем остаться. «Аскольдъ же и Диръ остаста въ градѣ семь, и многи варяги съвкуписта, и нача владѣти польскою землею»[1]. Из ремарки летописца – «Рюрику же княжащу в Новѣгородѣ» – определенно следует, что его власть не распространялась за пределы Новгородского княжества. Следовательно, так называемая франкская «потенция» формирования крупного государства им и не была реализована.

О правлении в Киеве Аскольда и Дира сохранились лишь отрывочные сведения. «Повесть временных лет» сообщает под 866 г. о предпринятом ими походе на Царьград, который, несмотря на успешное начало, закончился поражением Руси[2]. В отличие от информации об аналогичных походах последующих киевских князей, в этой не содержится указания на то, что в составе Аскольдового воинства были варяги. Сведения Никоновской летописи, заимствованные из каких-то древних источников, не сохранившихся до наших дней, говорят также о походах Аскольда на печенегов и волжских булгар.

В 882 г. на киевском столе произошла смена династий. Убив Аскольда и Дира, власть захватил родственник Рюрика Олег. Анализ летописных известий позволяет утверждать, что коварное убийство Аскольда и Дира осуществилось не без участия их ближайшего киевского окружения. Произошел, по существу, политический переворот, в результате которого на киевском столе утвердилась новая династия.

Одним из важных мероприятий правительства Олега была попытка оградить Киевское государство от нападения соседей, в том числе и варягов. Этой цели, видимо, служила ежегодная дань от Новгорода в 300 гривен, которую Русь обязалась выплачивать варягам за обещание не нападать на ее владения и, наверное, оказывать Киеву военную помощь. Такое положение, судя по замечанию летописи, сохранялось до смерти великого киевского князя Ярослава Мудрого (1054).

Варяжские дружины регулярно привлекались на юг Руси для военных походов, что указывает на

---

1 Там же. – С. 19.

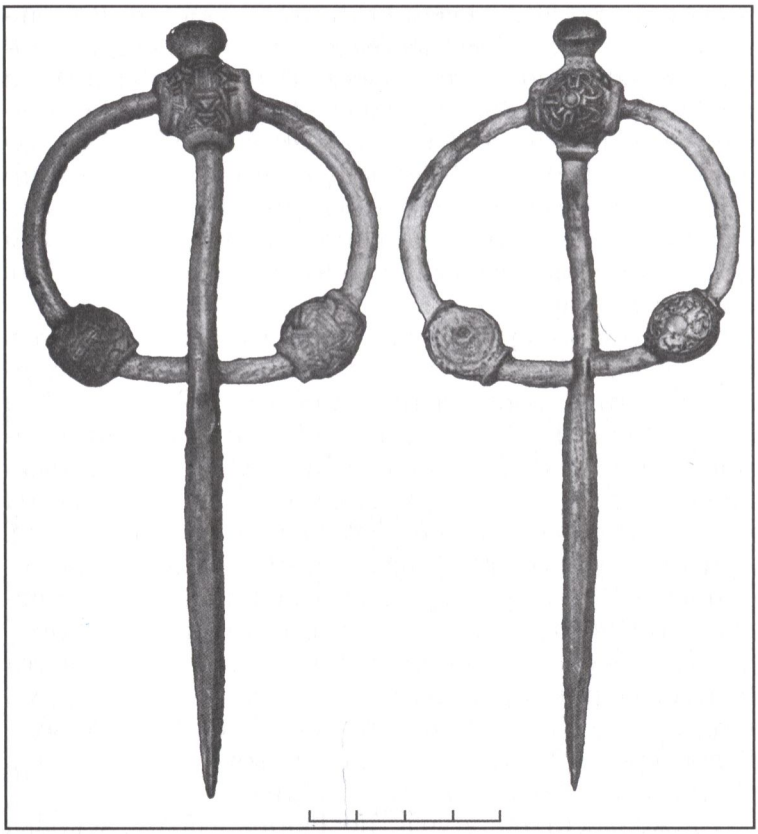
2 Согласно византийским источникам, поход русов на Царьград состоялся в июне 860 г.

договорную обусловленность этой помощи. В большей мере она была необходима для внешних военных акций (походы Олега, Игоря и Владимира на Византию, война Ярослава Мудрого с печенегами), но использовались и во внутренних междукняжеских разборках. С помощью варягов Владимир Святославич вернул себе Новгород, а затем и завоевал Киев. Среди пятитысячного войска, с которым Ярослав Мудрый выступил на Киев, только одну часть составляли варяги.

В историографии, о чем уже сказано выше, роль варягов на раннем этапе сложения руской государственности, неоправданно преувеличивается. Она была, если и не абсолютной, на чем настаивали историки конца XIX – первой половины XX в., то уж, во всяком случае, не меньшей, чем роль восточных славян, на что соглашается нынешнее поколение исследователей. Думается, однако, что ближе к истине были руские летописцы. После прихода на Русь Рюрик и его мифические братья расселились в уже существовавших городах Новгороде, Белоозере и Изборске. После смерти братьев Рюрик «прия власть... и раздал мужемъ своимъ грады» – одному Полоцк, другому – Ростов, третьему – Белоозеро. В 882 г. Олег посадил своих посадников в Смоленске и Любече, а сам сел в Киеве.

Где же здесь равное участие? Рюрик, а позже Аскольд и Дир, Олег не основывают своих городов, но овладевают уже существующими, не утверждают в них политическую власть, а только меняют старую администрацию на новую – «свою», согласно уточнению летописца.

Новая княжеская династия Руси на первых порах содействовала вовлечению варягов в процессы государственной жизни страны. Это естественно. Но вовлечение это никогда не приобретало форм господства, засилия чужеземцев. Процесс их притока на Русь контролировался, а проживание в славянской среде имело свою регламентацию, выражавшуюся в экстерриториальности варяжских дружин по отношению к крупным городам. Специальный подгородный лагерь варягов известен под Черниговом (Шестовицы). Аналогичную роль под Киевом выполняло, по-видимому, поселение на Кирилловских горах, находившееся в 3 км от города. Письменные источники свидетельствуют, что всякий раз, как только

Кольцевая серебряная фибула. Киев, Старокиевская гора. Погребение 112 по М. К. Каргеру.

задачи, в решении которых нужна была помощь варягов, оказывались выполнены, киевские князья старались избавиться от них.

Характерно, что этическая родственность киевской княжеской династии со скандинавами практически не отражена в сагах. Руских князей они называют их славянскими именами, только незначительно видоизменяя на свой лад. Наиболее известным из них в северной литературе был Ярослав, который всегда фигурирует только под этим именем – Ярицлейв. Е. Рыдзевская считала, что не только у Ярослава, но и у его отца Владимира не было скандинавского имени[1].

1 Рыдзевская Е. А. Ярослав Мудрый в древнесеверной литературе // КСИИМК. М.-Л., 1940. – Вып. 7. – С. 67.

Владимир Святославич, когда варяжская дружина начала слишком переоценивать свою роль в овладении Киевом и потребовала выкуп от киевлян по две гривны с человека, не только не рассчитался с ней со щедростью родственника, но и вообще отказал в уплате денег. Оскорбленные таким отношением, варяги заявили Владимиру, чтобы он показал им путь «в греки». Он охотно сделал это, спровадив в 980 г. крупный варяжский отряд в Константинополь. Характерно, что платным наемникам противостояли их обрусевшие соплеменники, влившиеся в правящие структуры Киевского государства. Из глухих свидетельств летописи явствует, что ситуация приобрела необычную остроту. Видимо, не обошлось и без столкновения. Направленные впереди варягов послы Владимира к императору предупредили его об опасности, которую представляли вооруженные варяги для города. Аналогичная ситуация возникла и в годы правления Ярослава Мудрого, отказавшего в выплате денег варяжскому отряду Эймунда, участвовавшему в отражении печенежского нападения на Киев. Скупость Ярослава отмечена в Эймундовой саге.

Эти и другие аналогичные факты указывают на то, что княжеская династия на Руси очень быстро стала славянской. Ее представители не мыслили себя вне интересов того государственного образования, во главе которого они оказались. Это справедливо и по отношению к тем скандинавам, которые поступали на службу к киевским князьям и оседали на Руси на постоянное жительство.

Некоторые из них занимали видное место в киевской государственной иерархии. Они входили в состав руских посольств, направлявшихся в годы княжения Олега (882-912) и Игоря (912-945) в Константинополь, занимали должности воевод, княжеских наместников и тысяцких.

Известны случаи передачи варяжским «мужам добрым, смысленным и храбрым» в управление (по терминологии того времени «в держание») некоторых руских городов. Так, в частности, было при Владимире Святославиче, который направил пожелавших остаться на Руси варягов наместниками в порубежные города-крепости. Во всех случаях привлечения варяжских «мужей лучших» на службу Руси нет и намека на то, что этот

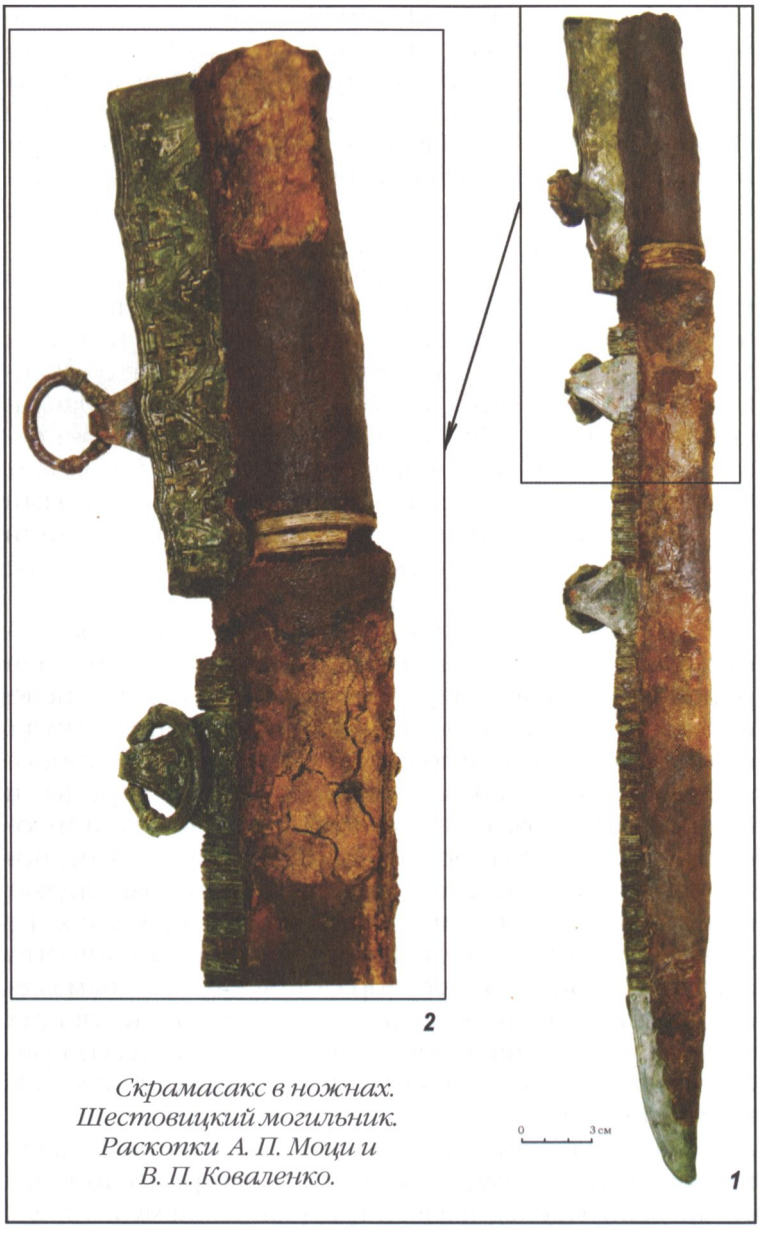

процесс направлялся и регулировался скандинавскими странами. Инициатива всегда исходила от киевских князей.

Киев и Русь связывали с балто-скандинавским регионом тесные политические отношения, которые находили свое выражение, в том числе, и в брачных связях. Ярослав женился на дочери шведского короля Олафа Скотконунга Ингигерд. В 1043 г он выдал дочь Елизавету замуж за норвежского принца Харальда Сурового. Несколько лет он прожил при дворе Ярослава в Киеве и был, как утверждал Снорри Стурлуссон, предводителем дружины, которая охраняла страну. Позже Харальд поступил на службу к византийским императорам. Брак с Елизаветой состоялся после того, как норвежский принц отказался служить Константину IX Мономаху и через Русь возвращался на родину.

Своеобразными были датско-руские связи в годы княжения Ярослава Мудрого. В литературе они, чаще всего, несправедливо оцениваются как недружественные из-за того, что политические соперники датского короля находили на Руси убежище. Среди них сыновья английского короля Эдмунда Железнобокого – Эдвин и Эдуард, Олаф Святой, потерявший норвежский престол, его сын Магнус и др. В действительности характер отношений Ярослава с северными «изгнанниками» указывает на то, что они были, по существу, политическими ссыльными. Все (кроме Олафа Святого) вернулись на родину только после смерти Кнута Великого, и ни один из них не получил военной поддержки киевского князя. Все это позволяет предположить, что между Ярославом и Кнутом Великим имелась определенная договоренность по поводу статуса политических противников датского короля.

Что лежало в основе длительных и в целом стабильно дружественных военно-политических связей Киева со странами Балтики? С уверенностью можно сказать, что главным здесь был экономический фактор. Варяги были не только отчаянные воины, но и расчетливые купцы. И, может быть, купцы прежде всего. Скандинавские торговые корабли бороздили европейские моря, заходили в далекие от родных берегов порты. Неодолимо влекли их богатые рынки Византии. Наиболее краткий, экономически

Скрамасакс в ножнах. Шестовицкий могильник. Раскопки А. П. Моци и В. П. Коваленко.

выгодный, хотя и нелегкий путь из Балтики в Константинополь пролегал через Русь.

В древнерусской летописи он получил название пути «из грек», или «Из варяг в греки». В летописи он описан с юга на север. Хорошо знали этот торговый путь и западноевропейские хронисты.

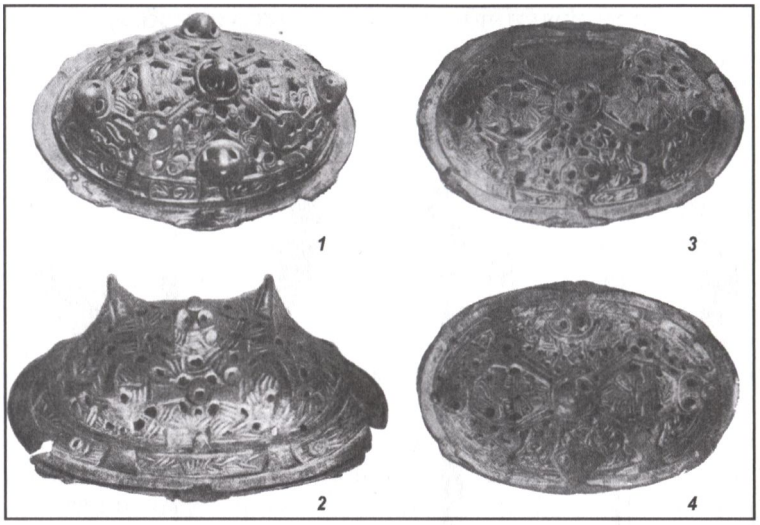
Адам Бременский около 1070 г. писал про торговый путь, который начинался в Хайнбу, проходил через Ольденбург (Старигард), Юмну (Волин), Острогард (Новгород), Киев и далее до Миклогарда (Константинополя). Начало освоения пути «Из варяг в греки» приходится на вторую половину IX в., наиболее активное функционирование – на X – начало XI вв.

Необычайно бурное развитие трансъевропейских торговых связей вызвало к жизни специфический тип поселений. Анализ письменных и археологических источников убеждает, что скандинавские – Хайдебу, Висби, Бирка, западнославянские – Старигард, Любек, Волин, Щецин, восточнославянские – Ладога, Новгород, Смоленск (Гнездово), Чернигов (Шестовицы), Киев были крупными торгово-ремесленными центрами. Все они входили в единую экономическую систему, которая не укладывалась в рамки этнических границ.

В основе этого явления лежал фактор неравномерности экономического развития различных европейских регионов, обусловленный, в том числе, и естественно-географическим разделением труда. Поначалу это содействовало вовлечению в экономические отношения Северо-Западной Европы и Прибалтики, позже – с конца VIII в. – к ним присоединились Восточнославянский и Арабский регионы. Варяги, как можно судить по монетным кладам, появились на восточноевропейских торжищах не ранее середины IX в. Наличие большого количества арабского монетного серебра, ставшего главным всеобщим эквивалентом в пределах контактирующих территорий, сыграло решающую роль в подъеме прибрежных морских и речных факторий во второй половине IX-X вв.

Главное занятие жителей этих поселений – дальняя торговля, а также связанные с ней ремесло и военное дело. Последнее в то тревожное время явилось, по существу, необходимым условием успешного развития торговых связей, и не случайно одна из распространенных категорий археологических находок при раскопках всех торгово-ремесленных центров – это предметы вооружения.

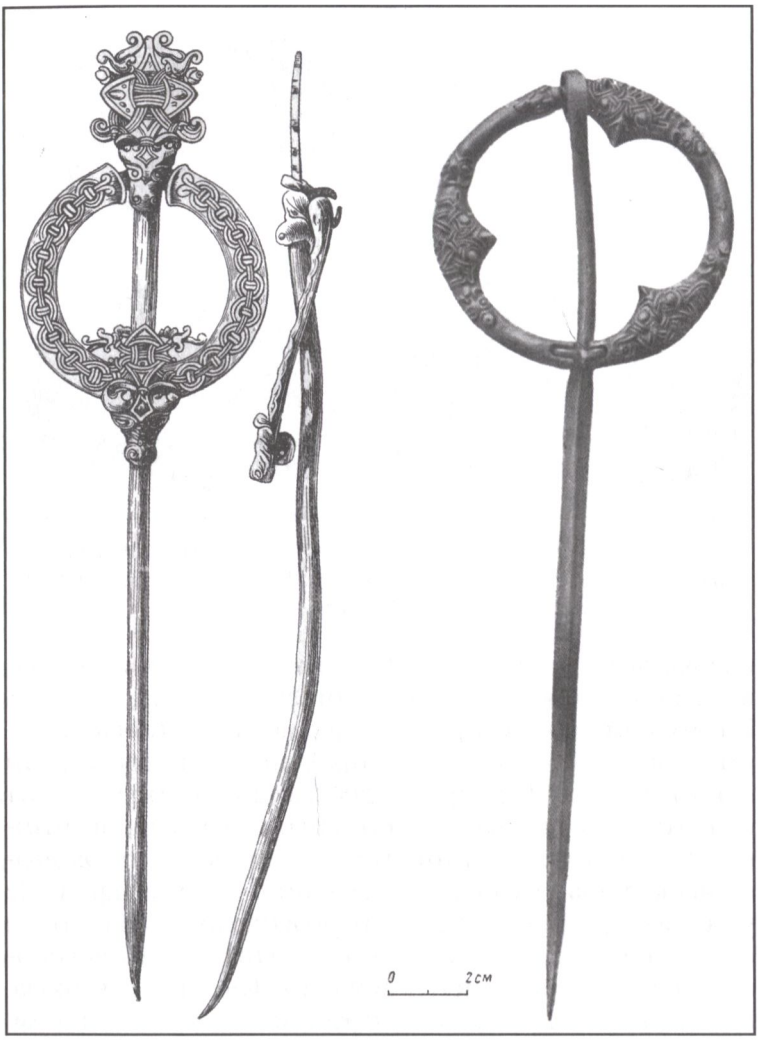
Археологические исследования раннегородских поселений показывают, что все они, наряду со

Скорлупообразные фибулы бронзовые позолоченные. Киев. 1, 2 — случайные находки; 3, 4 — из погребения 124 могильника № 2 (по М. К Каргеру).

славянскими, содержат материалы других этнографических регионов, в том числе и скандинавские. На этом основании раньше, а иногда и сейчас делаются выводы о шведском приоритете в основании этих торговых факторий. Здесь, видимо, продолжают срабатывать старые стереотипы, связывавшие инициативу формирования трансъевропейских экономических связей исключительно с норманнами. Не умаляя их роли в освоении торгового пути «Из варяг в греки», следует отметить, что удельный вес варяжского купеческого элемента в жизни Киева, Чернигова, Переяслава и других южноруских центров в целом, вероятно, соответствовал удельному весу славян в жизни балтийских торгово-ремесленных поселений Хайнбу, Бирки, на о. Готланд и др. Монополией на балто-черноморскую и арабскую торговлю не обладала ни одна из сторон, хотя историческая перспектива здесь оставалась, безусловно, за славянами. Контроль за международной торговлей в пределах славянских территорий осуществляло Киевское государство, что представляется вполне естественным.

Опознаются ли норманны на Руси археологически? На этот вопрос можно ответить утвердительно, хотя он и не такой простой, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что в IX в. – нач. XI в.

Кольцевые фибулы из Киева. 1 — бронзовая позолоченная (из погребения 116 могильника № 2); 2 — серебряная (из погребения 108 могильника № 1,). Номера погребений по М. К. Каргеру.

в Восточной Европе выработался характерный тип дружинной культуры, в котором, наряду с местными элементами, широко использовались достижения соседних регионов – Арабского Востока, Византии, Венгрии, Скандинавии. Такой международный синкретизм культуры господствующей дружинной элиты затрудняет точность этнической диагностики археологических артефактов. Нет никакой гарантии,

что погребение с типичным скандинавским набором вещей принадлежало норманну. Известно, что при посредстве ви́кингов на Русь попадали каролингские мечи, скрамасаксы, северные наконечники ножен, круглые щиты, отдельные виды копий, топоров.

Однако утверждать, что только этот набор оружия был характерен для варяжских дружин на Руси, нет оснований. С таким же успехом они могли пользоваться и местными типами оружия. В свою очередь, среди древнеруских дружинников популярным было привозное оружие. Следует иметь в виду, что и русские кузнецы изготовляли оружие по европейским или скандинавским образцам. Ярким примером такого руско-скандинавско-европейского симбиоза является меч, найденный у деревни Хвощеватой на Полтавщине (Украина). В нем – рейнская техника ковки, оригинальная композиция северного орнамента на рукояти и клеймо руского оружейника на клинке: «Людота Коваль»[1].

Аналогичные трудности возникают при этнической атрибуции киевских камерных срубных гробниц. В свое время они безоговорочно связывались со шведами. Основанием служили близкие типы погребений в Бирке. Однако при тщательном исследовании (А.-С. Грёслунд) оказалось, что в материковой Скандинавии погребений в деревянных камерах нет. Они есть в Западной Европе, в частности в Нижней Фризландии и Саксонии – Вестфалии. В Бирке камерные (но не срубные) могилы составляют, примерно, 10 % от всех раскопанных могил и выступают здесь отнюдь не местным элементом. Трупоположения в камерах, согласно А.-С. Грёслунд, демонстрируют тесную связь Бирки с Западной Европой.

Следует отметить также, что камерные срубные могилы имеют традиции в Среднем Поднепровье: в них хоронили умерших здесь в скифское и сарматское время. Отмеченные выше особенности погребального обряда не ставят под сомнение факт участия варягов в южноруской жизни IX-XI вв. Они указывают лишь на межнациональный характер этого явления. Примечательно, что процент камерных погребений на юге Руси (Киев, Шестовицы) примерно такой же, как и в

1 Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М., 1966. – Т. 1-3. (САИ: вып. Е 1-36.)

Бирке (8-10 % от общего количества исследованных погребений).

Ярким показателем присутствия скандинавов на Руси являются так называемые скорлупообразные фибулы IX-X вв. Они происходят из Южной Швеции, но широко встречаются в курганных древностях Северной и Северо-Восточной Руси. В десятках экземпляров они известны в погребениях южного Приладожья, Верхней Волги, Гнездова.

В южноруском регионе скорлупообразные фибулы встречаются реже. В Киеве за годы исследований их обнаружено не более 10 экземпляров, в Шестовицах – шесть. Топографическое распределение скандинавских фибул в Киеве следующее – четыре выявлено в могильнике на Кирилловских высотах, остальные – в районе Старокиевской горы. Ни в одном случае не отмечен камерный характер погребений. Фибулы изготовлены из серебра и бронзы с прорезными литыми наладками в виде плетенки.

Северное происхождение, несомненно, имеют и кольцевые фибулы с длинной иглой (пять экземпляров). Одна из них происходит из срубного погребения дружинника с рабыней и конем, исследованного в 1936 г. неподалеку от Десятинной церкви, другая – из аналогичного дружинного захоронения, раскопанного в 1900 г. к западу от Софийского собора. По типу они близки к фибуле, найденной в 1891 г. близ деревни Демшино Псковской губернии в составе клада с арабскими и англо-саксонскими монетами IX-XI вв. Т. Арне считал эту фибулу британским изделием, а русский археолог А. А. Спицын – скандинавской. Третья фибула с длинной иглой обнаружена в погребении дружинника на Кирилловском некрополе. Она – бронзовая, позолоченная с двумя головками лося и сложным плетенным орнаментом по кольцу. Еще одна фибула из собрания киевского коллекционера И. Хойновского представляла собой медную кольцеобразную застежку с отвороченными вверх оконечностями кольца в виде рогов лося[1]. Пятая фибула происходит из Шестовиц. Она состоит из небольшого (3,3 см) кольца и длинной (10 см) иглы, несколько сплющенной в нижней части. Аналогия этой фибуле имеется в Гнездовском могильнике[2].

---

1 Каргер М. К. Древний Киев. Т. 1. – К., 1989. – С. 189, 217-220.

2 Блифельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. – К., 1977. – С. 45.

К кругу привозных ювелирных изделий балто-скандинавского происхождения относятся, вероятно, круглые серебряные фибулы с обычной иглой (три), витые браслеты (два), близкие к готландским, а также несколько наконечников ножен меча. Что касается самих мечей, то хотя их попадание в Южную Русь могло быть связано с варягами, по происхождению они были франкскими. То же можно сказать и о скрамосаксах, которые встречены в Киеве, Чернигове и Шестовицах, а также о боевых топорах с долотовидным обушком, выявленных в Киеве, Шестовицах, Чернигове. Аналогии им имеются в материалах Приладожья, а также и в Скандинавии.

К скандинавским древностям исследователи обычно относят и стеклянные игральные шашки в виде усеченного конуса с верхом в форме полушара, широко бытовавшие в балтийском регионе. Встречаются они и в Киеве. Еще Х. Арбман на основании химического анализа полагал, что стеклянные игральные шашки происходили из прирейнских областей. Из районов нижнего течения Рейна и Эльбы поступали на Русь стеклянные геммы, эллипсоидные и кольцеобразные ребристые бусы.

В целом, балто-скандинавские вещи составляют только небольшую долю из общего числа археологических находок IX-X вв. на юге Руси. Если обратиться к археологическим комплексам торгово-ремесленных центров Балтийского поморья, то окажется, что в них примерно в таком же соотношении встречаются вещи, происходящие из Руси. Серебреники Владимира и Ярослава найдены на Готланде, в Несбю (Норвегия), на западнославянских землях; сумки кожаные с лировидными пряжками известны в Бирке; лунницы серебряные с зернью встречены на Готланде и в Норвегии; шиферные пряслица найдены в Бирке, Лунде, Сигтуне, Хайнбу. В Сигтуне и на острове Готланд зафиксированы крестики с выемчатой эмалью, глиняные расписные яички, монетные гривны...

Анализ археологических материалов показывает, что во взаимоотношениях между Русью и южноскандинавским регионом в IX – нач. XI вв. имела место определенная паритетность. Сколько-нибудь заметного влияния на различные сферы жизни друг друга стороны не оказали. Объясняется это, по-видимому, тем, что южная Скандинавия и Русь находились

примерно на одном уровне социального и историко-культурного развития. Культура Скандинавии для Руси (как, впрочем, и наоборот) не была социально престижной, а потому не могла получить заметного развития в восточнославянской среде. Вне конкуренции здесь оказалось влияние византийской культуры, которая стояла на порядок выше и руской, и скандинавской.

В заключение следует отметить, что в целом уровень руско-балто-скандинавских связей IX-XI вв. был достаточно высок. Отношения двух регионов являлись одним из существенных факторов европейского экономического, политического и культурно-исторического развития.

Глава 4

Русь и Хазария

Положение Ф. Энгельса о том, что государство является продуктом внутреннего развития общества, подтвержденное всем ходом исторического развития, практически невозможно оспорить. В большинстве случаев его и не оспаривают. Однако есть и исключение. Такое делается некоторыми историками для восточных славян. Профессор О. Прицак, обвинив летописца Нестора в необъективности и сравнив его с современным политическим пропагандистом, решительно заявил, что «новейшему историку Украины и Восточной Европы следует наконец освободиться от пристрастий автора «Повести временных лет» и не идентифицировать Русь с полянами для середины X в., а вместе с тем и проститься с концепцией славянского (полянского) происхождения Руси»[1].

В первом томе многотомной работы «Происхождение Руси» он пришел к весьма оригинальному выводу, что «идеи государственности не возникают спонтанно, но переносятся из одного региона в другой, а ее носителями и основателями государств являются купцы и воины, наиболее рано выделившиеся в профессиональные группы населения»[2].

Из последующего изложения видим, что во Францию или Германию, а также Хазарию государственность все же не была принесена, но родилась там спонтанно. А вот в среду восточных славян была, да еще сразу с двух сторон, с запада и востока. Некое торговое объединение «Русь», возникшее где-то в Галлии, как полагал О. Прицак, устремило свои интересы на восток. В это же время (около середины VII в.)

---

1 Пріцак О. Lenzen – in Констянтина Порфіородного. Universites Libera Ucrainensis. Facultas Philosophica. Studia. 67. M nchen, 1971. – S. 359.

2 Pritsak O. The Origin of Rus: v. 1. Old Skandinavian Soozces other than the Sages. Cambridge (Mass). 1981. – P. 14.

аналогичное объединение восточных купцов устремило свои интересы на запад. Два потока столкнулись на Волге и общими усилиями создали Древнеруское государство. Изначально оно состояло из двух частей, северной, где хозяевами положения были венедские и готские кланы, и южной, где господствовали авары, болгары, хазары.

А где же славяне? Их, как будто, и вовсе не было. Когда-то О. Прицак прилагал максимум усилий, чтобы доказать ошибочность концепции славянского происхождения Руси, теперь же аналогичная участь постигла и полян. Они, оказывается, тоже не славяне, но хазары[1].

Логика его рассуждений предельно проста. Название «поляне» показывает, что оно понималось в Древней Руси как связанное с аппелятивом «поле». А поскольку в районе Киева, как утверждает О. Прицак, полей нет, только одни горы и леса, то можно предположить, что поляне до прихода на берега Днепра жили в степях к востоку от него. Почему к востоку, а не к западу? Ведь там тоже имеются поля, в том числе и знаменитое Перепетово поле, которое начиналось в каких-нибудь сорока километрах южнее Киева. Да потому, что Хазария-то располагалась к востоку от Днепра.

Других письменных источников для решения вопроса, кто такие поляне и откуда они пришли, кроме «Повести временных лет», нет. И не случайно, именно ее свидетельства привлекаются О. Прицаком для обоснования своего вывода. При этом, выборочно, а те, которые не вписывались в его схему, объяснены вымыслом редактора летописи. О. Прицаку импонировало, что в двух случаях поляне названы в одной группе с северянами и вятичами, из чего он сделал вывод, что они были левобережными южными соседями северян и вятичей, то есть хазарами[2].

Строить столь ответственный исторический вывод на основании простого летописного соседства племени полян с другими восточнославянскими группами, по меньшей мере, несерьезно. К тому же следует сказать, что поляне значительно чаще выступают

1 Подробнее об этом сказано в статье «Русь и Хазария».

2 Мысль о том, что поляне, северяне, радимичи и вятичи составляли одну «хазарскую группу» впервые высказал В. А. Пархоменко. См.: Пархоменко В. А. У истоков русской государственности (VIII-XI вв.). – Л., 1924. – С. 13, 41, 59.

соседями древлян и северян, а вовсе не вятичей. Более того, летописец в ряде мест совершенно четко объединяет полян и древлян в одну группу, противопоставляя ее другой, которую составляли радимичи и вятичи. «Поляномъ же жиущемъ особѣ, яко же рекохомъ, сущимъ от рода словѣньска, и нарекошася поляне, а древлѣне от словѣнъ же, и нарекошася древляне; радимичи бо и вятичи от ляховъ»[1].

Близкие известия находятся и в других местах летописи. «Тако же и ти словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане сѣдоша в лѣсѣх»[2]. В статье 885 г., рассказывающей о победе Олега над радимичами, содержится следующая сентенция. «И бѣ обладая Олегъ поляны, и древляны, и сѣверяны, и радимичи, а с уличи и тѣверци имяше рать»[3].

Таким образом, в летописи значительно больше свидетельств, указывающих на непосредственное соседство полян с древлянами и северянами. И все они совершенно определенно указывают на их славянство. «Аще и поляне звахуся, но словеньскаа рѣчь бѣ. Полями же прозвани быша, зане в поли сѣдяху, а язык словенски единъ»[4].

О. Прицак не стал объявлять и это утверждение летописца вымыслом, но следуя своему предубеждению о хазарстве полян, неожиданно пришел к выводу, что кроме полян, говоривших на славянском языке, были также и поляне, которые не говорили по-славянски. На чем основано это предположение, неизвестно. Летописец не дает для него никаких данных. Наоборот, он рассматривает полян в ряду тех славян, которые сидели на Дунае, а затем расселились на иные земли. «Бѣ единъ языкъ славѣнескъ: словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви, их же прияша угри, и морава, и чеси, и ляхове, и поляне, яже нынѣ зовомая Русь»[5].

Еще более решительно разобрался О. Прицак с хазарской данью полян. Действительно, если поляне были хазарами, то как-то нелогично, чтобы они платили дань хазарам же. А раз так, то дани этой и вовсе не было; все это позднейшее сочинение редактора

---

1 Повесть временных лет. Ч. 1. – М.-Л., 1950. – С. 14.
2 Там же. – С. 11.
3 Там же. – С. 20-21.
4 Там же. – С. 23.
5 Там же. – С. 21.

«Повести временных лет». Вот только не объяснил О. Прицак зачем славянину, потомку древних полян, понадобилось возводить на бедных хазар такую напраслину, а заодно и выставлять в не очень привлекательном свете своих далеких предков.

О хазарской дани полян в летописи говорится трижды: в недатированной части «Повести временных лет» и в статьях 859-го и 862 гг. Проанализируем эти сообщения и посмотрим, дают ли они основания для обвинения летописца в вымысле.

Текст из недатированной части. «По сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братьѣ сея (Кия, Щека и Хорива – *П. Т.*) быша обидимы древлями и инѣми околными. И наидоша я козарѣ, сѣдящая на горах сихъ и лѣсѣхъ, и рѣша козари: «Платите намъ дань». Съдумавше же поляне и вдаша от дыма мечь, и несоша козари ко князю своему и къ старѣйшинымъ своимъ».[1] Старейшины нашли эту дань недобрым предзнаменованием, указывающим на то, что придет время, и не поляне хазарам, а наоборот, хазары полянам будут платить дань. Так оно и случилось, подытожил статью летописец.

Обычно этот текст, как и все введение в Повесть временных лет, связывается с именем Нестора. Разумеется, он имел к нему отношение, но не как летописец-создатель, а как сводчик и редактор записей своих предшественников. Рассказ о хазарской дани полян появился значительно раньше летописной деятельности Нестора. Об этом со всей очевидностью говорит окончание цитированного выше известия. «Тако и си владѣша, а послѣже самѣми владѣють; яко же и бысть: володѣють бо козары русьскии князи и до днешнего дне»[2]. Конечно же, «днешний день» – это не конец XI в. – начало XII в.

Утратив свои позиции на Волге под ударами дружин Святослава и Владимира, хазары скоро исчезают со страниц не только как политическое образование, но и как народ. На смену им пришли печенеги, а затем и половцы, которые окончательно ассимилировали хазар[3]. С половцами Русь вела напряженную борьбу, но нельзя сказать, что руские князья владели ими. Даже если речь идет о хазарах тмутараканских,

---

1 Там же. – С. 16.
2 Там же. – С. 17.
3 Артамонов М. И. История хазар. – Л., 1962. – С. 445.

Полянская дань хазарам: «И вдаша отъ дыма мечь». Миниатюра Радзивиловской летописи.

то и в этом случае выражение **«володеютъ»** не могло относиться ко времени Нестора, которое следует рассматривать скорее как закат власти Руси над далекой Тмутараканью. Вполне возможно, что запись эта появилась в 60-е годы XI в. и принадлежит монаху Печерского монастыря Никону, который некоторое время проживал в Тмутаракани. Не исключено и более раннее ее появление (например, время Мстислава Тмутараканского и Ярослава Мудрого).

Но что же смутило О. Прицака в самой статье? Оказывается, мечи, которые поляне преподнесли в качестве дани хазарам. Согласно ему, это не полянская, но руская традиция. Меч, судя по данным арабских географов, играл важную роль среди русов. Совершенно верно: среди русов и среди славян, но не среди хазар, оружием которых была сабля. Если бы поляне киевские были хазарами, то должны были дать в качестве символической дани саблю, а не меч.

Статья 859 г. «Въ лѣто 6367. Имаху дань варязи изъ заморья на чуди и на словѣнех, на мери и на всѣхъ, кривичѣхъ. А козари имаху на полянѣх, и на сѣверѣх, и на вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣвериць от дыма»[1]. Здесь О. Прицаку кажется подозрительным упоминание в качестве дани беличьих шкурок. Почему? Да потому, что эти животные не водились в Южной Европе. Трудно, конечно, поручиться за достоверность данного утверждения по отношению к Южной Европе, но что оно не имеет никакого отношения к рассматриваемому летописному известию,

1 ПВЛ. Ч. 1. – С. 18.

это совершенно точно. Поляне, северяне и вятичи проживали ведь в Восточной Европе, к тому же в ее лесостепной и полеской зонах, где белки водятся, говоря словами летописца, и до «сего дня».

Статья 862 г. «Они же рѣша: Была суть 3 братья, Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокъ сь, и изгибоша, и мы сѣдимъ родъ ихъ, платяче дань козаромъ». Так ответили киевляне на вопрос приплывших к Киеву Аскольду и Диру, «чий се градокъ?». Из контекста ответа совершенно ясно, что киевляне 60-х годов IX в. рассматривали себя наследниками рода Кия, попавшими в данническую зависимость от хазар.

О. Прицак считал версию, находящуюся в Ипатьевской летописи, недостоверной и противопоставлял ей статью Лаврентьевской летописи. В ней говорится: «И мы сѣдимъ, платяче дань родомъ их, Козаромь»[1]. Единственный аргумент в пользу большей достоверности известия Лаврентьевской летописи – ее более ранняя редакция. Если бы речь шла о редакциях древнеруского периода, такое утверждение имело бы смысл. Но и Лаврентьевский, и Ипатьевский летописные своды составлены в позднесредневековое время, и нет гарантии, что сводчик XIV в. располагал более древним и достоверным протографом, чем сводчик XV в. К тому же статья Ипатьевской летописи находит близкие аналогии в других летописных списках, а статья Лаврентьевской – нет. Читая ее, нетрудно убедиться, что она подверглась сильному редактированию, исказившему ее смысл.

Если согласиться с О. Прицаком и поверить в истинность утверждения статьи Лаврентьевского свода, тогда окажется, что киевляне по отношению к Кию и его роду совершенно чуждое население. Это туземцы, платящие дань хазарам. И непонятно, отчего это так воодушевляло О. Прицака. Ведь статья в такой редакции разрушает его собственный вывод об основании Киева хазарами.

Согласовать показания внутренне противоречивой статьи Лаврентьевской летописи нет возможности, да, собственно, и большой необходимости. Исследователи летописей уже давно пришли к выводу, что правильное ее чтение находится в Ипатьевской

---

1 Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. – М., 1962. – Стб. 21.

летописи. А. А. Шахматов предложил следующую уточненную редакцию этой статьи: «А мы сидим, род их, и платим дань козарам».

Надо сказать, что в факте даннической зависимости полян от хазар сомневался раньше и Б. А. Рыбаков. Правда, не по причине их хазарского происхождения, а потому, что эта зависимость не отмечена ни в одном сочинении арабских авторов IX-X вв. Вместе с тем, он не исключал того, что при своем появлении в степях хазары в VIII в. могли временно «примучить» пограничные славянские поселения северян на Северском Донце или вятичей в районе Воронежа[1].

Подводя краткий итог сюжету о хазарской дани полян, приходится признать, что несмотря на попытки поставить под сомнение сведения «Повести временных лет», они в целом верно отражают исторические реалии. Ни к полянам, ни к Киеву хазары не имели другого отношения, кроме того, что на определенном этапе истории, по-видимому во второй половине VIII в., распространили на них даннические зависимость.

Но если поляне не славяне, а хазары, тогда, по логике О. Прицака, хазарским был и основанный ими город Киев. В обосновании этого тезиса у него появились и верные последователи. Один из них, М. Гольдельман, в обширной энциклопедической статье «Хазары», помещенной в «Краткой еврейской энциклопедии о хазарах», утверждает, что согласно «распространенному в исторической науке мнению, Киев был основан около 830 г. как хазарский торговый центр».

Такое впечатление, что М. Гольдельману посчастливилось обнаружить закладной камень столицы Руси с такой датой или декретную грамоту хазарского кагана. Однако, если бы он потрудился уточнить степень распространенности такого мнения в наше время, то ему пришлось бы ограничиться фактически двумя авторами, написавшими одну работу. Речь идет о Н. Голбе и О. Прицаке, которые издали монографию «Хазаро-еврейские документы X в.»[2] Она и

---

1 Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси//СА. № 18. – М., 1953. – С. 135.

2 Впервые книга увидела свет в 1982 г. на английском языке. В 1997 г. она была переиздана в России на русском языке в еврейском издательстве «Гешарим». Норман Голб и Омельян Прицак. Хазаро-еврейские документы X в. Научная редакция, послесловие и комментарии В. Я. Петрухина. – Москва. – Иерусалим. 1997.

послужила источником патриотического вдохновения М. Гольдельмана, хотя и не подвигла его на собственные археологические или исторические искания.

Ознакомившись в свое время с книгой названных авторов, я обратил внимание на ряд ее экстравагантных выводов, далеко выходящих за пределы источниковедческих возможностей так называемого киевского еврейского письма. Очевидная несостоятельность многих утверждений, казалось, избавляла научную общественность от серьезного и развернутого критического их анализа[1]. Однако, после того, как выводы Н. Голба и О. Прицака неожиданно обрели «хрестоматийную» непреложность, нельзя больше относиться к ним, как к некоему филологическому откровению.

Главным источником вдохновения О. Прицака о Киеве как хазарском городе на Днепре явилось письмо, написанное хазарским евреем в Киеве в начале X в. В нем содержатся хазарские личные имена. Даже если согласиться с его подлинностью (в чем нет полной уверенности) и с тем, что написано оно в Киеве в первые десятилетия X в., то максимум, на что уполномочивает оно добросовестного исследователя, это на утверждение о наличии в Киеве в это время иудейской хазарской общины, вероятно торговой колонии. Ничего нового, а тем более сенсационного в письме не содержится. О том, что в раннем Киеве была хазарская колония, известно из «Повести временных лет». В ней упоминается урочище «Козары». Подтверждает хазарское присутствие в Киеве и археологический материал, правда, очень незначительный[2].

Но ведь ничего необычного в этом нет. Для средневековья эти явления ординарные, на что обращал внимание Г. Г. Литаврин. Аварские могилы и вещи найдены на Пелопоннесе, кварталы евреев и арабов существовали в IX-XI вв. в Константинополе[3].

---

1 Небольшой комментарий отдельных высказываний О. Прицака был помещен мной в статье: П. П. Толочко. Спорные вопросы ранней истории Руси//Славяне и Русь (в зарубежной историографии): Сб. – К., 1990. – С. 104-108.

2 Каргер М. К. Древний Киев. Т.1. М.-Л., 1958. – С. 92-104; Толочко П. П. Древний Киев. – К., 1983. – С.18-33.

3 Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. – СПб., 2000. – С. 19.

Костяная пластинка из Белой Вежи (хазарского Саркела) с княжеским знаком Святослава Игоревича.

Киевское письмо не указывает на большую хазаро-иудейскую общину Киева. Она оказалась неспособной собрать 40 монет среди киевских соплеменников, чтобы вызволить из долговой зависимости от неверного (очевидно, славянина) своего товарища и вынуждена была обращаться за финансовой помощью за пределы Руси.

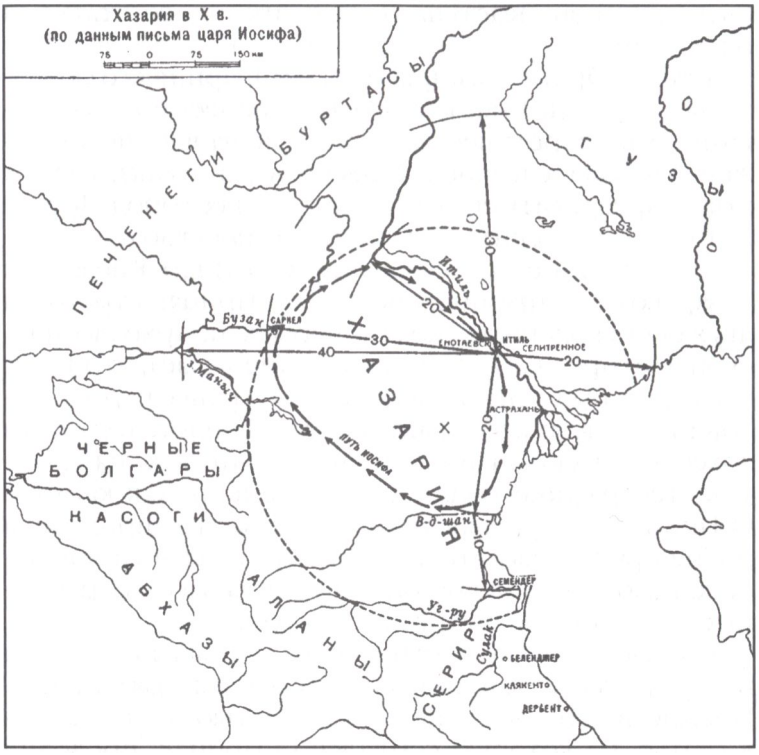
В. Я. Петрухин в одном из примечаний к книге Н. Голба и О. Прицака резонно замечает, что в самом письме не содержится каких-либо свидетельств о хазарском господстве: скорее, зависимость членов еврейской общины от иноверцев свидетельствует, напротив, о господстве в Киеве руских князей, понимая под ними, правда, не славян, но норманнов[1].

Прозаическое объяснение присутствия в славянском Киеве начала X в. хазарских иудеев показалось неинтересным Н. Голбу и О. Прицаку, и они изобретают сложную конструкцию хазарского приоритета в его основании и ранней истории.

Приведем несколько наиболее характерных утверждений названных авторов. Н. Голб: «В соответствии с широко распространенным взглядом, Киев был основан хазарами в VIII веке»[2]. В справочной отсылке приведена «Jewish Encyclopaedia», vol.7 (New York, 1904), а также работа Г. Вернадского «Ancient Russia» (New Haven, 1943). Вряд ли очень убедительное

1 См. Комментарии. Примечание. //Голб Н., Прицак О. Хазаро-еврейские документы. – С. 96-217.

2 Петров В. П. Про першопочатки Киева. (До 1100-річчя першої літописної згадки про Київ)//Український історичний журнал. 1962. № 3. – С. 14-21.

Хазария в X в. По М. И. Артамонову.

подтверждение широкой распространенности взглядов о хазарском Киеве.

О. Прицак: «Общеизвестно, что Киев управлялся хазарами до того, как был завоеван Русью». «Общеизвестность» исторического факта, как казалось О. Прицаку, всеобще избавляла его от какого-либо обоснования своего утверждения и ссылок на предшественников.

Утверждая с особым энтузиазмом хазаро-иудейское основание Киева, названные выше авторы несколько расходятся в определении его времени. По Н. Голбу – это конец VIII в. О. Прицак дает две даты: сначала уверяет, что Киев был построен не ранее первой половины IX в., затем относит это событие к VIII в. М. Гольдельману почему-то приглянулась точная дата – 830 г., неизвестно откуда почерпнутая. В письменных источниках ее нет.

Содержание книги Н. Голба и О. Прицака убеждает, что идеологом хазаро-иудейского основания Киева

был О. Прицак, выступавший и прежде со статьями на эту тему.

Теперь обратимся к аргументам О. Прицака о строительстве города Киева хазарами не ранее первой половины IX в. Теоретически такой вариант вполне возможен. Завоевав славянский населенный пункт, хазары могли превратить его в крепость и даже город. Другое дело, есть ли убедительные данные для этого.

Свое путаное повествование о раннем Киеве, как хазарском гарнизонном центре, О. Прицак строит на двух основных посылках. Во-первых, на археологической. Цитируя В. П. Петрова, он утверждает, что Киев, как город, был основан на Днепре не ранее первой половины IX в., и этот факт якобы засвидетельствован археологическими раскопками. Во-вторых, на политико-географической. К этому времени, как кажется О. Прицаку, хазарская граница на западе проходила по Днепру, и следовательно, Хазария с неизбежной необходимостью должна была строить здесь порубежные гарнизонные и торговые городки.

Что касается археологического аргумента, то он на поверку оказывается совершенно несостоятельным. Прежде всего, своей некорректностью. В. П. Петров в статье, на которую ссылался О. Прицак, проводил мысль о непрерывном существовании Киева с рубежа старой и новой эр. На этапе VI-IX вв. он представлял собой племенной славянский центр, а затем, уже в X в., превратился в стольный город Древнеруского государства[1]. Об основании Киева в первой половине IX в., к тому же подтвержденной археологическими раскопками, В. П. Петров просто не писал.

Еще менее убедителен «пограничный» аргумент. Разумеется, у О. Прицака нет данных о том, что западная граница Хазарии проходила по Днепру. Но даже если бы они и были, это ничего не подтверждает. Киев ведь возник не на «хазарском», а на славянском берегу и, таким образом, является скорее порубежной крепостью славян. Собственно, именно такой и была его роль по отношению к кочевникам степей на протяжении всей его средневековой истории[2].

---

1 Петров В. П. Про першопочатки Києва. (До 1100-річчя першої літописної згадки про Київ) // Український історичний журнал. – 1962. – №3. – С. 14-21.

2 Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. – К., 1999.

Известия о строительстве крепости Саркел на Дону в 834 г. византийскими инженерами натолкнули О. Прицака на мысль, что, наверное, в это же время или немного позднее был укреплен и Киев[1]. Подтверждается это якобы тем, что реальное киевское укрепление (около Берестова) названо «Угорским». Это наименование, очевидно, происходит от находившегося там оногурского гарнизона[2].

Приведенное утверждение вызывает, по меньшей мере, недоумение. Автор не обнаружил здесь знаний не только киевской археологии, но также и исторической топографии. Урочище Угорское отстоит от центральной части древнего Киева почти на 3 км и было его дальней околицей даже в период расцвета города. И если Угорское – это и есть Киев IX в., то как тогда именовалась крепость на Старокиевской горе, которая действительно существовала? Археологические материалы, которые бы давали возможность предположить наличие в IX в. в означенном урочище хазарского гарнизона, также не обнаружены.

Обосновывая собственную идею построения Киева хазарами, О. Прицак утверждал, что он имеет типичную центральноазиатскую модель: (1) цитадель, гора; (2) внутренний город, Копырев конец; и (3) пригород, Подол. Археологические данные свидетельствуют, что Киевская цитадель существовала с VIII в. по XI в., внутренний город появился к началу X в., а пригород Подол начинает существовать по крайней мере в начале X в.[3]

Здесь, что ни утверждение, то откровение, обусловленное незнанием исторической топографии и археологической хронологии. Копырев конец никак не может претендовать на внутренний город, поскольку находился на расстоянии одного километра от киевского детинца, а между ними еще располагался кромный град, вошедший в литературу под названием «города» Ярослава. Не был пригородом и Подол, в действительности игравший роль киевского торгово-ремесленного посада и, по существу, примыкавший к детинцу.

---

1 Голб Н., Прицак О. Хазаро-еврейские документы. – С. 70.
2 Там же. – С. 71.
3 Там же. – С. 77-78.

Построение Киева хазарами по центральноазиатской модели предполагало бы практическую одновременность его структурных частей, однако сам же О. Прицак выстраивает последовательное их появление. Правда, при этом не особенно заботясь точностью хронологических справок и даже не сообразуясь с собственными утверждениями. Заявив в начале исследования, что Киев не мог быть построен ранее первой половины IX в., он затем пришел к выводу о существовании киевской цитадели уже с VIII в.

Копырев конец, как городской район, сложился не в начале X в., а, скорее, в конце его, а, может быть, и в начале XI в. Что касается Подола, то новые археологические раскопки позволяют предполагать его практическую одновременность с поселением на Старокиевской горе. В IX – начале X вв. Подол имел уже срубную усадебную застройку, что подтверждается дендродатами ряда построек: 887 г., 900 г., 901 г., 903 г. [1]

Конечно, никакой центральноазиатской модели в Киеве не было. Он возникал и развивался как типичный славянский центр – сперва административно-политический, а затем и торгово-ремесленный.

Еще одним важным аргументом в пользу хазарского Киева, как считал О. Прицак, есть название «Копырев конец». Произошло оно якобы от общеизвестных в хазарском государстве этнонимов Säbär (Савар) и Kabar (Кавар) и является убедительным свидетельством того факта, что внутренний город Киева (шахристан) первоначально был заселен хазарскими каварами (капырами)[2]. Упоминание в летописи в XII в. «жидов» позволило О. Прицаку прийти к еще целому ряду ответственных выводов. Оказывается, киевские кавары (копыры) исповедовали иудаизм, а Киев, таким образом, через них также имел связь этой религией[3].

Трудно судить, сколь убедительны этимологические разыскания О. Прицака, однако историку они представляются крайне недостаточными для вывода о заселенности Копырева конца хазарскими иудеями – копырами. Нужны археологические материалы, которые бы их подтвердили. Это понимал и О. Прицак, полагавший, что серьезные

---

1 Сагайдак. Дендрохронология древнего Киева // Новое в археологии Киева. К., 1981. – С. 449-450.

2 Голб Н., Прицак О. – С. 78-79.

3 Там же. – С. 79.

археологические исследования могут привести к нахождению здесь остатков еврейских религиозных сооружений.

В последние десятилетия Копырев конец неоднократно подвергался стационарным раскопкам, но они так и не оправдали надежд О. Прицака. Здесь найдены археологические слои VI-VII вв. с типичной славянской керамикой, а также древнеруские – конца X-XIII вв. Аналогичные материалы обнаруживаются и во время охранных работ при прокладке различных подземных коммуникаций. И нигде на всей 40-гектарной площади древнего Копыревого конца не выявлено ни одного объекта или предмета салтовского культурного облика. Стоит ли говорить, что без этого разговоры о хазаро-иудейском Копыревом конце древнего Киева ничего не стоят.

Наиболее убедительным доводом хазарскости Киева, как полагал О. Прицак, является его название. Появилось оно незадолго до конца IX в. и происходит от собственного имени хазарского визиря Куйа[1]. Источники ничего не говорят об этом визире, а тем более о строительстве им Киева, но О. Прицак восполняет этот недочет собственными умозаключениями. В 30-40-е годы X в., когда ал-Масуди составлял свой труд, хазарским визиром был Ахмад бен Куйа. Поскольку в кочевых империях должности министров были наследственными, то можно предположить, что Куйа был предшественником Ахмада. На основании этого предположения строится следующее: «Именно Куйа укрепил крепость в Берестове и разместил там оногурский гарнизон».

Далее: «Ничто не мешает нам полагать, что хорезмиец Куйа, послуживший прототипом Кия летописей, и был основателем (или строителем) Киевской крепости»[2]. Таким образом, О. Прицак предлагает уже третью дату основания Киева – конец IX в.

Пользуясь стилем О. Прицака, можно заметить, что если ему «ничто не мешало полагать», то такое же «ничто» не позволяло и фантазировать. Источники зафиксировали строительство Саркела в 834 г., от чего же тогда они ни одним словом не обмолвились о строительстве Киева? Крепости на Берестове, где

1 Голб Н., Прицак О. – С. 75.
2 Там же. – С. 77.

будто бы Куйа разместил оногурский гарнизон, не существовало в природе. Наверное, будь Киев построен хазарами, а тем более хорезмийцами, в конце IX в., это событие не осталось бы незамеченным восточными авторами. Они же все согласно говорят о Киеве IX-X вв., как о городе славян и Руси, но не хазар.

Можно было бы продолжить обсуждение эпатажных построений О. Прицака о хазаро-иудейском Киеве, если бы не было киевской археологии. Она делает такое обсуждение излишним. Добытые почти 200-летними раскопками материалы убедительно демонстрируют принадлежность киевских древностей VI-X вв. к кругу славяно-руских. Можно дискутировать, когда Киев обретает статус городского средоточия, однако спор о его культурно-исторической принадлежности просто бессмысленен.

О. Прицак, а вслед за ним Ч. Балинт и другие исследователи, утверждали, что западная граница Хазарского каганата проходила по Днепру и Южному Бугу. Сколько-нибудь убедительных доказательств в пользу подобных утверждений нет. Судя по сведениям древнеруской летописи, к этим рубежам, возможно, простиралась лишь временная хазарская юрисдикция, заключавшаяся в сборе дани из некоторых восточнославянских племен.

Такой вывод можно сделать из содержания письма кагана Иосифа, адресованного Хасдаю Ибн Шапруту. Согласно ему, вятичи и северяне, именуемые соответственно «в-н-н-тит» и «с-в-р», живут недалеко от реки Атиль (Волги) на открытой местности и в укрепленных стенами городах, служат кагану и платят ему дань.

Некоторые исследователи полагали, что это свидетельство является выдумкой Иосифа, призванной создать о своем государстве как можно более сильное впечатление. Но ведь практически то же самое сообщается в руской летописи. Другое дело, когда это было – во времена Иосифа или значительно раньше.

На этот счет нет единого мнения и среди исследователей. Наиболее реалистичным представляется предположение М. С. Грушевского, считавшего, что летописные сведения о подчинении некоторых восточнославянских племен хазарам относятся,

скорее всего, к VII в. – первой половине VIII в[1]. Согласно М. И. Артамонову, левобережные славяне действительно находились под властью хазар, но уже в конце VIII в. – начале IX в. часть их, а именно – поляне, освободилась от хазарской зависимости[2]. Для Б. А. Рыбакова выплата славянами дани была своеобразной «проездной пошлиной»[3].

Определенные данные о руско-хазарских отношениях в X в. содержатся в Кембриджском документе конца XI в. – начале XII в. Согласно ему, руские были одной из трех (еще Хазария и Византия) противоборствующих сил, чьи интересы сталкивалась в Каспийско-Кавказском регионе. Как можно заключить из сообщения царя Иосифа, важнейшей задачей Хазарии было не пропускать корабли русов в устье Волги, и далее, в Каспийское море. В одном из сражений в устье Волги руские, согласно сведениям ал Масуди, потеряли около 30 тыс. человек.

А. П. Новосельцев считал, что число жертв сильно преувеличено, но суть здесь в самом факте столкновения Руси и Хазарии. В 943-944 гг. русы осуществили успешный поход в Закавказье. По М. И. Артамонову, они прошли с Дона на Волгу, а оттуда – в Каспийское море, и этот путь им «услужливо» открыли хазары[4]. По мнению А. П. Новосельцева, Хазария в 40-е годы X в. была уже не в силах помешать проходу руских судов[5].

К 50-м годам X в. Хазария превратилась во второстепенное государство, не способное удержать в сфере своего политического влияния огромные территории. Одно за другим отпадали от нее прежние владения. Вскоре дошла очередь и до вятичей. Два похода Святослава (один на Хазарию в 965 г. и второй на вятичей в следующем) привели к тому, что это восточнославянское племенное объединение стало данником Руси. Летописное сообщение о победе Святослава над хазарами во главе с каганом, овладение Саркелом, о победах над ясами и косогами не содержит указания на полный разгром Хазарии, но определенно

---

1 Грушевський М. С. Історія України-Руси. – К., 1913. – Т. 1. – С. 395.

2 Артамонов М. И. История хазар. – С. 10, 37.

3 Рыбаков Б. А. Мир истории. – М., 1984. – С. 120.

4 Артамонов М. И. История хазар. – С. 381.

5 Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990. – С. 113.

свидетельствует о значительности нанесенного ей урона. В результате, Русь овладела Волго-Окским междуречьем, вышла к Дону и закрепилась на Таманском полуострове. Судя по сообщениям Ибн Хаукаля и ал Мукаддаси, Святослав осуществил в 968-969 гг. еще один поход на Хазарию, в результате которого овладел ее столицей городом Атиль и окончательно подорвал ее жизнеспособность.

В свое время в историко-археологической литературе развернулась острая дискуссия о месте Хазарии в историческом развитии ранней Руси. В. О. Ключевский видел в хазарском господстве над славянами благо, поскольку «послушные данники хазар» получили возможность, под их покровительством, торговать с Востоком[1]. В наше время эту мысль поддержал В. Я. Петрухин, полагающий, что хазарское господство в целом способствовало хозяйственному развитию восточных славян, особенно в районе Киева и Черниговского Левобережья[2]. По мнению М. И. Артамонова, Хазарское государство являлось важнейшим условием образования Киевской Руси, учитывая значительное влияние на соседние славянские племена населения, оставившего салтовскую археологическую культуру. Область ее распространения он считал возможным называть «Северо-Западной Хазарией»[3]. В пользу своего вывода М. И. Артамонов приводил наличие в Киеве урочища «Козары», а также древнее имя Киева, сохраненное у Константина Багрянородного в форме «Самбат», которое, как предполагали некоторые историки, имеет хазарское происхождение[4].

Исключительно важной представлялась роль Хазарского каганата в истории древней Руси и В. В. Мавродину. Ее положительное значение заключалось, прежде всего, в том, что она будучи «державой мира» на два века закрыла «ворота народов», прекратив или, во всяком случае, ослабив натиск кочевых орд

---

1 Ключевский В. И. Курс русской истории. Ч. 1. Пгр., 1918. – С. 147-153.

2 Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX-X вв. – М., 1995. – С. 113.

3 Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. – Л., 1936. (Из Предисловия.)

4 Артамонов М. И. История хазар. – С. 295; Лященко А. Киев и Sambatas у Константина Багрянородного//Доклады АН СССР. 1930. № 4. – С. 66-67.

на оседлое население лесостепной полосы, а также связала руские племена с Востоком. Разгром Хазарии Святославом он рассматривал как ошибку, которая вскоре сказалась на самом Киеве, ставшем объектом нападения печенегов[1]. Б. А. Рыбаков не разделял мнение об особой охранительной роли хазар по отношению к славянам и Руси. Ее города-крепости не защищали степную полосу шириной в 300 км, которой, еще до разгрома Хазарского каганата, прошли на запад болгары и угры[2].

Видимо, в исторической литературе роль Хазарии, как своеобразного щита между кочевым миром и восточными славянами, действительно сильно преувеличена. Но ее место в истории Руси определяется не только этим. В большей мере влиянием на культурные процессы ранней Руси. Хазария ведь была одной из крупных и развитых стран, в сферу жизнедеятельности которой были вовлечены восточнославянские племена северян и полян, ставшие этнической основой Руси.

Косвенно вынужден был признать это и Б. А. Рыбаков, заявивший, что сложение «Русского государства в IX в. позволило великому киевскому князю закрепить за собой титул «каган» и тем самым поставить Русь на равную ногу не только с Хазарией, но и с Византией»[3]. В реальной жизни ситуация выглядела не столь торжественно. И титул «кагана» киевские князья не закрепили за собой, и вровень с Хазарией Русь не стала. Даже и после победоносного похода Олега на Константинополь в дипломатическом представлении византийского двора Русь оставалась ступенькой ниже. К хазарскому кагану императоры обращались как к равному себе, тогда как руского князя называли архонтом.

«Во имя отца и сына и святаго духа, единого истинного бога, Константин и Роман, верные в боге римские императоры, наиблагороднейшему и славнейшему Кагану Хазарии». К этому посланию привешивалась печать стоимостью три золотых солида. «Грамота Константина и Романа христолюбивых

1 Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. – Л., 1945. – С. 177-178, 266-267.

2 Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси//СА. № 18. М., 1953. – С. 131.

3 Рыбаков Б. А. К вопросу... – С. 135.

императоров римских к архонту России». К грамоте привешивалась печать стоимостью два солида.

Из сказанного выше определенно следует, что никакого закрепления за рускими князьями титула «каган» не произошло, ни в IX, ни в X вв. Правда, это не мешало киевским князьям проводить по отношению к Хазарии активную наступательную политику. Определенно, уже ко времени князей Аскольда и Дира от хазарской даннической зависимости были освобождены поляне. М. И. Артамонов предполагал, что это случилось уже в конце VIII – начале IX вв., когда вокруг Киева начало складываться самостоятельное государство[1]. В правление Олега то же самое произошло с северянами и радимичами. Об этом убедительно свидетельствует летописная статья 884 г. «В лѣто 6392. Иде Олегъ на сѣверяне, и побѣди сѣверяны, и възложи на нь дань легъку и не дасть им козаромъ дани платити»[2]. В следующем году Олег освободил от хазарской дани и радимичей. «В лѣто 6393. Посла къ радимичемь, рька: «Кому дань даете?» Они же рѣша: «Козаромъ». И рече Олегъ: «Не дайте козаромъ, но мнѣ дайте». И вдаша по шелягу, яко же и козаромъ даяну»[3].

О каком-либо сопротивлении хазар киевскому наступлению в источниках не говорится. Скорее всего, его и не было. Как полагали многие исследователи, окончательное преобладание Руси над Хазарией определилось после победоносных походов Олега на Византию в 907-м и 911 годах. Из глухих сообщений письменных источников можно сделать заключение, что большую часть X в. руско-хазарские отношения носили союзный характер. Масуди сообщает, что русь и славяне составляли войско и прислугу хазарского кагана[4]. Имеются также сведения об участии хазар в руских военных экспедициях. В частности, в походе 943 г. на Каспий, в котором, по утверждению Масуди, были и иудеи-хазары, а также в походе Игоря на Византию 944 г. В рассказе о клятве руских верности договору с греками отмечено, что «Хрестьяную Русь водиша ротѣ в церкви святаго Ильи, яже есть надъ Ручаемъ, конець Пасынъчѣ бесѣды: се бо бѣ сборная церки, мнози бо бѣша варязи хрестеяни и козарѣ»[5].

---

1 Артамонов М. И. История хазар. – С. 365.
2 ПВЛ. Ч. 1. – С. 20.
3 Там же.
4 Гаркави А. Я. Сказания ..., – С. 130.
5 ПВЛ. Ч. 1. – С. 39.

В руско-хазарских отношениях первой половины X в. особое место занимают два похода руских на Каспий, в 913/14 гг. и 943/44 гг. В литературе на этот счет нет единомыслия. Одни исследователи полагают, что в обоих случаях имела место общность интересов. И Русь, и Хазария будто бы стремились ослабить мусульманские государства на побережьях Каспийского моря, а заодно и обогатиться за их счет. Проведя серьезные разыскания, Н. Я. Половой пришел к выводу, что поход 943 г. на Каспий был возглавлен воеводой Игоря Свенельдом, в результате которого он и его дружина разбогатели[1].

Вывод о согласованности действий Руси и Хазарии напрашивается из сообщения Масуди о том, что «царь хазарский не имеет судов и его люди непривычны к ним; в противном случае мусульмане были бы в великой опасности с его стороны»[2]. Другие исследователи (А. Н. Насонов) считали, что хазары были враждебны к названным походам. Одним из аргументов этому может быть факт разгрома руских гвардейцами кагана при их возвращении из похода в 914 г. Однако в его оценке не может быть однозначности, особенно учитывая то обстоятельство, что каган пытался предотвратить это боестолкновение. Он «послал к русским и известил их, что мусульмане (по-видимому, хазарские. – *П. Т.*) собираются воевать с ними»[3].

М. И. Артамонов и другие исследователи утверждали, что хазары в 913/14 и 943/44 годах имели дело не с Руским государством, а с какой-то самостоятельной силой, которая освободилась от службы рускому князю и называлась русью[4]. Доказать это какими-либо документами не представляется возможным. Исходя из конкретных реалий, данное предположение также не кажется реалистичным. Во-первых, походы на Каспий следовали за походами на Черное море, а следовательно, были спланированы центральной властью. Во-вторых, без предварительной договоренности

1 Половой Н. Я. О русско-хазарских отношениях в 40-е годы X в.//Записки Одесского археологического общества. Т. 1 (84). Одесса, 1960. – С. 348.

2 Гаркави А. Я. Сказания... – С. 133.

3 Там же.

4 Артамонов М. И. История хазар. – С. 383.

сторон они вообще не могли бы состояться. Предполагать же, что хазарский каган договаривался с каким-то руским кондотьером, совершенно нереалистично.

Отрицая межгосударственную хазаро-рускую договоренность о походах на Каспий, М. И. Артамонов почему-то предполагал, что таковая имелась относительно похода Игоря 941 г. на Византию. Поддерживал это тем, что, согласно свидетельству Льва Диакона, Игорь, после поражения, «с жалкими остатками флота бежал к Боспору Киммерийскому». А поскольку последний контролировался хазарами, это подтверждает наличие договорных отношений Руси и Хазарии[1]. Правда, сам же и усомнился в этом, поскольку для византийских авторов «Боспор Киммерийский» был не конкретным географическим понятием, а направлением пути. О Святославе Лев Диакон говорит то же самое, но из руской летописи известно, что возвращался он в Русь по Днепру.

Есть основания полагать, что Хазария вела двойную игру. Дружила с Русью против мусульманского Востока, где, по утверждению Ибн-Фадлана, разрушались еврейские синагоги, и дружила с Византией против Руси. Свидетельством этому может быть строительство византийскими инженерами в 834 г. крепости Саркел, определенно для защиты от Руси, а также заявления хазарского кагана Иосифа, современника Олега и Игоря, что он вел борьбу с Русью и не пропускал ее в Каспийское море. В письме к еврею из Кордовы Хасдаю ибн Шапруту он утверждал: «Если б я оставил их (руских. – *П. Т.*) в покое на один час, они уничтожили бы всю страну измаильтян до Багдада».

Как полагал Н. Я. Половой, письмо это написано в 60-е годы X в. и, по-видимому, отражает позицию кагана данного времени[2]. Это было своеобразное затишье в руской восточной политике, когда страной правила Ольга, исполнявшая регентские функции при малолетнем Святославе и целиком сосредоточенная на отношениях с Византией. Однако уже вскоре хазары должны были пожалеть о заявлениях своего кагана. Возможно и каких-то его антируских

---

1 Там же. – С. 375.

2 Половой Н. Я. О маршруте похода русских на Бердаа и русско-хазарских отношениях в 943 г.//Византийский вестник. № 20. М., 1961. – С. 105.

действиях, которые могли спровоцировать поход Святослава. Летописец о нем сказал: «В лѣто 6473. Иде Святославъ на козары; слышавше же козари, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ, и съступишася битися, и бывши брани, одолѣ Святославъ козаромъ и градъ ихъ и Бѣлу Вежю взя. И ясы победи и косоги»[1].

Удар Святослава оказался сокрушительным для Хазарии, от него она уже не могла оправиться. Ее территориальные пределы сузились до Нижнего Поволжья, после чего страна попала в зависимость от Хорезма и была омусульманена. Окончательно с хазарской державой расправился, по-видимому, уже Владимир Святославич. Его походы 994-м и 997 гг. на волжских болгар были направлены также и против хазар. Об этом говорит Иоаков Мних («И на Козары шед, победи а и дань на них положи») [2], а также Мукаддаси, сообщивший о Руси, «нашествовавшей на них (хазар) и овладевшей их страной»[3].

Одним из важных результатов победных походов Руси на Хазарию явилось прочное закрепление ее на Тамани (острове русов по Б. А. Рыбакову), где было образовано руское Тмутараканское княжество.

Интегрированность ряда восточнославянских племен в систему хазарских политических и хозяйственных отношений не могла не сказаться на их культурном развитии. В большей мере это отразилось на северянах, оставивших достаточно яркую волынцевскую археологическую культуру, которая, определенно, испытала влияние соседней салтовской. И не суть важно, была ли ее территория Северо-Западной Хазарией, как полагал М. И. Артамонов, или же автономным образованием, не входившем в состав Хазарии, как утверждал Б. А. Рыбаков, в культурном плане салтовцы представляли, по существу, неразделимое единство с другими хазарскими регионами.

Их влияние на славянских соседей сказывалось в заимствовании технологии изготовления гончарной керамики, которая на большинстве поселений равняется 10 % от общего числа глиняных изделий. В южных, пограничных с салтовскими, регионах процент сосудов

1 ПВЛ. Ч. 1. – С. 47.

2 Бугославский С. К. К литературной истории «Памяти и похвалы князю Владимиру». Изв. ОРЯС. 1924. Т. 24. – Л., 1925. – С. 151.

3 Артамонов М. И. История хазар. – С. 435.

салтовского типа достигает цифры 21[1]. В Битицком городище он равняется 55-65 %. Исследование кузнечных изделий из Битицкого городища показало, что их технология аналогична той, которая известна на алано-болгарских поселениях салтовской культуры[2]. К салтовскому кругу вещей восходят многие ювелирные изделия, обнаруженные в Волынцеве (стеклянные многочастные и пастовые бусы, антропоморфные бляшки), в известном Харьевском кладе (серьга из каплевидной стеклянной бусины с впаянной в нее бронзовой подвеской), в Соснице (зеркало) и др.

Встречаются салтовские вещи и на территории расселения полян, хотя и в значительно меньшем количестве. Объясняется это, по-видимому, большей их удаленностью от хазарского мира, а также меньшей продолжительностью их пребывания в даннической зависимости от хазар.

Обращает на себя внимание характерная особенность культурного развития северянского населения. В VII – нач. IX вв. оно испытывает достаточно заметное влияние соседней салтовской культуры, что особенно отразилось на керамическом производстве. Продолжавшая волынцевскую линию развития роменская культура, датирующаяся двумя последними столетиями I тысячелетия н. э., сколько-нибудь заметных влияний со стороны своих салтовских соседей как будто не обнаруживает. Гончарный круг, высокая технология изготовления и обжига керамики оказались и вовсе утраченными. Исследователи, изучавшие эту культуру, согласно отмечали ее некоторую архаизацию, хотя и не смогли объяснить причины этого. Внешние обстоятельства продолжали оставаться теми же. Хазарский каганат все еще сохранял свое политическое и торгово-экономическое присутствие в регионе, о чем свидетельствуют находки на роменских памятниках восточных монет и кладов ювелирных украшений из бронзы и серебра. Салтовская культура находилась в состоянии поступательного развития, в том числе и в области керамического производства, которое оказывало столь заметное

1 Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. – М., 1995. – С. 191.

2 Сухобоков О. В., Вознесенская Г. А., Приймак В. В. Клад орудий труда и украшений из Битицкого городища//Древние славяне и Киевская Русь. – К., 1989. – С. 98-99.

влияние на волынцевском этапе. Находки восточных монет VII-X вв. на салтовских поселениях и могильниках подтверждают интегрированность этого региона в систему общехазарских торгово-экономических отношений.

Полагать, что архаизация культуры северян IX-X вв. произошла вследствие какой-то особой экспансии на славянские земли Хазарского каганата, как это казалось В. В. Седову, вряд ли возможно[1]. Во-первых, экспансия всегда сопровождается усилением влияний, а не их затуханием, а во-вторых, у нас нет никаких оснований думать, что экспансия на славянские земли в IX-X вв. слабеющему каганату удавалась лучше, чем это было в более благополучный период его истории.

Скорее всего, причины отмеченного явления в изменившихся условиях внутрислявянского развития, которое все больше стало определяться собственными интеграционными процессами, а не даннически-ми отношениями с хазарским миром. В пользу этого свидетельствует и большое число укрепленных поселений, возведенных северянами на порубежье со своими салтовскими соседями. Влияние последних на славянскую жизнь сокращалось по мере усиления раннеруского государства. После победных походов Святослава на хазар и вятичей в 965-966 гг. оно и вовсе прекратилось.

Из сообщений Ибн Хаукаля, Ал Мукаддаси и Ибн Мискавейха следует, что Святослав предпринял еще один поход на Хазарию в 968-969 гг. На этот раз он захватил столицу Атиль и, по-видимому, окончательно подорвал жизнеспособность этого государства. А. П. Новосельцев считал, что руские гарнизоны оставались в Атиле и Самандре вплоть до 990 г. и ушли оттуда только под давлением Хорезма. Потеряв к концу X в. владения на Северном Кавказе, в Подонье, на Тамани и в Крыму, Хазария доживала последние годы, по-видимому, лишь в небольших пределах Нижнего Поволжья.

---

1 Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. – С. 200.

Глава 5

Русь и Византия

Знакомство с начальным летописанием не оставляет сомнения в том, что одной из наиболее заметных его тенденций являлось стремление связать раннюю историю Руси с историей Византии. В литературе высказывалась мысль, что связанность эта была в значительной мере иллюзорной, рожденной не столько объективной реальностью, сколько представлениями о ней летописцев. Наверное, в чем-то это справедливо. И тем не менее, можно утверждать, что летописная картина руско-византийского мира не слишком диссонирует с действительной. Примерно такой она представлялась и греческим авторам, которые также зафиксировали на страницах своих хроник славянскую сопричастность к византийской истории. И несомненно для восточных славян, а позже и Руси, главным приоритетом в их международных связях были не Скандинавия или Хазария, но Византия.

В первой половине I тыс. н. э. наглядным подтверждением этого явилась черняховская культура, образовавшаяся на огромных пространствах лесостепной зоны нынешней Украины под влиянием восточных римских провинций. Судя по большому числу римских монет, в том числе и их подражаний, найденных при исследовании черняховских поселений, носители этой культуры были плотно вовлечены в систему провинциально-римских экономических отношений.

Ситуация принципиально не изменилась и на ранневизантийском этапе. Как следует из письменных источников, восточные славяне являлись едва ли не постоянным фактором византийской истории уже со времен Юстиниана I. Вторгались в византийские пределы, служили империи в качестве федератов, являлись участниками переговорных отношений. По числу сюжетов о славянах информация Прокопия

Кесарийского превосходит все остальные описания народов, что свидетельствует об особой их активности в это время. В большей мере это относится к антам, которых Прокопий располагал за утригурами, жившими по берегам Понта Эвксинского. «А за ними, еще выше к северу, сидят бесчисленные племена антов».[1] О том, что славяне-анты находились на положении федератов Византии, красноречиво свидетельствует один из титулов императоров – «Антский», который они употребляли вплоть до Ираклия.

Согласно письменным известиям, анты находились в мирных и союзных отношениях с империей с 545-го по 602 г., за что и подверглись, как утверждал Феофилакт Симокатта, нападению аваров. Управлялись анты вождями, к которым применялись византийскими авторами термины «архонт», «рикс», «филарх». Отдельные названы по имени, как, например, Мезамир, который возглавил посольство к аварам и был ими коварно убит. Поскольку у славян много вождей и они несогласны друг с другом, византийцы стремились привлечь некоторых из них «с помощью речей или даров»[2].

Более беспокойными соседями Византии были склавины, которые, как свидетельствуют византийские авторы, не отличались от антов ни формой правления, ни образом жизни, ни нравами. Совместно с аварами они совершали опустошительные набеги на византийские города. В 617 г. напали на Константинополь одновременно с суши и моря. Федор Синкел в «Слове о перенесении честной ризы Богородицы во Влахернах» пишет, что Золотой Рог заполнили моноксилы славян, которые вместе с командами были потоплены Богородицей[3].

Славянские суда-долбленки упоминаются в сочинениях многих византийских авторов. В «Чудесах св. Дмитрия Солунского» говорится: «Поднялся народ славян, бесчисленное множество, состоявшее из драгувитов, сагудатов, велегезитов, ваюнитов, верзитов и других народов. Прежде всего, они решили

---

1 Иванов С. А., Гиндин Л. А., Цымбарский В. Л. Прокопий Кесарийский//Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I-VI вв.). – М., 1994. – С. 201.

2 Кучма В. В. «Стратегикон» Маврикия//Свод... Т. 1. – С. 375.

3 Иванов С. А. Федор Синкел//Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII-IX вв.). – М., 1995. – С. 85-87.

изготовить суда, выдолбленные из одного дерева»[1]. Речь здесь, скорее всего, не о восточной группе славян, но известно, что такими же судами пользовались и они. Константин Багрянородный отмечал, что суда эти были оборудованы мачтами и парусами и приспособлены к морским плаваниям. На них русы осуществили, в частности, поход 860 г. на Константинополь. Из свидетельств Никиты Пафлагона, содержащихся в «Житии патриарха Игнатия», следует, что русы, называемые еще скифами, являлись также торговыми контрагентами греков. «О, Амастрида, – восклицает Пафлагон, – око Пафлагонии, а лучше сказать почти всей вселенной. В нее стекаются, как на общий рынок, скифы, как населяющие северные берега Эвксина, так и живущие южнее»[2]. Видимо, именно стремлением утвердиться на богатых византийских рынках могут быть объяснены походы русов на Амастриду и Крым в 40 – 60-е годы IX в.

Первые руские летописцы определенно не были знакомы с названными сочинениями греческих авторов, но их византийские пассажи во многом перекликаются со свидетельствами византийцев. В частности, рассказ «Повести временных лет» о визите Кия в Константинополь и его попытка закрепиться на Дунае очень близок к повествованию Прокопия Кесарийского об антах и их военачальнике Хильвудие, которым император Юстиниан I предложил поселиться в древнем городе под названием Туррис, находившимся за рекой Истр. Анты согласились, но поставили условие, чтобы Хильвудий вновь стал ромейским полководцем. Прокопий не уточнил, поселились ли анты в Туррисе и стал ли их вождь имперским полководцем, а вот Нестор определенно записал, что Кию закрепиться в Подунавье не удалось. «Идущю же ему вспять, приде къ Дунаеви, и възлюби мѣсто, и сруби градокъ малъ, и хотяше сѣсти с родомъ своимъ, и не даша ему ту близь живущии»[3].

Находят ли подтверждения эти ранние письменные свидетельства о связях восточных славян с

1 Иванова О. В. Чудеса св. Дмитрия Солунского//Свод... Т. 2. – С. 125.

2 История Византии. Т. 2. – М., 1967. – С. 226; Бибиков М. В. Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. – М., 2004. – С. 45.

3 Повесть временных лет. Ч. 1. – М.-Л., 1950. – С. 13.

Карта Византии X – начала XI вв.
Границы империи 1025 г.
Границы территорий, завоеванных после 1025 г.
ЭЛЛАДА Названия провинций (фем)
100 0 100 200 300 км

Византией в археологических материалах? Не так полно, как можно было ожидать, но все же находят. В Киеве, Зимно, Кичкасе, Максимовке, Хортице, Жаботине, Золотоноше найдены монеты императоров Юстина I (518-527), Юстиниана I (527-565), Юстина II (565-578), Маврикия (582-602), Ираклия (610-641), Константа II (654-659). В с. Майстров, что в Надпорожье, в 1851 г. на днепровском острове был обнаружен клад золотых византийских монет в количестве нескольких сотен, из которых сохранилась только одна монета Ираклия, чеканенная между 630-639 гг[1].

Стиль пастырского ювелирного ремесла своими корнями уходит в византийское Подунавье. Значительное число вещей византийской работы обнаружено в кладах VI-VIII вв. – Мартиновском, Харьевском, Вознесенском, Перещепинском, Глодоском и др., найденных на территории расселения восточнославянских племен. В археологическом выражении – это регион культур второй половины I тыс. н. э.: пеньковской, волынцевской, пражско-корчакской.

Еще более отчетливые свидетельства о связанности восточнославянской и византийской истории содержатся в письменных источниках применительно ко второй половине IX в. В «Окружном послании» патриарха Фотия, а также в «Жизнеописании Василия I Македонянина» Константина Багрянородного содержатся известия о том, что русы, после неудачного похода 860 г. на Константинополь, чуть ли не вошли в византийское содружество народов. «Народ Рос, поработив народы вокруг себя и поэтому вообразив чрезмерное, – писал патриарх Фотий, – и на Ромейскую державу руку поднял. Но вообще теперь они сменили на чистое и непорочное исповедание христиан эллинскую и безбожную веру, которой придерживались прежде, поставив себя сами охотно в строй подданных и заступников». Далее Фотий утверждает, что «настолько воспламенела их любовь и приверженность к вере, что они и епископа, и пастыря приняли и совершают с большим тщанием и заботой обряды христианские».[2]

1 Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. – М., 1962. – С. 31-32.

2 Цит. по Литаврину Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. – С. 51.

Константин Багрянородный полагал, что крещение русов произошло во время правления его деда Василия I Македонянина в 867 г., который «щедрыми раздачами золота, серебра и шелковых одеяний склонил к соглашению неодолимый и безбожный народ россов, заключил с ними мирный договор и убедил приобщиться к спасительному крещению». Как и Фотий, Константин также отмечает, что к русам был послан иерарх (архиепископ), рукоположенный патриархом Игнатием[1].

В историографии сложилось традиционное мнение, что сообщение Константина Багрянородного следует целиком отнести на счет его желания лишний раз прославить своего деда. Однако, не исключено, что оно имеет и свое основание. С приходом на царствование Василия I патриарх Фотий был смещен с кафедры, а занявший ее патриарх Игнатий мог обновить поставление русам архиепископа. Г. Г. Литаврин полагал, что в 867 г. между Русью и Византией был заключен договор, по которому крещение приняла верхушка русов[2].

Руские летописцы об этом раннем крещении ничего не пишут, но зато сообщают, что после похода на Константинополь «нача ся прозывати Руска земля». По существу, для Нестора, или его более ранних коллег, основывавших свой рассказ на хронике Продолжателя Амартола, поход 860 г. стал своеобразной точкой отсчета государственной истории Руси. «О семь бо увѣдахомъ, яко при семь цари (Михаиле III. – *П. Т.*) приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишется в летописании гречьстѣмь. Тѣм же отселе почнем и числа положимъ»[3]. Именно государственной, а не церковной, как можно сделать вывод на основании утверждений патриарха Фотия и Константина Багрянородного.

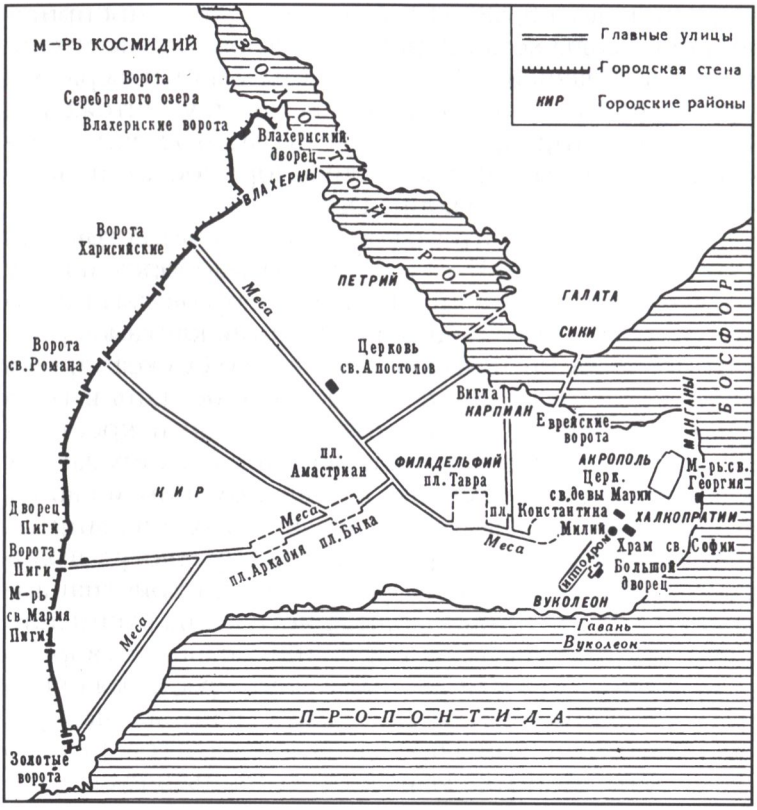
Сомневаться в такой информации, по-видимому, нет оснований, но и полагать, что в ней речь идет о крещении всей страны, также не следует. Скорее

---

1 Бибиков М. В. Byzantinorossica. – С. 59.

2 Литаврин Г. Г. Византия... – С. 56.

3 ПВЛ. Ч. 1. – С. 17. Аналогичная мысль содержится также и во второй проповеди патриарха Фотия, произнесенной по случаю ухода русов от стен Константинополя. «Этнос невидный, этнос несчитанный, этнос, среди рабов поставленный, незнаемый, но от нападения на нас обретший имя и, незнатный, знатным оказавшийся». Цит. по Литаврину Г. Г. Византия... – С. 49-50.

План Константинополя.

всего, крещение приняла только та русь, которая осуществила нападение на Константинополь, да и то не столько от того, что в одночасье уверовала в Христа, сколько потому, что получила богатые дары золотом, серебром и дорогими одеждами. Людольф Мюллер полагал, что на Руси тогда были заложены основы церковной организации, а прихожанами могли быть не только варяги, отождествляемые им с русами, но и славяне. Серьезных последствий это крещение не имело. После утверждения в Киеве Олега ростки христианства были уничтожены, видимо, с носителями прежней власти[1].

Удивительно, что о крещении русов ничего не говорится и в Брюссельском кодексе, содержащем полную дату (день, месяц, индикт, год от сотворения мира и год царствования) их похода на Константинополь. «В его (Михаила III. – *П. Т.*) царствование 18 июня в 8-й

1 Müller L. Die Taufe Ruslands. – München. 1987. – S. 63-66.

индикт, в лето 6358, на 5-й год его правления пришли Росы на двухстах кораблях, которые предстательством всеславнейшей Богородицы были повержены христианами, полностью побеждены и уничтожены». Согласно П. Шрайнеру и М. Бибикову, это хроникальное известие было создано или вскоре после описываемых событий, или в конце IX в[1].

Ничего не говорится о крещении русов в договорах Руси и Византии 907-го и 911 годов. Наоборот, из них следует, что византийцы считали русов язычниками. Это отчетливо видно из описания клятвы верности договору 907 г. «Царь же Леонъ со Олександромъ миръ сотвориста со Олгом, имшеся по дань и ротѣ заходивше межы собою, цѣловавше сами крестъ, а Олга водивше на роту, и мужи его по Рускому закону кляшася оружьемъ своим, и Перуном, богом своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ»[2]. Язычество русов подчеркнуто по всему тексту договора 911 г., где они противопоставляются христианам-грекам. «Аще кто убьеть или христианина русин, или хрестьянинь русина, да умрет, идѣ же аще сотворить убийство»[3]. Это и подобные ему утверждения очень четко позиционируют Русь как страну языческую, которая была такой и прежде. В договоре говорится о бывшей «от многих лѣт межи хрестианы и Русью любовь», но нет и намека на то, что эта «любовь» как-то отразилась на вероисповедальном статусе Руси.

Принципиально ничего не изменилось и во времена княжения Игоря. И хотя Е. Голубинский считал его «тайным христианином»[4], из летописных свидетельств (а других источников для такой идентификации у нас нет) подобный вывод сделать невозможно[5]. Наверное, Игорь был лоялен по отношению к части своего окружения, принявшего христианство, но сам, несомненно, оставался язычником. Это хорошо видно из летописной статьи 944 г., рассказывающей о его клятве верности договору Руси с Византией в

---

1 Шрайнер П. Miscellanea Byzantino-Rossica//Византийский временник. 1991. Т. 52. – С. 153; Бибиков М. В. Byzantinorossica. – С. 62.

2 ПВЛ. Ч. 1. – С. 25.

3 Там же. – С. 26.

4 Голубинский Е. Е. История русской церкви. – М., Т. 1. – С. 68.

5 Толочко П. П. Принимал ли крещение Ярополк Святославич//Київ і Русь. – К., 2008. – С. 87-98.

присутствии греческих послов. «Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, кде стояше Перунъ, и покладоша оружье свое, и щиты и золото, и ходи Игорь ротъ и люди его, елико поганыхъ Руси»[1].

Сведений о том, что после похода 860 г. между русью и греками был заключен мирный договор, в источниках не сохранилось, хотя исключать его наличие и не приходится. Во-первых, это было в практике византийской дипломатии, а во-вторых, вряд ли крещение русов и посылка к ним иерарха были осуществлены без каких-либо предварительных договоренностей. В любом случае, можно утверждать, что отношения Руси и Византии при Михаиле III обрели новое качество. Не случайно в летописи столь большое внимание уделено именно этому императору. При нем «нача ся прозывати Руска земля» и от его «первого лѣта» положены числа руской истории. Об оживлении руско-византийских торговых связей в это время говорят и археологические материалы, в частности византийские монеты. Их приток на восточнославянские земли, в том числе и в Киев, после длительного перерыва возобновился в период правления Михаила III и Василия I. Значительный процент составляют монеты херсоно-византийские, чеканенные на херсонесском монетном дворе, что несомненно указывает на возрастание роли Херсонеса в византийско-руских связях третьей четверти IX в.

После Михаила III руские летописцы удостаивают своим вниманием и его ближайших преемников, вставляя сведения о них в погодную хронику. «В лѣто 6376. Поча царствовати Василий». «Въ лѣто 6395. Левонъ царствова, сынъ Васильевъ, иже Левъ прозвася, и брат его Олександръ». «В лѣто 6410. Леон царь ная угры на болгары»[2]. О каких-либо непосредственных контактах (до первого похода Олега в 907 г. на Константинополь) Руси и Византии в источниках сведений не сохранилось, но нет сомнения, что для Руси они были крайне желательны. Подтверждением этому явились походы князя Олега на Константинополь и заключенные мирные договоры 907-го и 911 гг. Из их содержания следует, что Русь стремилась навязать Византии свое партнерство, основанное на четкой юридически-правовой регламентации. Как в сфере торгово-

1 ПВЛ. Ч. 1. – С. 39.
2 ПВЛ. Ч. 1. – С. 19, 21, 23.

Греческая дань Олегу. Миниатюра Радзивиловской летописи.

экономических отношений, так и межгосударственно-правовых. По существу, это были договоры «мира и любви» со взаимными клятвами верности. «И урядъ положиша межи Грецкою землею и Рускою и клятвы не преступати ни греком, ни руси»[1].

Судя по тому, что при Игоре были предприняты новые походы на Константинополь, увенчавшиеся новым договором, старый потерял свою юридическую силу. И, прежде всего, через несоблюдение его греками. Об этом и сказано в договоре 944 г. «И от тѣх (великого князя рускаго и от всякоя княжья. – *П. Т.*) заповѣдано обновити ветъхий миръ, ненавидящего добра и враждолюбца дьявола разоренный от многъ лѣтъ, и утверди любовь межю Греки и Русью». Новый договор заключался «на вся лѣта, дондеже съяеть солнце и весь миръ стоить»[2]. Одним из его положений было обязательство Руси защищать Херсонес от набегов черных болгар.

Вскоре, по-видимому, и этот мирный договор постигла судьба предыдущих, и потребовалась поездка княгини Ольги в Константинополь, чтобы, если и не обновить его, то подтвердить.[3] В летописи об

1 Там же. – С. 29.

2 Там же. – С. 35.

3 ПВЛ помещает известие о визите Ольги в Константинополь под 955 г. Г. Г. Литаврин предложил дату 946 г. (Чит.: Литаврин Г. Г. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источников//ВВ-М., 1981. – Т. 42.)

этом ничего не сказано, но вряд ли столь дальнее путешествие руская княгиня предприняла только с целью личного крещения. Тем более, что она, возможно, была крещена в Киеве еще до поездки в Константинополь. Думать так дает основание тот факт, что в свите княгини находился священник Григорий.

Несомненно, визит княгини Ольги в Константинополь положительно сказался на торговых отношениях Руси и Византии. Возможно, что это оживление руско-византийской торговли нашло свое отражение в известном труде Константина Багрянородного.

Но в 969 г. Ольга умирает. В том же году гибнет император Никифор II Фока, и отношения между Византией и Русью вновь резко ухудшаются. Святослав предпринял два похода на Византию, целью которых, очевидно, было завоевание торгово-экономических льгот для Руси. Как свидетельствует летопись, эти соображения лежали в основе его желания перенести столицу Руси в Переяславец на Дунае. «Не любо ми есть в Киѣве быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи ..., яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, поволоки, вина и овощеве различныя, изъ Чехъ же, изъ Угорь серебро и комони, из Руси же скора и воскъ, медъ и челядь»[1].

Войны с Византией Святослав проиграл. Пришлось просить мира. В послании к императору Иоанну Цимисхию он заявил: «Хочю имѣти любовь со царемъ гречьскимъ свершеную прочая вся лѣта»[2]. Судя по тексту договора, содержащемуся в «Повести временных лет», он больше напоминает покаяние Святослава за его прежние походы на Византию и обещание не предпринимать их впредь. В договоре содержится и союзническое обязательство Руси. «Да аще инъ кто помыслить на страну вашю, да и азъ буду противенъ ему и борюся с нимъ»[3].

Из не очень четкого замечания, что «боляре и Русь вся, да сохранимъ правая съвѣщания», можно предположить, что речь здесь также и о клятве верности предыдущим договорам. В новом договоре присутствует традиционная дипломатическая формула

1 ПВЛ. Ч. 1. – С. 48.
2 Там же. – С. 51.
3 Там же. – С. 52.

Заключение вечного мира Игоря с императором Романом. Миниатюра Радзивиловской летописи.

о его вечности. «Хочю имѣти миръ и совершену любовь ... съ боговдохновеными цари, и со всѣми людьми вашими и иже суть подо мною Русь, боляре и прочии, до конца вѣка»[1]. Еще одним обязательством Руси был отказ от претензий на устье Днепра, где херсониты ловили рыбу.

Византийская сторона, как следует из свидетельства Льва Диакона, приняла на себя обязательства беспрепятственно пропустить руских домой, обеспечить их продовольствием на дорогу и впредь относиться к ним как к друзьям. «Ромеи дадут им (русам. – *П. Т.*) возможность отплыть..., снабдят их продовольствием и будут считать своими друзьями тех, которые будут посылаемы по торговым делам в Византий, как было установлено прежде»[2].

Чего стоили заверения Цимисхия в дружбе, видно из последующих событий. О возвращении русичей на родину византийцы предупредили печенегов, которые в районе днепровских порогов и убили Святослава. Есть основания полагать, что при Святославе торговля Руси с Византией была практически свернута. В Киеве найдена всего одна монета Цимисхия. Лишь с Ярополка, а затем и Владимира торговые связи Руси с Византией возобновились с прежней интенсивностью. В пользу этого свидетельствует относительно большое число находок монет

1 Там же.
2 Диакон Лев. История. – М., 1988. – С. 81.

Василия II Болгаробойцы, как в Киеве, так и в других регионах.

Своеобразным финалом ранних отношений Киева и Константинополя был военный поход Владимира Святославича на Корсунь, его венчание с византийской царевной Анной и принятие Русью в 988 г. крещения. В подробном описании руской летописи нет указаний на то, что этим событиям предшествовали какие-то договорные обязательства сторон. Точнее сказать, обязательства, оформленные в виде письменного договора. Однако же и предположить, что стороны обошлись без него при принятии столь ответственных для обоих решений, невозможно.

Если попытаться определить основное содержание руско-византийских отношений IX-X вв., нетрудно прийти к выводу, что оно в стремлении молодого восточнославянского государства обрести возможность свободно торговать на византийских рынках. Достижение этой мирной цели, как парадоксально это ни выглядит, было невозможно без демонстрации военной силы.

В литературе походы руских князей на Византию нередко объясняются тем, что империя из соображения безопасности своих границ готова была пренебречь выгодами торговли с «варварами-язычниками», а Русь силой оружия преодолевала препятствия, создаваемые византийской дипломатией. Вряд ли это исчерпывающее объяснение. Отказом от торговли с Русью Византия никак не укрепляла свои границы. Скорее наоборот, ослабляла их. И, видимо, не в этом кроются истинные причины, вынуждавшие руских князей предпринимать столь рискованные военные походы. Их необходимость диктовалась стремлением получить гарантии регулярности и равноправия торговых связей Руси с экономически более сильным партнером. Из содержания договоров 907-го, 911-го и 944 гг. следует, что цель эта Русью была в значительной мере достигнута. Столь четкой юридической регламентации торгово-экономических отношений Русь не имела ни с одной другой страной Европы.

О ее масштабах и регулярности свидетельствует Константин Багрянородный. «Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдие, что именуется

«кружением», а именно в славонии вервинов, другувитов, криветеинов, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киаву». Одновременно к Киеву спускались груженные данью однодеревки. «Из внешней Росии идут из Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта Росии, а также из крепости Милински, из Телиуцы, Чернигоги и Вусеграда. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киава, называемой Самватос... И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они опускаются к Витичеву, которая является крепостью пактиотов росов и, собравшись там в течение двух-трех дней, ... отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр»[1].

В свое время, М. К. Каргер, приводя полный перечень находок византийских монет IX-X вв. в Киеве, сделал неожиданный вывод, что их немногочисленность свидетельствует о том, что «византийско-русские связи в эту пору были далеко не столь значительными, как это было принято думать еще недавно»[2].

Мне уже приходилось отмечать, что вывод этот совершенно не корректен[3]. Причина небольшого количества византийских монет в Киеве и в целом на территории Руси заключается не в неразвитости руско-византийских торговых связей, а в особом их характере. Из Византии Русь была заинтересована получать не монеты, а шелковые и парчовые ткани, дорогие одежды, украшения, посуду, ковры, вино, оливковое масло, другие предметы византийского быта. Рассчитывались руские купцы за эти товары рабами, медом, воском, беличьими и собольими мехами. Об особой популярности руских мехов в Константинополе свидетельствует следующий факт. Изгнанный латинянами, афинский митрополит просил Никейского императора Федора Ласкаря: «Если ты мне пришлешь и шкурку белого зайца, каких

---

1 Литаврин Г. Г. Константин Багрянородный. «Об управлении империей»//Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. – М., 1982. – С. 271-273.

2 Каргер М. К. Древний Киев. Т. 1. – М.-Л., 1958. – С. 126.

3 Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. – К., 1989. – С. 124.

Русь доставляет в Великий город (Константинополь), то окажешь мне большую помощь, ибо врачи говорят, что она отлично согревает».[1]

Обменную торговлю Византия вела не только с Русью, но и с другими странами, например, – Болгарией. По свидетельству аль-Масуди (20 – 50-е гг. X в.), болгары, не имея ни золотых, ни серебряных монет, расплачивались за купленные товары коровами и овцами[2]. Естественно, что при торговле Руси с Византией по принципу «товар на товар» монеты последней практически не выпадали из сферы внутреннего обращения. Что-то, разумеется, продавалось русичами на византийских рынках и за деньги, но они тут же возвращались византийцам за приобретенные у них шелковые и парчовые ткани, другие предметы роскоши. Изучение М. В. Фехнер тканей, найденных в 1903 г. на территории Михайловского монастыря в Киеве, показало, что они происходили из шелкоткацких мастерских Ирана и Византии[3].

О том, во что одевались древнеруские князья, свидетельствует летописная запись об одеждах Данила Галицкого. Кожух у него был греческого оловира (шелковая, тканная золотом материя), сапоги, сшитые из «хза зеленого» – греческого сафьяна[4]. На византийских рынках Русь приобретала различные пряности, стеклянную и серебряную посуду, иконы. Киево-Печерский игумен Варлаам завещал Феодосию свой скарб, купленный в Константинополе. «Я же бе купил в Константино граде иконы и иное, еже на потребу»[5].

Возвращаясь к находкам византийских монет на восточнославянских землях, следует заметить, что они не могут дать полного представления ни об объеме, ни о характере торговых связей с Византией. Они являются лишь источником для выяснения степени регулярности торгово-экономических связей двух стран. Как показал В. В. Кропоткин, наибольшее количество византийских монет датируется IX-X вв. – от

---

1 Васильевский В. Г. Древняя торговля Киева с Регенбургом// ЖМНП. – 1888. – Июль. Ч. 257. – С. 150.

2 История Византии. – М., 1967. – Т. 2. – С. 151.

3 Фехнер М. В. Некоторые данные о внешних связях Киева в XII в.//Культура средневековой Руси. – Л., 1974. – С. 66-70.

4 ПСРЛ. Т. 2. – Стб. 814.

5 Макарий. История русской церкви. – СПб., 1868. – Т. 2. – С. 221.

Клятва верности руско-византийскому договору 944 г. (на Перуновом холме и в церкви св. Ильи). Миниатюра Радзивиловской летописи.

императора Михаила III (842-867) до императора Василия II (976-1025). В большинстве своем это серебряные и золотые монеты, которые, видимо, вывозились из Византии как драгоценный металл. Практически, все они связаны с бассейном Днепра[1].

Еще одной категорией византийского импорта, подтверждающей интенсивные торговые связи Руси и Византии, являются красноглиняные амфоры. Особенно много их обнаружено в Киеве и других южнорусских городах, но известны они практически на всей территории Древней Руси. Причем, не только в городских центрах, но и сельских. Привозилась ли амфорная тара специально для реализации ее на рынках Руси, или же она продавалась только вместе с содержащейся в ней продукцией – вином и оливковым маслом – сказать сложно.

Амфоры поступали на Русь, как из самой Византии, так и из ее северочерноморских колоний, где, по сообщению Ибн-аль-Асира, русские купцы проживали колониями. Возможно, археологическим подтверждением этого являются находки крестов-энколпионов, киотных крестов, шиферных пряслиц в городах Херсонесе и Судаке.

---

1 Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962. – С. 11-13. Табл. 1.

О киевских купцах, специализирующихся на торговле с Византией, можно судить по материалам раскопок. В 1882 г. по ул. Дорогожицкой, № 4 (теперь ул. Мельникова) удалось исследовать погребение купца. При нем были найдены медные чашки от весов, складное коромысло, девять железных гирек, а также монета Константина Багрянородного (945-959). Неоднократно погребения с византийскими монетами были обнаружены и в могильнике Верхнего Киева, что также, возможно, указывает на их принадлежность к торговым людям. В 1972 г. удалось выявить остатки усадьбы киевского купца середины X в. на Подоле, о чем свидетельствовали находки византийской монеты императора Романа I (921-944), железные гирьки-разновески, косточки персиков, семена дынь, скорлупа грецких орехов[1].

Под впечатлением красочных летописных рассказов о военных походах руских князей на Константинополь и Херсонес, исследователи сделали вывод о постоянном противоборстве Киевской Руси и Византии. Диктовалось оно будто бы необходимостью защитить политический суверенитет молодого восточнославянского государства. Особое место в стремлении лишить Киевское государство независимости отводилось якобы распространению византийского христианства. Под этим углом зрения, в частности, анализировал древнерускую общественную мысль М. А. Алпатов. Общий его вывод сводился к ее антивизантийской направленности[2].

Определенно, это упрощенное понимание существа взаимоотношений Руси и Византии. Претензии Киева на равноправные отношения с империей принимаются за непримиримое противоборство на почве отстаивания независимости, а наличие соответствующих сюжетов в летописи объясняется антивизантийскими настроениями на Руси. Как полагал М. А. Алпатов, благочестивые монахи-летописцы именно из этих соображений хвалили каждый поход на Константинополь и каждый договор, ограждавший Русь и каждого князя, кто совершал эти походы[3].

В действительности, угрозы независимости Руси со стороны Византии никогда не существовало.

1 Новое в археологии Киева. – К., 1981. – С. 365-366.

2 Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII-XVII вв. – М., 1973. – С. 115.

3 Там же. – С. 116.

Огромное расстояние, отделявшее мировую империю от восточнославянских земель, практически исключало возможность применения ею военной силы для этих целей. История этого и не знает. Наоборот, это Русь осуществляла нападения на империю, целью которых было навязать Византии свое партнерство в области торгово-экономических и военно-политических взаимоотношений.

Не могла Византия всерьез рассчитывать на политический сюзеренитет над Русью и посредством христианизации. Несколько византийских церковных иерархов на всю огромную восточнославянскую страну не в состоянии были обеспечить реализацию имперских амбиций византийского двора. Этому препятствовало и то, что Руская православная церковь изначально строилась как национальная, в пользу чего свидетельствовало церковнославянское богослужение. К тому же, инициатива крещения Киевской Руси, как и поддержание других связей, исходила не столько из Константинополя, сколько из Киева.

Разумеется, Византия была заинтересована в том, чтобы Русь стала христианской страной. Свидетельство об этом содержится уже в летописном рассказе о заключении руско-византийского договора 911 г. После его составления император Лев не только одарил руских послов «златомъ и паволоками и фофудьями», но и приказал показать им «церковную красоту, и полаты златыа и в них сущаа богатство, злата много и паволокы и каменье драгое, и страсти Господня и венець, и гвоздие, и хламиду багряную, и мощи святых, учаще я к вѣре своей и показующе истиную вѣру»[1].

Вторая такая демонстрация красот византийской православной церкви имела место в 988 г., когда в Константинополь прибыло киевское посольство для испытания веры. Службу им провел сам патриарх, облаченный в «святительские ризы». «И иде с ними в церковь, и поставиша я на пространьнѣ мѣстѣ, показующе красоту церковную, пѣнья и службы архиерѣйски, престояние дьяконъ, сказающе имъ служенье бога своего». Когда послы вернулись в Киев, то заявили Владимиру, что когда стояли на службе, то не «свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земле»[2].

---

1 ПВЛ. Ч. 1. – С. 29.
2 Там же. – С. 75.

Дары греков Святославу Игоревичу. Миниатюра Радзивиловской летописи.

И тем не менее, право выбора оставалось за Русью. Об этом говорит летописная повесть о выборе веры Владимиром, как и более ранние свидетельства о переговорах Ольги и Ярополка с представителями римской церкви, указывающие на принципиальную возможность любых решений. Но Владимир и его предшественники склонялись все же к византийскому православию.

Здесь, определенно, сыграла свою роль традиция почти двухсотлетнего проникновения на Русь византийского христианства. Но она была также следствием. Причиной же являлся непререкаемый политический авторитет Византии на международной арене, который она воздвигла собственными усилиями и унаследовала от своего предшественника – Рима. На Руси хорошо знали, что византийцы называли себя римлянами – «ромеями», свою империю «римской», а столицу Константинополь «Новым Римом». Величие прошлого и настоящего Византии, военное могущество и необычайно высокий уровень культуры создавали тот идеал вселенской державы, к которому вожделенно тянулось молодое восточнославянское государство.

Особенно манил к себе руских князей Константинополь, именовавшийся на Руси Царьградом. Получить оттуда царские дары или добыть их силой оружия для многих киевских князей было делом чести. Такой, согласно «Повести временных лет», удостоился первый

киевский князь Кий. «Сей Кий княжаше в родѣ своемь; приходившю ему ко царю, якоже сказають, яко велику честь приялъ от царя»[1]. Киев, таким образом, уже при своем рождении как бы сближался с Константинополем. Императорские дары, в том числе после военных походов, получали Олег, Игорь, Ольга, Святослав. Ничего необычного в этом, разумеется, не было, но летописцы считали необходимым особо выделить эти факты, чтобы таким образом сблизить киевских князей с императорами.

Важным идеологическим обоснованием претензий киевских князей на равенство с императорами, а также на право преемственности византийской власти, явилось освещение визита Ольги в Константинополь. В изложении киевского летописца акт ее крещения значительно перерастает рамки церковного ритуального действа и становится событием большого политического значения. Ольга будто бы поставила условием своего крещения участие в этом обряде в качестве восприемника самого императора. Константин Багрянородный после беседы с Ольгой был восхищен ее разумом и заявил, что она «подобна еси царствати въ градѣ с нами». Акт крещения Ольги был действительно осуществлен императором вместе с патриархом: «И крести ю царь с патриархом»[2]. В крещении Ольга получает имя Елены. «Еѣ же речено имя ей во крещении Олена, якоже и древняя царица, мати Великаго Константина»[3].

Выбором такого крестильного имени (можно думать, не без участия самой Ольги и ее советников) киевская княгиня обретала духовное родство не только с константинопольскими, но и с римскими традициями власти. Византийская дипломатия, скорее всего, не придавала этому событию большого значения, но руская видела в нем особый смысл. Оно побудило киевского летописца даже на сочинение поэтической легенды о неудачном сватовстве императора Константина к Ольге.

На самом деле стремление породниться с императорами исходило от киевских князей. Первым его реализовал Владимир Святославич. Для этого ему пришлось

---

1 Там же. – С. 13.
2 Там же. – С. 44.
3 Там же.

Прием Ольги императором и ее крещение патриархом и императором. Миниатюра Радзивиловской летописи.

осуществить поход на Херсонес и овладеть им. В крещении Владимир принял имя Василий, которое носил византийский император. Заметные успехи византийской политики Владимира, увенчавшиеся крещением Киевской Руси, создали ему необычайно высокий авторитет. Летописцы сочли возможным сравнить киевского князя с римским императором Константином. «Се есть новый Костянтинъ великого Рима, иже крестивъся сам и люди своя; тако и сь створи подобно ему»[1].

Со времен первых летописцев небезразличен вопрос о месте крещения Ольги и Владимира. Некоторые обстоятельства позволяют предполагать, что в обоих случаях это могло произойти в Киеве. В свите Ольги во время ее визита в Константинополь, о чем уже шла речь выше, был священник Григорий, а о крещении Владимира до его похода на Корсунь спорили на Руси уже во времена Нестора. «Се же несвѣдуще право, глаголють, яко крестилъся (Владимир. – *П. Т.*) есть в Киевѣ, инии же рѣша: в Василеве, друзии же инако скажють»[2].

Летописец настаивает на том, что крещение Ольги и Владимира произошло в Византии, на канонической ее территории. Видимо, для руского общественного мнения это было принципиально. Совершение

1 ПВЛ. Ч. 1. – С. 89.
2 ПВЛ. Ч. 1. – С. 77.

таинства крещения князей в стране, от которой Русь приняла новую веру, как бы приобщало их к самим истокам православия. Не случайны здесь и сравнения киевских князей с императрицей Еленой и императором Константином.

В литературе высказывалась мысль о том, что русские князья примеряли на себя даже византийский царский титул. Основанием для этого служили эмоциональные высказывания современников. После беседы с Ольгой византийский император будто бы воскликнул: «Подобна еси царствовати въ градѣ с нами»[1]. Владимир Святославич назван в летописи вторым Константином («Се есть ньвый Константинъ великого Рима»)[2], а его сын Ярослав в поминальной записи на стене Софии Киевской и вовсе поименован царем. («В [лѣто] 6562, мѣсяца фѣвраля 20-го успение царя нашего».)[3] Еще одно свидетельство царственного положения руского князя содержится в Галицкой летописи под 1250 г. в рассказе об унижении Данила Романовича в ставке Батыя. «О злая честь татарьская, – восклицает летописец, – его же отець бѣ царь в Рускои земли..., сынъ же того не прия чести».

Вряд ли этих записей достаточно для утверждения о том, что руские князья имели реальный царский титул. В них, несомненно, эмоциональное восприятие значимости названных князей. В реальной жизни князья никогда таким титулом не обладали. Скорее всего, и не помышляли о нем. Цари правили в Константинополе. Исследовавший этот вопрос Г. Г. Литаврин отметил, что из всех членов византийского «Содружества» только «русские князья никогда официально не посягали на титул василевса – выражение высшего авторитета императора Константинополя в христианском мире».

В византийском содружестве наций лишь болгары имели право на титул равный императорскому. Первым царем – «василевсом болгар» был Симеон, затем его сын Петр. За ним этот титул закреплен мирным договором 927 г. Несмотря на это, византийские авторы предпочитали называть болгарских царей «вождями», «князьями» и «предводителями».

---

1 ПВЛ. Ч. 1. – С. 44.

2 Там же. – С. 89.

3 Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской. К., 1966. – С. 39-40.

Что касается руских князей, то в Византии они имели официальный титул «архонта» или «великого архонта». Ольга названа «архонтессой Руси». Этот титул отражен на печатях со строчными греческими надписями («Мстислав, великий архонт Росии»). Видимо, уже во времена Владимира Святославича этот титул стал официальным для киевских князей. В сообщении о его смерти говорится: «Умре же Володимиръ, князь великий». Великим князем назван также и его сын Ярослав.

Наряду с титулом «великий князь» в исторической письменности встречаются такие определения, как «самовластец» и «единодержец», которые были кальками соответствующих византийских терминов «автократор» и «монократор». К руским князьям летописцы применяли тот же набор харизматических определений, что и греческие хронисты по отношению к своим василевсам. Они «богобоязливые», «правоверные», «христолюбивые», «благоверные».

На монетах, чеканенных Владимиром, он изображен в царском венце и одеждах, однако нет никаких сведений о том, что эти инсигнии у него были. По свидетельству Константина Багрянородного, русы, как и другие варварские народы, часто обращались в Царьград с просьбой прислать им царские одежды и украшения, но всегда получали отказ. В наставлении сыну Роману он писал: «Если потребуют когда-либо и попросят либо хазары, либо турки, либо также росы, или какой иной народ из северных и скифских... послать им что-нибудь из царских одеяний или венцов или мантий ради какой-либо их службы и услуги, тебе надо отвечать: Эти мантии и венцы... изготовлены не людьми». Из дальнейшего текста явствует, что царские одежды и инсигнии имеют божественное происхождение и не могут быть переданы правителям других народов[1].

Как полагал М. А. Алпатов, наиболее ярким памятником, содержавшим антивизантийские настроения на Руси, является «Слово о законе и благодати», и в этом смысле оно представляет собой как бы идейное вступление к летописи[2]. Главный аргумент – отсутствие в перечислении стран, славящих апостолов

1 Литаврин Г. Г. Константин Багрянородный. – С. 274.
2 Алпатов М. А. Русская историческая мысль. – С. 115.

христианства, Византии. В этом ученый увидел попытку перечеркнуть ее монополию в распространении христианства и показать, что оно – всемирное явление.

Вряд ли это замечание справедливое. Монополией на распространение христианства в мире Византия никогда не обладала. Илариону это хорошо было известно, и зачеркивать это ему вряд ли бы пришло в голову. Перечисление стран, и в первую очередь Рима, славящих своих апостолов, Илариону понадобилось как своеобразный зачин для похвалы Владимиру Святославичу, которого он считает, по существу, равноапостольным. «Хвалить же похвальными гласы Римьскаа страна Петра и Паула... Асиа и Ефесъ и Патмъ – Иоанна Богословца, Индия – Фому, Египетъ – Марка. Вся страны и гради, и людие чтуть и славять коегождо ихъ учителя... Похвалимъ же и мы, по силѣ нашеи, малыми похвалами, великаа и давнаа сътворьшааго, нашего учителя и наставника, великаго кагана нашеа земли Володимера»[1].

Здесь нет противопоставления Руси и Византии, как и нет утверждения о несомненном преимуществе первой над второй, что показалось М. А. Алпатову[2]. Наоборот, из продолжения похвалы Владимиру явствует, что христианская вера заимствована им как раз из Византии. «Паче же слышано ему (Владимиру. – *П. Т.*) бѣ всегда от благовѣрьнии земли Гречьскѣ, христолюбиви же и сильнѣ вѣрою... И си слышавъ въждела серцемь, възгорѣ духом, яко быти ему христиану и земли его. Еже и бысть»[3].

Ю. М. Лотман, считавший руско-византийское сотрудничество диалогом, объяснял естественное нарастание неприязни воспринимающей стороны к доминирующей роли просветителей как стремление сохранить духовную независимость[4].

Неоднозначную оценку получило в литературе летописное сказание о посещении апостолом

---

1 Слово о законе и благодати митрополита Илариона// Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб. 2006-2009. Подготовка текста и комментарии А. М. Молдована, перевод диакона Андрея Юрченко. – С. 12.

2 Алпатов М. А. Русская историческая мысль. – С. 116.

3 Слово о законе и благодати. – С. 12.

4 Лотман Ю. М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении//Византия и Русь. – М., 1989. – С. 228-229.

Крещение Владимира Святославича. Миниатюра Радзивиловской летописи.

Андреем днепровских гор. М. Д. Приселков, В. М. Истрин были убеждены в его прогреческом характере[1]. Н. К. Гудзий видел в нем стремление летописцев уравнять Русь и Византию в правах на христианское наследие[2]. М. А. Алпатов решительно склонялся к антивизантийскому толкованию легенды. К этому его побудило умолчание в сказании Константинополя, а также обратный путь Андрея, приведший его не в Константинополь, а в Рим[3].

Людольф Мюллер, посвятивший сказанию летописи о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород обстоятельное исследование, не счел возможным поддержать ни одну из приведенных точек зрения. Путешествие Андрея по Руси, согласно исследователю, предшествовало времени основания им византийской церкви. Следовательно, говорить о зависимости Руской церкви от еще не существовавшей византийской нет оснований. Упоминание же Константинополя в сказании не могло быть по той простой причине, что такого города еще не было. Что

---

1 Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. СПб. 1913. – С. 160-162; Истрин В. М. Очерки по истории древнерусской литературы домосковского периода (XI-XIII вв.) Пг. 1922. – С. 130.

2 Гудзий Н. К. История древнерусской литературы. – М., 1966. – С. 61-63.

3 Алпатов М. А. Русская историческая мысль. – С. 117.

касается упоминания древнего Рима, то оно, как полагает Людольф Мюллер, носит индифферентный характер[1].

С последним выводом согласиться трудно. Рим в сказании не просто пункт на обратном пути Андрея. Это город, где апостол представил своеобразный отчет о своем путешествии в страну славян. Людольф Мюллер считал, что сказание не говорит о миссионерской деятельности Андрея на Руси. В Синопе он проповедует, на Руси молится, благословляет, воздвигает крест[2]. Но грань между этими деяниями апостола столь тонкая, что могла и не различаться рускими летописцами конца XI – нач. XII вв. Посещение киевских гор, их благословление, предсказание рождения большого города и водружение креста апостолом Андреем представлялось им равным проповеди христианской веры. «И заутра въставъ и рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: «Видите ли горы сия? – яко на сихъ горах восияеть благодать Божья; имать градъ великъ быти и церкви многи Богъ въздвигнути имать»[3].

Главный смысл Сказания об Андрее заключен в том, чтобы уподобить Русь Византии в деле обретения христианской веры. Обе наследовали ее от Рима и обе имели единого апостола. Своеобразным выражением тенденции соперничества Киева с Константинополем явилось и то, что на Руси X-XII вв. пользовались особой популярностью не современные ей произведения византийской литературы, а древние хроники.

Заключение церковного союза между Русью и Византией, несомненно, отвечало интересам обеих стран. Византия упрочивала свое положение посредством опоры на регулярную военную помощь Руси. Последняя была предметом обсуждения при заключении практически всех руско-византийских договоров. Известно, что в момент заключения договора 911 г., против критских арабов воевало 700 руских дружинников. В середине X в. гарнизоны руских воинов стояли в ряде крепостей Византии[4].

---

1 Мюллер Л. Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород//Летописи и хроники. 1973. – М., 1974. – С. 53, 60-61.

2 Мюллер Л. Ук. соч. – С. 49.

3 ПВЛ. Ч. 1. – С. 12.

4 Бейлис В. М. Ал-Масуди о русско-византийских отношениях в 50-х годах X в.//Международные связи России до XVII в. – М., 1961. – С. 23.

Из напоминания Константина Багрянородного княгине Ольге следует, что после возвращения на Русь она обещала императору прислать «челядь, воскъ и скъру, и вои в помощь»[1]. В 988 г. (или в 987-м) шеститысячный руский (возможно, варяго-руский) корпус принимал участие в разгроме мятежного Варды Фоки под Хрисополем, а затем и нес военную службу императору.

Но если для Византии союз с Русью был тактический, позволявший получать от киевского правительства регулярную военную помощь, то для Руси – стратегический. Он определил ее цивилизационный путь на столетия вперед. Как справедливо считал Д. Оболенский, благодаря крещению 988 г. Русь вошла в Византийское содружество наций[2]. При этом, он полагал, что это «вхождение» означало признание суверенитета императора Константинополя, пусть и формально. А. А. Васильев объяснял отсутствие договоров между Русью и Византией после крещения 988 г. тем, что в этом уже не было необходимости, так как император рассматривал руских как своих подданных[3]. Еще более категоричен был Ф. Кэмпфер, называвший столицу Руси византийской колонией на Киевских горах[4].

Конечно, это не отвечало реальной действительности. Ни крещение, ни брак Владимира с принцессой Анной не свидетельствовали о том, что Русь тем самым признала над собой политический суверенитет Византии. И тем не менее, какое-то чувство иерархической соподчиненности с Византией на Руси несомненно появилось. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что Константинополь фигурирует в руских письменных источниках почти исключительно как Царьград.

Вместе с христианством на Русь пришли письменность, литература, церковная архитектура и искусство. И речь здесь не просто о византийском влиянии на древнеруское развитие, но, как утверждал

---

1 ПВЛ. Ч. 1. – С. 45.

2 Оболенский Дмитрий. Византийское содружество наций. – С. 738 и сл.

3 Vasiliev A. A. Was Old Russia a Vassal State of Byzantium? // Speculum. v. VII, № 3, july 1932. – P. 350-360.

4 Kämpfer F. Eine Residenz für Anna Porphyrogenneta// Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N. F. Bd. 4. Heft 1. 1983. – S. 101.

Д. С. Лихачев, имеем все основания говорить о «трансплантации византийской культуры на славянскую почву»[1]. И надо сказать, почва эта для нее оказалась весьма благодатной. Православная церковь относительно быстро и органически вошла в рускую жизнь и оказала решающее воздействие на формирование восточнославянской этнической общности.

Не менее существенной была роль византийской церкви и в развитии древнеруской государственности. И что характерно, это изначально понималось Владимиром Святославичем и его боярским окружением. Если внимательно вчитаться в пространную летописную повесть о выборе веры, нетрудно заметить, что для них этот выбор был больше, чем только вероисповедальный. По существу, речь шла об обретении нового строя жизни, основанного на законе. И вовсе не случайно Владимир так настойчиво выспрашивал у миссионеров, прибывавших к нему с предложением принять их веру: «Что есть закон ваш?». Послушав булгарских послов, Владимир заметил: «Нѣсть добръ законъ ихъ». Киевские бояре, соглашаясь на крещение, заявили: «Аще бы лихъ законъ гречьский, то не бы баба твоя приняла»[2].

Нет и малейшего сомнения в том, что, не опираясь на церковь, построенную по образцу византийской, руские князья не смогли бы централизовать государственную власть на всем восточнославянском пространстве.

---

1 Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X-XVII вв. Л., 1973. – С. 20-22.

2 ПВЛ. Ч. 1. – С. 75.

Глава 6

«Княжения» и «грады» накануне образования Руси

Из предшествующих глав видно, сколь большое внимание в историографии уделяется иноземному началу в становлении восточнославянской государственности. В своей совокупности исследования историков создают впечатление, что Русь именно ему и обязана своим рождением. Разумеется, отрицать его участие в восточнославянской истории невозможно, но и считать определяющим нет никаких оснований. Никакое иноземное влияние не способно определить содержание политических процессов общества, если оно не готово их воспринять, если находится на принципиально иной стадии социального развития.

Изучая проблему возникновения древнеруских городов, я обнаружил характерную особенность многих исследований, заключающуюся в последовательном расположении социальных явлений. Сперва возникло государство Русь (разумеется, во главе с варяжскими князьями), а уже затем в ней появляются города[1]. Но это невозможно в принципе. В реальной жизни это был двуединый и синхронный по времени процесс, корни которого уходят в переходную эпоху общественно-политического и социально-экономического развития восточных славян. Собственно, только раннегородские центры и были средоточиями возникающей государственности.

На данной стадии изученности проблемы можно констатировать, что несмотря на региональные отличия и различную интенсивность, государственность на территории расселения восточных славян и их непосредственных соседей развивалась в сходных условиях и характеризовалась рождением более-менее одинаковых структур. Наиболее близкие аналогии ей

1 Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. – К., 1989. – С. 18-19.

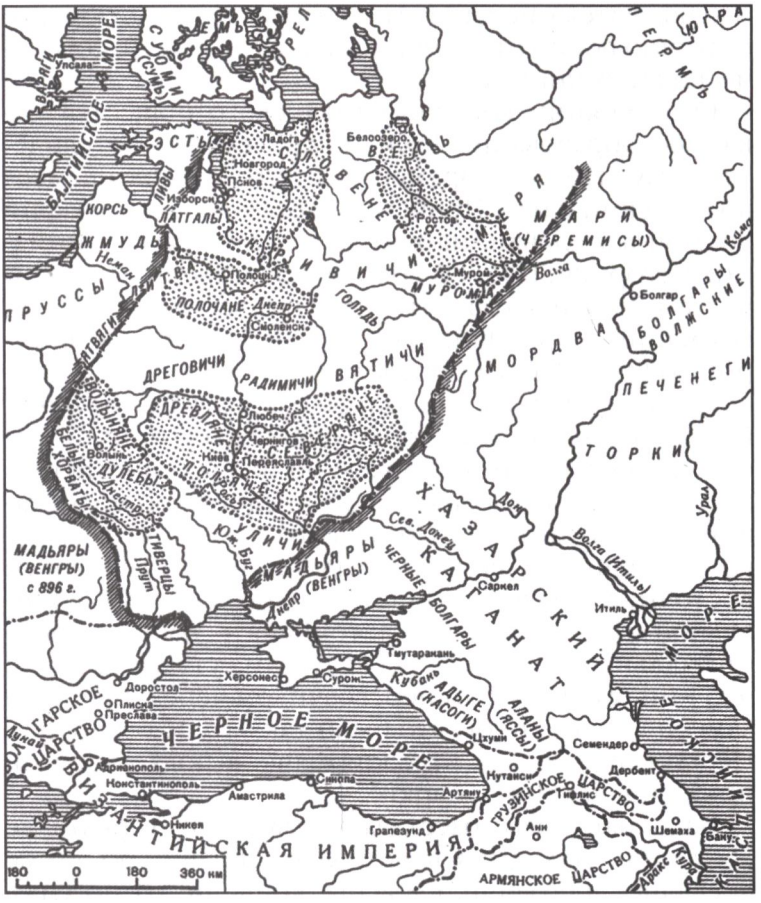
наблюдаются в истории западных славян, которая достаточно полно отражена в письменных и археологических источниках.

О состоянии восточнославянского общества накануне образования Руси можно судить по свидетельству «Повести временных лет», содержащемуся во введении к ней. Причем, не только об этнографии восточных славян, на что всегда обращают внимание историки, но и об уровне общественно-политической организации, что нередко ускользает от их внимания. В большинстве исследований они фигурируют под общим определением «восточнославянские племена», хотя в летописи такого термина и нет. Но зато есть термины «род», «княженье», «князь». Все они присутствуют в рассказе об основании Киева и дают достаточно конкретное представление о стадии общественно-политического развития, на которой находились поляне, северяне и другие группы восточных славян. Причем, определение их социальной статусности для летописца – вопрос принципиальный. Отвечая несведущим, утверждавшим, что Кий был простым перевозчиком через Днепр, он заметил, что если бы это было так, «то не бы ходилъ Царьгороду, но сей Кий княжыше в родѣ своемь и приходившю ему ко царю»[1].

Из дальнейшего рассказа явствует, что в таком же состоянии находились не только поляне, но также древляне, дреговичи, словены, кривичи. «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье в Поляхъ, а в Древляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ иже Полочане, от нихъ же Кривичи же сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра»[2]. Дальше в этом ряду названы еще северяне, бужане и волыняне. Уточнение, что по смерти киевских братьев «почаша родъ ихъ княженье в Поляхъ», указывает на наследственность княжеской власти. «Род» здесь определенно означает правящую династию.

Кроме Кия, летописец приводит также имена Радима и Вьятка, будто бы давших название радимичам и вятичам. Видимо, у северян такими же своими были князья Черные, с которыми местное предание

1 Повесть временных лет. Ч. 1. – С. 13.
2 Там же.

Этнополитическая ситуация в Восточной Европе накануне образования Киевской Руси.

связывает основание Чернигова, у древлян род Мала, а у словен некоего Славена. Следовательно, определения «родъ ихъ» или с «родомъ своимъ» несомненно указывают на племенные правящие княжеские династии. Отношение к этим летописным свидетельствам в исторических исследованиях чаще всего недоверчиво-скептическое, как к мифологическим преданиям. И надо сказать, несправедливое. Речь здесь не столько о персонажах ранней политической истории восточных славян, сколько о явлении.

Исследователи уже давно пришли к согласному выводу, что восточные славяне «Повести временных лет» это не мелкие родовые образования, а крупные

территориальные объединения – союзы племен. Д. Я. Самоквасов называл их племенными княжениями – государствами, которых в преддревнеруский период он насчитывал двенадцать[1]. В последующем историки стали широко пользоваться этим определением, иногда, правда, выдавая его за свое изобретение.

Меньше единодушия относительно времени существования этих «племенных княжений». И тем не менее, отнесение их к VI-VII вв., предложенное Б. А. Рыбаковым, по существу, серьезно никем не оспорено. Если говорить о верхней дате, то она может быть определена IX-X вв.

Надо сказать, что в свидетельствах наших летописей о социальном статусе восточнославянских объединений нет ничего, что бы не находило подтверждения в известиях византийских или арабских авторов. В частности, удивительная параллель летописному рассказу о визите Кия в Царьград находится у Прокопия Кесарийского. В «Истории войн» он сообщил о некоем военачальнике Хильвудие, который на четвертом году правления императора Юстиниана I (527-563 гг.) был назначен стратигом Фракии для охраны дунайской границы. В одной из битв со склавинами он, согласно Прокопию, был убит, однако позже как будто объявился у славян-антов. Представился бывшим ромейским полководцем, но уверял, что «родом он и сам ант».

Согласно исследованию Г. Г. Литаврина, второй Хильвудий был самозванцем, или Псевдо-Хильвудием, что в данном случае не столь уж принципиально[2]. Важно то, что именно с этим (вторым) Хильвудием Юстиниан вел переговоры о том, чтобы анты поселились в «древнем городе под названием Туррис, который лежит за рекой Истр». Анты согласились, но поставили условие, чтобы император вновь назначил Хильвудия ромейским полководцем. Что касается Хильвудия – стратига Фракии, то по Г. Г. Литаврину, рассказ Прокопия дает все основания для вывода, что он, обеспечивавший безопасность Фракии в 530-533 гг., был родом ант и оказался среди челядинов Юстиниана,

1 Самоквасов Д. Я. Происхождение русского народа. – М., 1908. – С. 6.

2 Литаврин Г. Г. О двух Хильвудиях Прокопия Кесарийского. ВВ. 1986. Т. 47.

доказав ему свою преданность и заслужив к 530 г. большое доверие императора[1].

Не правда ли, все это близко к сообщению «Повести временных лет» о попытке Кия сесть на Дунае? «Идущю же ему вспять, приде къ Дунаеви, и възлюби мѣсто и сруби градокъ малъ, хотяще сѣсти с родомъ своимъ и не даша ему ту близъ живущии, еже и доныне наречють Дунайци городище Киевець»[2].

Близость историй, связанных с антом Хильвудием и полянином Кием, как представляется, не может быть объяснена простой случайностью или сюжетным заимствованием. Нестор Прокопия, определенно, не читал. Она, скорее всего, в общности истории антов и полян. Собственно, поляне, как еще, по-видимому, уличи и тиверцы, и были этими самыми антами. Глухие свидетельства этому содержатся в «Повести временных лет». Согласно ей, поляне не являлись коренными жителями Киевского Поднепровья. «Тако же и ти словѣне пришедша и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася поляне»[3]. Последующие летописные разъяснения свидетельствуют о первоначальном (или промежуточном) их проживании в поле. От того и получили свое название. «Полями же прозвани быша, зане в поли сѣдяху»[4]. Чтобы не было сомнения в этничности полян, летописец отметил, что хотя они и жили (раньше) в поле, язык у них был славянский: «Но словенскаа рѣчь бѣ»[5]. Кроме летописи, о южном происхождении полян свидетельствуют и археологические материалы Киева, в частности ювелирные изделия, которые очень близки к найденным раскопками Пастырского городища[6].

В княжеском титуле Кия можно усмотреть некоторую ретроспекцию, что многие и утверждают, но оказывается, что и в этом летописец не одинок. Византийский автор Менандр Протектор, рассказывая о посольстве антов во главе с Мезамиром к аварам, называет его византийским термином «архонт».

---

1 Литаврин Г. Г. Византия и славяне. СПб., 1999. – С. 556.
2 ПВЛ. Ч. 1. – С. 13.
3 ПВЛ. Ч.1. – С. 11.
4 Там же. – С. 23.
5 Там же.
6 По мнению В. В. Седова, поляне первоначально были новообразованием праславянской племенной группировки дулебов. (Чит.: Седов В. В. Древнерусская народность. – М., 1999. – С. 82.) К сожалению, подтвердить такое предположение нечем.

При этом утверждает, что он был одним из архонтов антов[1]. Время, в которое происходили отмеченные события – 60-е годы VI в. Еще об одном славянском (антском) вожде по имени Ардагаст сообщает Феофилакт Симокатта. Говорит также и о «подвластной» ему «стране». К славянским правителям византийцы применяли также титулы «рикса», главы военно-территориального союза, и «филарха» – предводителя войска[2]. В рассказе о «Чудесах св. Дмитрия Солунского» говорится о бесчисленном множестве славян и их архонтах[3]. С ними в 768-769 гг. вел переговоры император Константин[4].

Определенное представление об Антском союзе племен можно составить из свидетельства хроники Фредегара VII в. о государстве Само. Согласно ей, образовали его венеды, избрав над собой королем франка Само. Территориально государство это охватывало Южную Моравию, Чехию, Юго-Западную Словакию и Нижнюю Австрию. Было недолговечным образованием и распалось со смертью (660 г.) своего создателя. К началу VII в., как известно, исчезают и упоминания об антах, что дало основание исследователям относить к этому времени распад Антского союза. На смену ему пришли менее крупные раннегосударственные образования восточных славян.

Подтверждением сказанному может быть свидетельство арабского географа первой половины X в. Аль-Масуди о славянском союзе волынян, которому подчинялись все остальные славянские племена, а их царем был некий Маджак. «Из этих племен одно имело прежде в древности власть (над ними), его царя называли Маджак, а само племя называлось Волинана. Этому племени в древности подчинялись все прочие славянские племена»[5]. Из продолжения рассказа явствует, что этот мощный союз был недолговечным и

---

1 Левинская И. А., Тохтасьев С. Р. Менандр Протектор//Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. – М., 1994. – С. 317.

2 Иванов С. А. Феофилакт Симокатта//Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. – М., 1995. – С. 21-35.

3 Иванова О. В. Чудеса св. Дмитрия Солунского//Указ. соч. Т. 2. – С. 163.

4 Литаврин Г. Г. Патриарх Никифор//Указ. соч. Т. 2. – С. 235-246.

5 Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). – СПб., 1870. – С. 136.

вскоре распался на отдельные племена. «Мы уже выше рассказали про царя, коему повиновались в прежнее время остальные цари их, то есть Маджак, царь волинаны, которое племя есть одно из коренных племен славянских, оно почитается между их племенами и имело превосходство между ними. Впоследствии же, пошли раздоры между их племенами, порядок их был нарушен, они разделились на отдельные колена, и каждое племя избрало себе царя»[1]. Второе славянское племя, которое также имело своего царя Вандж-Слава, названо у Масуди «Дулаба», в котором угадываются летописные дулебы.

Аль-Масуди не был современником рассказанных им событий славянской истории. Они, по его же уточнению, имели место «в древности» или «в прежнее время». Как полагал А. Я. Гаркави, Масуди писал о славянах и русах на основании заимствованных сведений у писателей, живших до него. В большей мере у Аль-Харрами (40-е годы IX в.), который первым в арабской литературе сообщил подробные сведения о славянах, а также у Ибн-Хордадбеха и других более ранних авторов[2].

В свое время, анализируя свидетельства Аль-Масуди, В. О. Ключевский счел возможным связать их с известиями о дулебах и волынянах, содержащимися в «Повести временных лет», и высказать предположения, что в обоих речь идет о древнейшем восточнославянском государстве. О времени его существования прямых сведений нет. На основании косвенных, в частности, указания летописи на примучивании дулебов обрами (аварами) во времена византийского императора Ираклия, а также о том, что места их расселения затем заняли волыняне, являющиеся, по-видимому, теми же дулебами, можно предположить, что все это происходило в VI-VII вв. Как утверждал В. О. Ключевский, военный союз дулебов можно поставить в самое начало нашей истории[3]. Разумеется, государственно-политической.

Процессы консолидации восточных славян, протекавшие в условиях постоянной военной опасности со стороны кочевников, вызвали к жизни новую форму

1 Там же. – С. 137-138.

2 Там же. – С. 31, 120, 161.

3 Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1. – М., 1937. – С. 102-105.

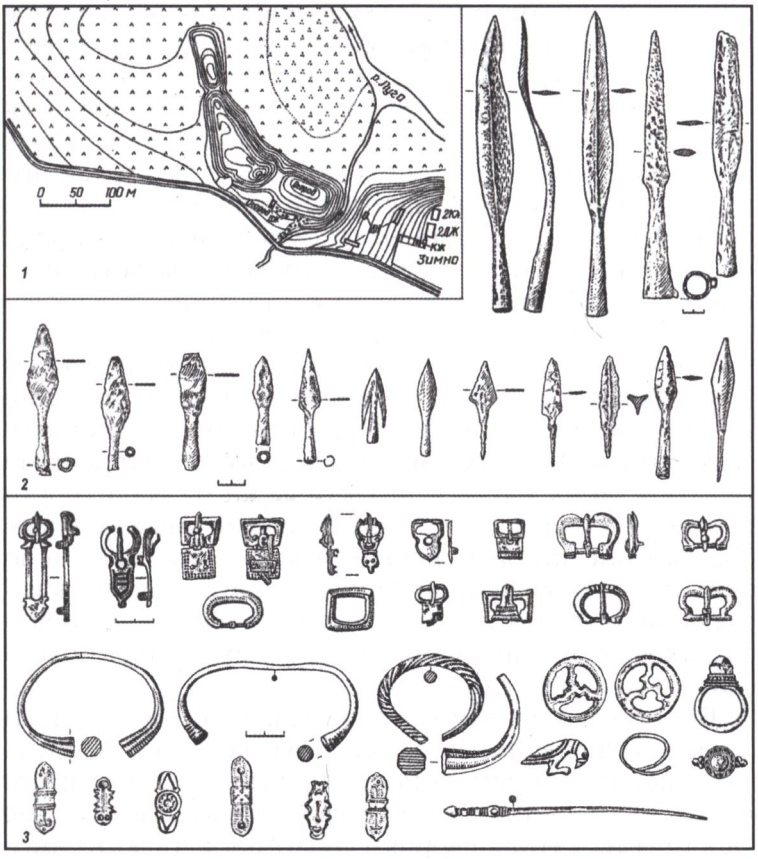
поселений. В летописи она получила наименование «град». В рассказе Нестора об основании Киева читаем: «И створиша градъ во имя брата своего старѣишаго». Говоря о расселении уличей и тиверцев, летописец замечает, что «сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря, и суть гради их и до сего дне»[1]. Спускавшиеся вниз по Днепру Аскольд и Дир «узрѣста на горѣ градок».

Из кратких летописных сообщений невозможно составить представление о том, что представляли собой эти ранние «грады». Можно лишь предполагать, что они были, в первую очередь, административными (политическими) средоточиями племен или союзов племен, а также военными крепостями в пограничных районах. Недостаточность письменных данных компенсирует археология, открывшая остатки таких «градов» практически на всей территории расселения восточных (и западных) славян. Типологически они очень близки между собой и во всех случаях являлись точками роста восточнославянской государственности. Остановимся на некоторых из них, ставших известными благодаря археологическим исследованиям.

Наиболее древним восточнославянским «градом» является Зимно, находящееся в 5 км от г. Владимира-Волынского. Укрепленное поселение, от которого осталось городище, занимало возвышенный мыс (до 16 м над уровнем реки Луги) площадью немногим более 0,5 га. Многолетними стационарными раскопками, осуществленными львовским археологом В. В. Аулихом, на городище выявлены: оборонительные конструкции в виде вала и частокольной стены по нему, остатки жилых, хозяйственных и производственных сооружений, изделия из железа, цветных металлов. Среди металлических предметов особый интерес представляет ремесленный инструментарий, большое количество предметов вооружения, а также серебряные и бронзовые украшения. Свидетельством местного производства большинства из них, кроме кузнечного и ювелирного инструментария, являются каменные литейные формочки, а также заготовки для производства серебряных и бронзовых браслетов[2]. Керамический комплекс

1 Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1. – М., 1937. – С. 102-105.

2 Ауліх В. В. Зимнівське городище. – К., 1972. – С. 5.

Городище Зимно. 1 — ситуационный план; 2 — предметы вооружения; 3 — ювелирные изделия.

городища типичный для памятников корчакской археологической культуры.

Хронология этих и других категорий вещей, тщательно разработанная В. В. Аулихом с привлечением широкого круга аналогий, укладывается в рамки VI-VII вв[1]. Жизнь зимновского «града» в эти века подтверждается также и находкой на городище византийской монеты Юстиниана I[2]. Зимно погибло в огне. Предметы вооружения, найденные на склонах мыса, человеческие скелеты с рассеченными костями и отрубленными головами, позволяют полагать,

1 Там же. – С. 89.

2 Ю. В. Кухаренко определял верхнюю дату Зимновского городища VIII в. (Кухаренко Ю. В. Средневековые памятники Полесья. – М., 1961. – С. 9.)

что это случилось во время крупного вражеского, вероятно, аварского нападения[1].

По мнению В. В. Аулиха, Зимно представляло собой административный и ремесленный центр одного из племен Дулебского союза[2]. Позже В. В. Седов высказал предположение, что здесь мог находиться политический центр племенного союза, что представляется более реалистичным[3]. Большое количество найденного на городище вооружения (наконечники копий и сулиц, наконечники стрел, топоры-чеканы), а также поясных и портупейных конских пряжек, удил указывает на то, что в Зимно находился значительный гарнизон профессиональных дружинников. О высоком социальном ранге зимновского «града» свидетельствует также большое количество ювелирных серебряных и бронзовых украшений – различных нашивных бляшек, перстней, височных колец, браслетов с расширяющимися концами, булавок для волос, пинцетов, подвесок-бубенчиков и других предметов[4].

Еще одно раннесредневековое городище в верховьях Западного Буга, вблизи хутора Плисненск, исследовано львовскими археологами И. Д. Старчуком, А. А. Ратичем, И. К. Свешниковым, а также киевскими археологами В. К. Гончаровым и М. П. Кучерой. Из обобщающей публикации последнего следует, что первый этап жизни этого укрепленного центра относится к VII-VIII вв. Культурный его слой характеризуется углубленными жилищами с печами-каменками в одном из углов, керамическими кружальными горшками, орнаментированными пучками прямых и волнистых линий, трехлопастным наконечником стрелы, наконечником железного копья, а также железной шпорой с крючкообразными концами. К этому времени, возможно, относятся глиняные тигельки со следами застывшей бронзы, имеющие аналогии на Новотроицком городище. Аналогии шпоре находятся в древностях VII-VIII вв. Польши, а трилопастной стреле – в материалах Вознесенского клада в Надпорожье, Новопокровского могильника

1 Ауліх В. В. Зимнівське городище. – С. 29-30, 110.
2 Там же. – С. 107-110.
3 Седов В. В. Восточные славяне в VI-XIII вв. – М., 1982. – С. 14.
4 Там же. – С. 62-73.

VII-VIII вв. на Харьковщине, а также Пастырского городища[1].

Типологически близкие памятники, синхронные Зимновскому и Плисненскому городищам, выявлены на севере Волыни и в Белоруссии. Наиболее известное среди них городище Хотомель в Брестской области. Находится оно на невысоком мысу размером 30 х 40 м, окруженному с трех сторон рекой и ее болотистой поймой. С западной, напольной стороны, находятся две линии дугообразных валов. Судя по мощной зольно-угольной прослойке, идущей по периметру городища, жилые и хозяйственные постройки располагались по кругу. К укрепленному поселению примыкало неукрепленное селище, на котором выявлены полуземляночные жилища, а также керамика, аналогичная городищенской. Металлические находки здесь не столь многочисленны, как в Зимно, но также достаточно презентабельные. Это железные наконечники копий и стрел, обломок серебряного браслета, серебряное височное кольцо, железная пряжка, двухшипные наконечники стрел с перевитой втулкой, железное трапециевидное кресало и др. Наличие на городище раннегончарной керамики дало основание Ю. В. Кухаренко датировать время существования Хотомельского укрепленного поселения VI-VIII вв[2].

К кругу первичных восточнославянских «градов» принадлежало также укрепленное поселение Тушемля на Смоленщине. Располагалось на отроге коренного берега реки Сож, возвышающегося над поймой на 17-18 м. Занимало площадь 32 х 35 м. С напольной стороны было укреплено тройной линией валов, с пойменной – одной линией. Памятник многослойный, однако верхний, согласно П. Н. Третьякову, датируется VI-VII вв[3]. Раскопки показали, что жилища на нем располагались вдоль внутреннего периметра укреплений, представляя с ними единое конструктивное целое. В юго-западной части городища открыто крупное святилище.

---

1 Кучера М. П. Древній Пліснесак//АП УРСР. – К., 1962. – С. 20-21, 32-34, 46.

2 Кухаренко Ю. В. Средневековые памятники Полесья. – М., 1961. – С. 8-10.

3 Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. – М.-Л., 1963. – С. 42, 43.

Из вещественных находок преобладала лепная керамика. Железные вещи обнаружены в одиночных экземплярах. По мнению П. Н. Третьякова, это укрепление в последний период жизни не являлось местом постоянного обитания, а служило убежищем на случай военной опасности. Принадлежало, возможно, одному из восточнобалтских племен[1]. Согласно Я. В. Станкевич, памятники, подобные Тушемли, оставлены восточнославянским населением[2].

Археологическими исследованиями выявлено еще ряд укрепленных поселений, которые датируются VII-VIII вв. Это Битица в Сумской области, Пастырское – в Черкасской, Изборск – в Псковской. Как и более ранние, они также типологически и по инвентарю близки между собой.

Битицкое городище находится в 2 км от села Битица и занимает один из отрогов высокого (до 35 м) коренного берега реки Псел. Длина его по оси север-юг достигает 500 м, средняя ширина отрога – около 200 м. Общая площадь, заключенная высоким земляным валом и рвом, достигает 5 га. Раскопками И. И. Ляпушкина здесь открыты наземные и полуземляночные жилища, найдена лепная и кружальная керамика, изделия из железа, а также ювелирные украшения[3]. В 1984 г. экспедицией Института археологии АН УССР был обнаружен большой клад, находившийся вблизи исследованного жилища и состоявший из орудий труда и ювелирных украшений. В него входили: восемь серпов, две косы-горбуши, два топора, скобель, ложкорез, долото, нож, 96 разноцветных стеклянных и пастовых бус, 26 бронзовых пронизок, два бронзовые и один электровый бубенчики[4]. Анализ керамического комплекса, осуществленный С. П. Юренко, показал, что гончарная керамика в нем достигает 55-65 %

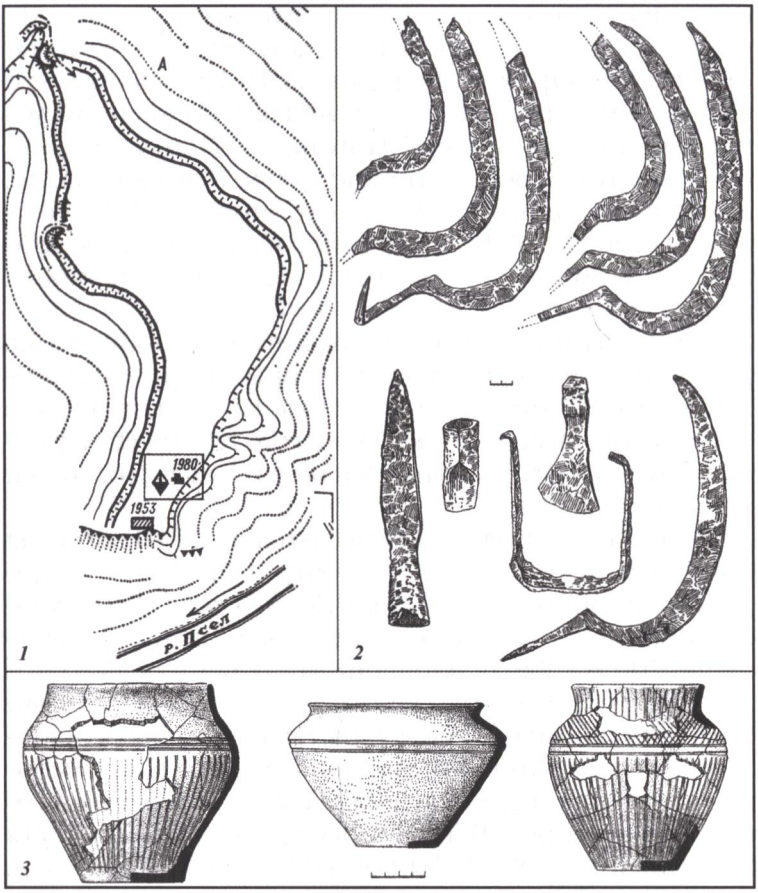
---

1 Там же. – С. 39.

2 Станкевич Я. В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. – МИА, № 76, М.-Л., 1960. – С. 97.

3 Ляпушкин И. И. Славянские памятники второй половины I тыс. н. э. верхнего течения р. Десны//КСИИМК – 1959. Вып. 74. – С. 81-86.

4 Сухобоков О. В., Вознесенская Г. А., Приймак В. В. Клад орудий труда и украшений из Битицкого городища//Древние славяне и Киевская Русь. – К., 1989. – С. 95.

Битицкое городище. 1 — ситуационный план; 2 — орудия сельскохозяйственного производства; 3 — гончарные изделия.

от всего ее количества. Хронологически она может быть отнесена к позднему этапу волынцевской культуры[1].

По поводу этноисторической и социальной интерпретации Битицкого городища среди исследователей не сложилось единого мнения. Д. Т. Березовец, исходя из высокого процента кружальной керамики и наличия следов юртообразных построек, полагал, что здесь мы имеем дело с опорным пунктом

1 Юренко С. П. Волынцевская культура//Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тысячелетии н. э. – К., 1985. – С. 123-124.

хазарского господства над славянским населением[1]. О. В. Сухобоков видел в Битице не центр хазарского властвования, а один из опорных пунктов на торговом пути из Хазарии в Прибалтику со смешанным славяно-салтовским населением[2].

Делать однозначный вывод не позволяет слишком небольшая источниковая база. Несмотря на очевидную значимость Битицы для выяснения предгосударственной истории восточных славян, исследована она все еще слишком фрагментарно. Нахождение этого памятника в самой гуще восточнославянского северянского массива скорее указывает на его органическую связь именно с ним, а не с хазаро-салтовскими соседями. Раскопки памятников салтово-маяцкого круга не свидетельствуют об их тождестве с памятниками волынцевской культуры. Определенная близость их керамических комплексов может быть объяснена и элементарным культурным влиянием. Собственно, близкую ситуацию можно наблюдать и на других волынцевских памятниках, в том числе и на самом Волынцеве, где также достаточно высок процент кружальной керамики.

В социальном отношении Битицкое укрепленное поселение, скорее всего, было не только ремесленным и торговым, но и военно-административным средоточием, где находился северянский князь и его дружина. О том, что в обществе, создавшем волынцевскую культуру, уже были профессиональные воины, свидетельствуют находки в курганах Волынцевского могильника кусков кольчужной ткани, а также оковки ножен мечей[3].

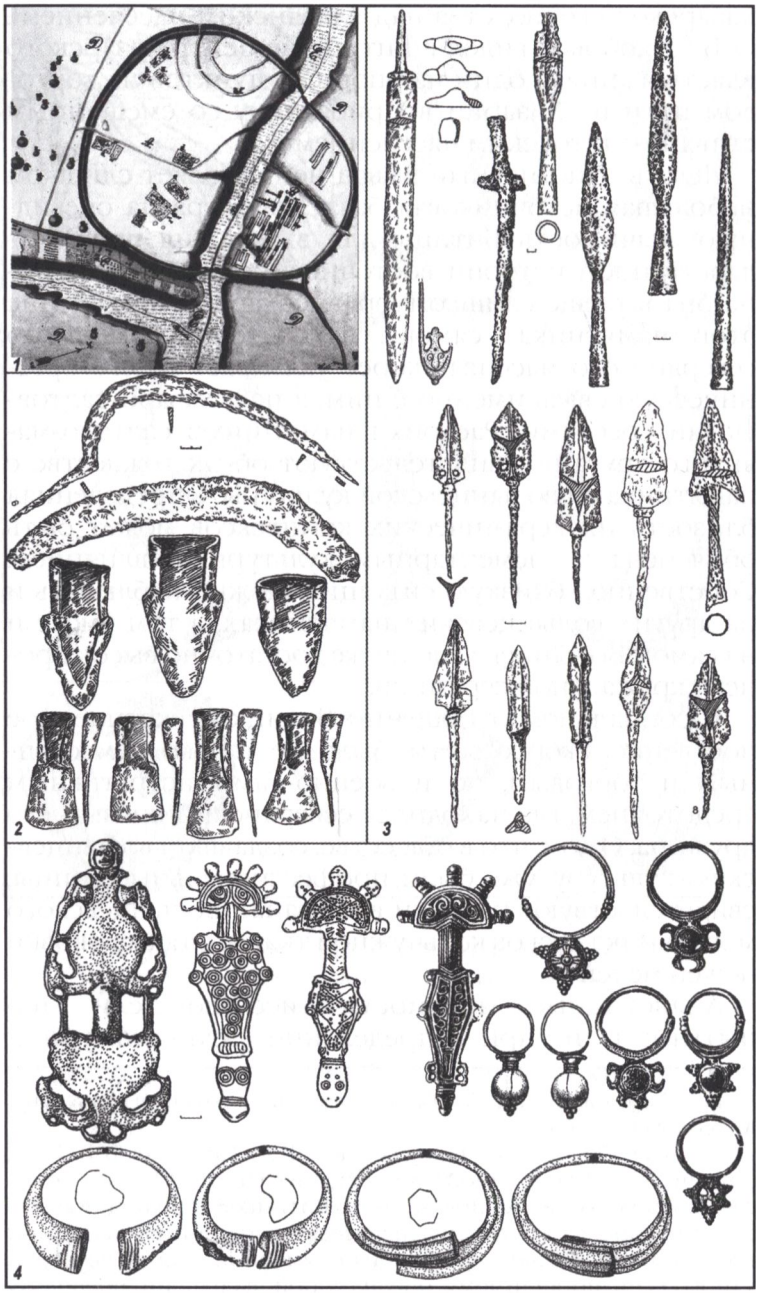
Аналогичные трудности исследователи испытывают и при определении этнокультурной

---

1 Березовець Д. Т. Слов'яни й племена салтівської культури// Археологія. – 1965. Вип. 19. – С. 55-56.

2 Сухобоков О. В., Вознесенская Г. А., Приймак В. В. Клад орудий... – С. 104. В одной из последних работ О. В. Сухобоков счел возможным интерпретировать Битицкое городище как поселение городского типа, являвшееся «выражением хазарской экспансии в пределах славянской ойкумены во второй четверти VIII в.». Речь, по-видимому, о культурной экспансии, поскольку выше говорится, что Битицкое городище – одно из немногочисленных самых ранних славянских городищ. (Сухобоков О. В. «Земля незнаема»: Население бассейна Среднего Псла в X-XIII вв. – К., 2012. – С. 275.)

3 Березовець Д. Т. Дослідження на території Путивльського району Сумської області. – АП УРСР. Т. III. К., 1952. – С. 248.

Пастырское городище. 1 — ситуационный план; 2 — орудия сельскохозяйственного производства; 3 — предметы вооружения; 4 — ювелирные изделия.

принадлежности Пастырского городища. Согласно М. Ю. Брайчевскому, материальный комплекс этого поселения генетически берет свое начало в черняховской археологической культуре. Д. Т. Березовец видел в Пастырском «граде» салтовский опорный пункт, место пребывания хазарского наместника. П. Н. Третьяков рассматривал его как славянский центр гончаров, ювелиров и кузнецов[1]. С ним солидарен основной исследователь городища О. М. Приходнюк, обобщивший материалы всех раскопочных лет в превосходной монографии «Пастырское городище», явившейся своеобразным его археологическим завещанием. Проведя тщательный анализ всего вещевого комплекса, выявленного на городище, он пришел к выводу, что перед нами укрепленный общинный ремесленный центр, где работали профессиональные кузнецы, ювелиры и гончары, обслуживавшие население Среднего Поднепровья своей продукцией[2].

Из всех известных до сих пор городищ третьей четверти I тыс. н. э. на восточнославянских землях Пастырское выделяется не только своими размерами, но и чрезвычайно богатым вещевым материалом. В плане городище имеет грушеподобную форму и по всему периметру окружено валом и рвом. Считалось, что это остатки укреплений еще скифского времени, однако, как убедительно показал О. М. Приходнюк, в раннеславянское время они были обновлены. Поселение разделено рекой Сухой Ташлык на две неравные части: левобережную, площадью 5 га, и правобережную, площадью 15 га. Наряду с жилыми и хозяйственными постройками, на городище обнаружен огромный вещевой материал.

Это керамика, лепная и кружальная, орудия сельскохозяйственного производства (наральники, мотыги, косы-горбуши, серпы, пружинные ножницы, топоры), предметы вооружения (меч, сабля, наконечники копий и стрел, боевые топоры), ремесленный инструментарий (клещи, ножницы для резки

1 Брайчевский М. Ю. Дополнение к публикации Пастырского клада 1979 г.//СА. – 1957. – № 1. – С. 118; Березовець Д. Т. Слов'яни й племена салтівської культури//Археологія. Т. XIX. – С. 55; Третьяков П. Н. Что такое «пастырская культура?»//СА. – 1971. – № 4. – С. 108-109.

2 Приходнюк О. М. Пастирське городище. Київ–Чернівці. 2005. – С. 20, 79.

металла, наковальни, ложкорезы, долота), ювелирные серебряные и бронзовые украшения (пальчатые и антропо-зооморфные фибулы, наручные браслеты с расширяющимися концами, серьги-подвески)[1].

Перечисленные категории вещей находились не только в жилых усадьбах или в ремесленных мастерских, но и в составе кладов, иногда очень богатых. Таким, в частности, был клад, найденный в 1949 г., который состоял из 200 изделий ювелирного ремесла. Среди них: серебряные фибулы и браслеты с расширяющимися концами, перстни, подвески, кулоны. Всего удалось обнаружить пять кладов женских украшений, изготовленных в основном из серебра[2].

Чрезвычайно важными для социальной характеристики Пастырского укрепленного поселения имеют находки вооружения, а также металлического портупейного набора, которые однозначно указывают на наличие в нем военной дружины. В связи с этим, трактовка Пастырского, как только общинного ремесленного центра, кажется несколько зауженной и неполной. Думается, есть все основания считать его также административно-политическим средоточием одного из восточнославянских союзов племен. По-видимому, Антского, с которым исследователи связывают пеньковскую археологическую культуру. В пользу этого свидетельствует, в частности, стиль пастырского ювелирного ремесла, корни которого, согласно А. К. Амброзу, О. М. Приходнюку и другим исследователям, находились в византийском Подунавье[3]. Это же относится и к портупейной фурнитуре, которая также провинциально византийская по своему происхождению.

Предложенный вывод не покажется слишком экзотическим, если учесть, что анты в продолжение нескольких веков активно взаимодействовали с Византией; осуществляли военные набеги на северные имперские владения, нанимались на военную службу, вели дипломатические переговоры. С 545-го по 612 гг. анты пребывали с Византией в союзных

---

1 Там же. – С. 124-155.

2 Там же. – С. 51-55.

3 Амброз А. К. К происхождению днепровских антропозооморфных фибул//РА. – 1993. – № 4. – С. 179-183.; Приходнюк О. М. Пастырское городище. – С. 70-73.

отношениях. Возможно, находились на положении ее федератов. Об этом можно судить на основании того, что некоторые императоры дополняли свой титул эпитетом «Антский». Последним, кто употреблял его, был император Ираклий. Из этого следует, что существование Антского союза было более продолжительным, чем это казалось многим исследователям на основании того, что после 602 г. византийские хронисты больше не упоминают антов в своих сочинениях.

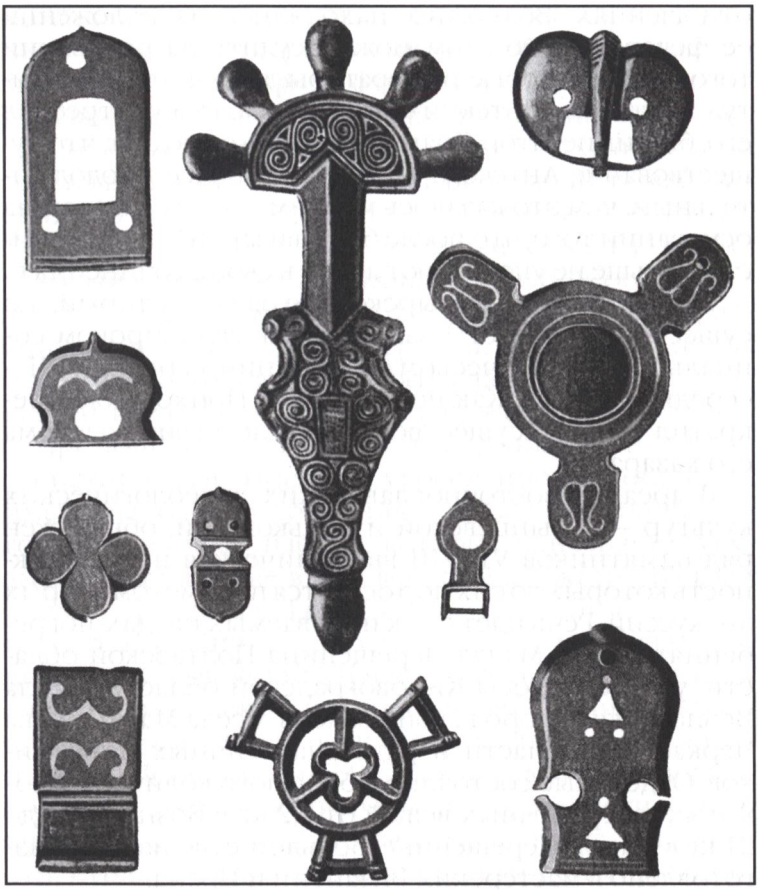
Время жизни Пастырского «града», который, по существу, соответствовал городу в его широком социально-экономическом содержании, середина VII – середина VIII вв. Как полагал О. М. Приходнюк, прекратил он свое существование вследствие разгрома его хазарами.

В ареалах восточнославянских археологических культур – волынцевской и пеньковской, обнаружен ряд памятников VII-VIII вв., этническая принадлежность которых до сих пор остается предметом острых дискуссий. Речь идет о так называемых кладах-погребениях у села Малая Перещепина Полтавской области, у села Гладосы Кировоградской области, у села Вознесенка Запорожской области, у села Мартыновка Черкасской области и ряде аналогичных памятников. Отдельные состояли из большого количества золотых и серебряных вещей от 1,2 кг в Вознесенке до 21 кг в Малой Перещепине. Большинство изделий изготовлено в мастерских Византии и Ирана.

М. И. Артамонов полагал, что так называемая перещепинская культура является хазарской, и ее появление в Поднепровье стало следствием вторжения в эту область именно хазар. Клады-погребения принадлежали тюркским вождям, возглавлявшим хазарские воинские отряды. Согласно Д. Т. Березовцу, клады Мартыновский, Перещепинский, Вознесенский и Глодосский оставил в Поднепровье народ «Рос», имевший непосредственное отношение к хазарам и салтовской культуре. И. Вернер, а также Ч. Балинт, относили комплекс у села Малая Перещепина к захоронению князя Великой Болгарии Куврата (умер в 668 г.)[1].

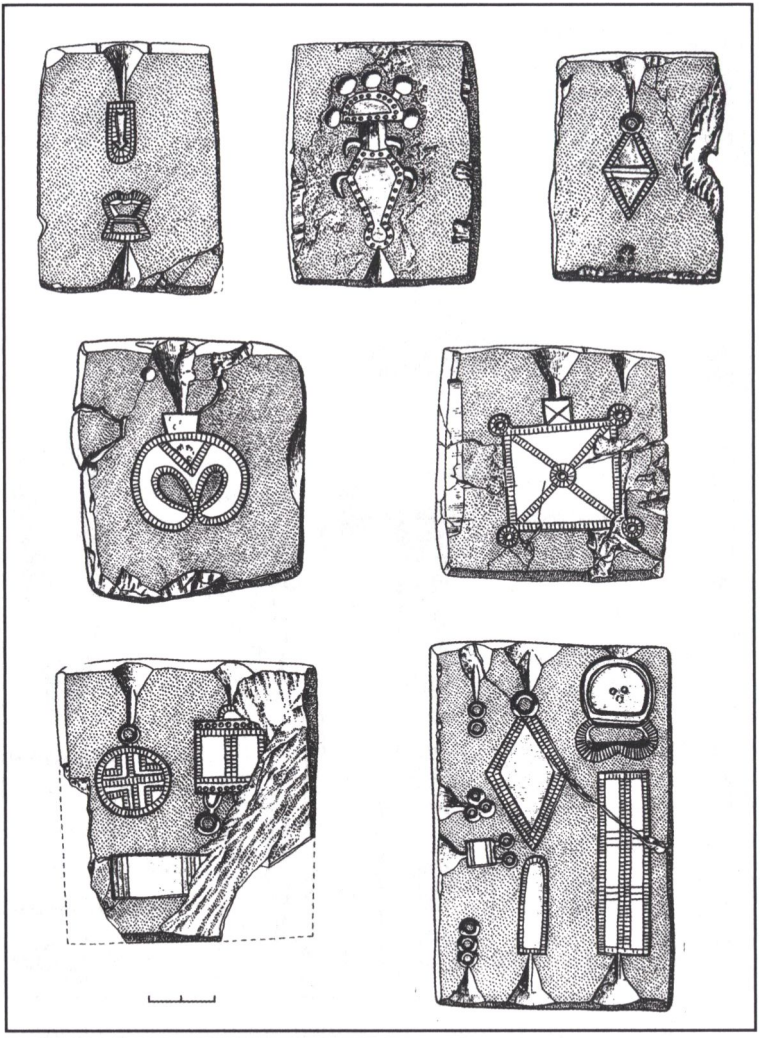
1 Werner I. Der Grabung von Malaja Perescepina und Kuvrat kagan der Bulgaren. München. 1984.; Балинт Ч. О принадлежности находки в Малой Перещепине Куврату//Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. – К., 1996. – С. 55.

Ювелирные вещи из Мартыновского клада.

Высказанные предположения представляются возможными, но не безусловными. Возникает, в частности, вопрос, каким образом Куврат или другие тюркские вожди оказались далеко от своих кочевий в регионе расселения восточных славян. Не убедительным выглядит и утверждение, что тюрков-кочевников выдает ирано-византийский набор вещей, награбленных ими во время совместного похода с сасанидами в 626 г. на Константинополь. Но ведь точно таким же образом ирано-византийские вещи могли попасть и к славянским вождям, которые осуществляли походы на Византию[1]. К тому же, некоторые вещи этих

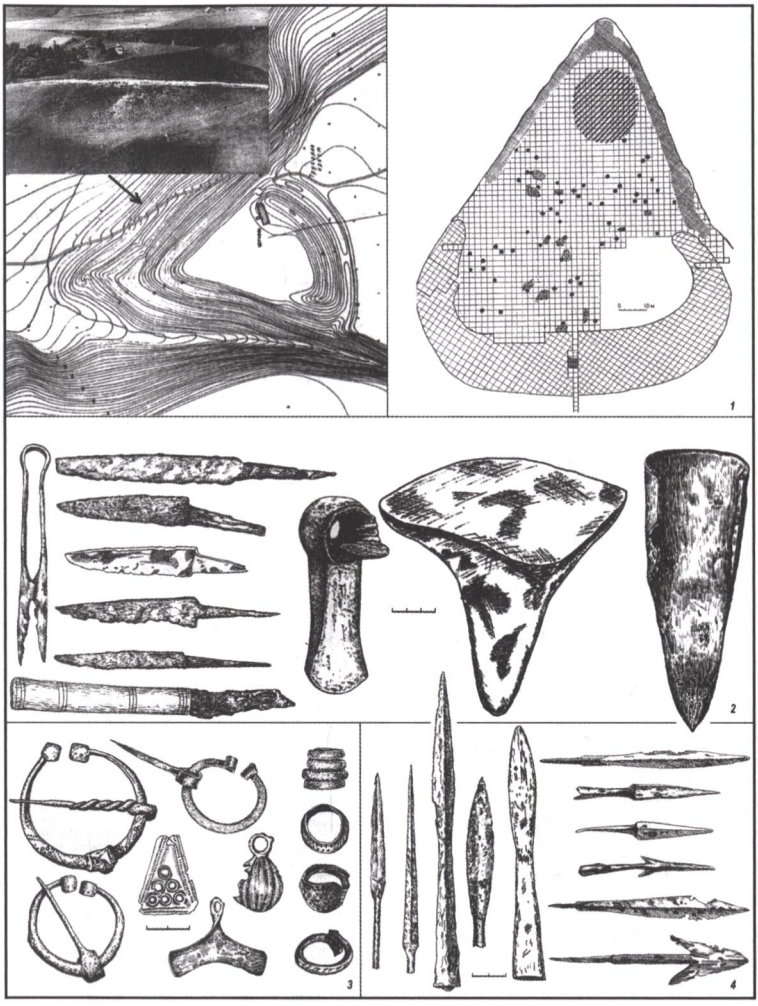
1 Приходнюк О. М., Падин В. А., Тихонов Н. Г. Трубчевский клад антского времени//Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. – К., 1996. – С. 92-94.

Поселение Бернашевка. Литейные формочки из ювелирной мастерской.

кладов, прототипы которых находились в Крыму, Подунавье и Византии, могли быть изготовлены и местными ювелирами. Речь идет о пальчатых и зооморфных фибулах, зооморфных и антропоморфных нашивных пластинах, мастерские по изготовлению которых функционировали в Пастырском на Черкасчине и Бернашовке на Виннитчине[1].

1 Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. – К., 1999. – С. 41-42.

Изборское городище. 1 — ситуационный план и план застройки; 2 — орудия сельскохозяйственного производства; 3 — ювелирные изделия; 4 — предметы вооружения.

Об открытии в Бернашовке, сделанном И. И. Винокуром, следует сказать особо. И прежде всего, потому, что оно благополучным образом разрешило длительную дискуссию археологов о том, имелось ли у восточных славян собственное производство пальчатых фибул и других ювелирных украшений VI-VII вв., генетически восходящих к подунайским и крымским древностям. Ювелирная мастерская находилась в постройке столбовой конструкции с печью-каменкой и керамическим комплексом первой половины VI в.

Автору раскопок удалось выявить здесь 64 литейные формочки, а также керамический тигель-льячку для плавки и разлива металла. Кроме пальчатых фибул в мастерской отливали различные украшения – лунницы, подвесные колокольчики, крестообразные медальоны, наременные пластины, пряжки и другие вещи[1]. Одной из важных особенностей данной мастерской является ее порубежное местонахождение – между Антским и Склавинским союзами славянских племен. Характер изделий, вырезанных на каменных формочках, согласно исследователю, свидетельствует о знакомстве славянских ювелиров середины и третьей четверти I тыс. н. э. с тенденциями общеевропейской моды[2].

Еще одно городище (Изборское) предруского времени исследовано В. В. Седовым на территории расселения кривичского племенного союза. Находится оно на высоком мысе, между озером, именуемым Городищенским, и глубоким оврагом, в котором протекает безымянный ручей. С трех сторон имеет крутые естественные склоны, с напольной – защищено валом и рвом. Многолетние раскопки показали, что нижний горизонт его культурного слоя датируется рубежом VII-VIII – серединой IX вв. В нем обнаружены многочисленные предметы из железа (ножи, кузнечный и деревообрабатывающий инструментарий, пластинчатые кресала, пружинные ножницы, серпы, косы-горбуши), ювелирные изделия (фибулы, височные кольца, подковообразные фибулы, подвески-бубенчики, перстни и браслеты). О существовании местного ювелирного производства свидетельствуют находки глиняных тиглей и льячек, а также каменных литейных формочек.

Застройка Изборска состояла из наземных, преимущественно срубных построек. Отмечая наличие в них глинобитных и каменных печей и глиняных полов, В. В. Седов полагал, что это характерные особенности славянских поселений раннего средневековья в междуречье Вислы и Эльбы[3]. Не подвергая сомнению приведенные аналогии, следует сказать, что глинобитные печи, печи-каменки, а также глиняные

---

1 Винокур І. І. Слов'янські ювеліри Подніпров'я. – Кам'янець-Подільський, 1977. – С. 1-199.

2 Там же. – С. 186.

3 Седов В. В. Изборск – протогород. М., 2002. – С. 9-30, 47-68.

полы имели широкое распространение на юге восточнославянского мира, в Среднем Поднепровье, в Южном Побужье, на Волыни.

По мнению В. В. Седова, Изборск был не рядовым поселением, а торгово-ремесленным центром одной из групп кривичей. В археологическом материале налицо все элементы, свойственные европейским протогородским поселениям раннего средневековья[1].

В VIII-IX вв. укрепленные поселения у восточных славян становятся массовыми. Б. А. Тимощук в одном только регионе Северной Буковины обнаружил и исследовал более десяти городищ этого времени. Среди них Ломачинцы на Днестре, Ревное на Пруте, Добрынинское у села Добрынивки, Грозинцы на Хотинской гряде и др. Все они имели деревоземляные укрепления, состоявшие из рвов и валов со следами деревянных стен частокольной и срубной конструкции[2].

На некоторых выявлены следы ремесленной деятельности, чаще кузнечной, но также гончарной и ювелирной. Большие наземные постройки столбовой конструкции с огнищем посредине интерпретированы Б. А. Тимощуком, как помещения для собраний общин и формирующихся профессиональных дружин. В подтверждение такого вывода он привел данные о находках предметов вооружения на северобуковинских поселениях VIII-IX вв., а также шпор, обнаруженных в с. Рипневе Львовской области[3].

Все укрепленные центры VIII-IX вв., исследованные на территории Северной Буковины, Б. А. Тимощук рассматривал как племенные и общинные центры Дулебского союза племен, который распался под ударами Аварского каганата во времена правления византийского императора Ираклия. По характеру вещевого материала, в большей мере керамического, а также традициям домостроительства они принадлежат к кругу древностей Луки Райковецкой[4].

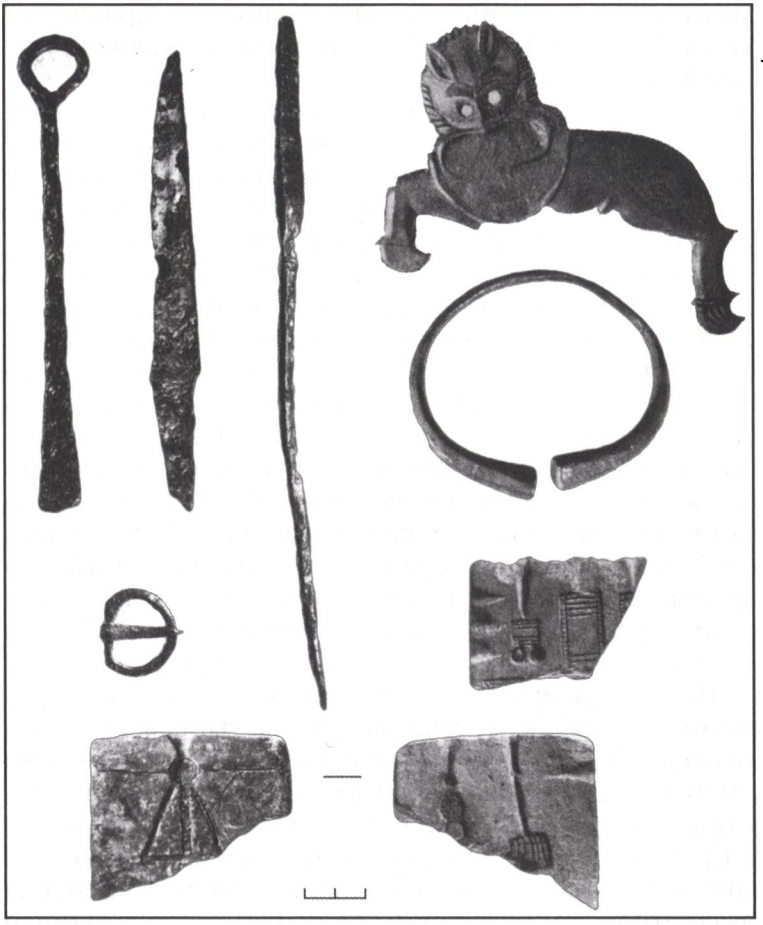
В регионе Южного Побужья, связанного с расселением Уличского союза племен, до сих пор

1 Там же. – С. 91-92.

2 Тимощук Б. О. Слов'яни Північної Буковини VI-IX ст. – К., 1976. – С. 60-82.

3 Аулих В. В. Славянское поселение у с. Рипнева (Рипнев I) Львовской области. – МИА, № 108. – М., – 1963.

4 Тимощук Б. О. Слов'яни. – С. 135-136.

Поселение на южнобугском острове Мытковском. Железные и ювелирные изделия, ювелирные литейные формочки.

не выявлено укрепленных поселений, которые бы можно было интерпретировать как «грады», хотя некоторые неукрепленные, в частности поселение на южнобужском острове Мытковском, вполне сопоставимы с ними. Прежде всего, по характеру материальной культуры и уровню ремесленного производства. Во время раскопок на поселении были обнаружены: бронзовая литая пластина с изображением льва, напоминающая подобные вещи из знаменитого Мартыновского клада, бронзовый браслет с утолщенными концами, несколько каменных формочек для

отливки наременных бляшек и других украшений. Исследовавший данный памятник П. И. Хавлюк, уверенно датировал его VI-VII вв[1].

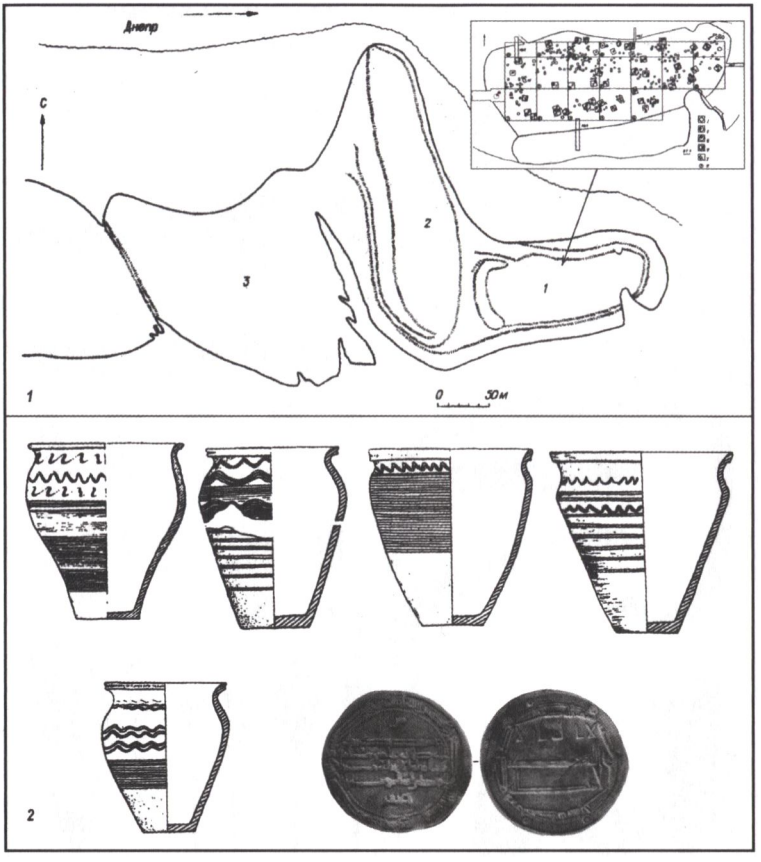
Значительно больше данных у нас об укрепленных поселениях уличей раннегосударственного времени. Истоки большинства из них – в раннем X в., то есть во времени, предшествовавшем их интеграции в составе Руси. О том, что представляли эти «грады», можно судить по хорошо исследованному городищу Червоному на Южном Буге. Находится оно на высоком береговом мысу, имеет размеры 78 х 67 метров. Со стороны плато сохранились остатки укреплений в виде вала и широкого (до 6 м) рва. Характерными находками на нем были: железные орудия труда (серпы, плужный лемех, молоток-зубило, ножи), предметы вооружения, саманидские дирхемы, датирующиеся 916/917-934/935 годами, а также ювелирные изделия из серебра, выявленные, в том числе, и в виде двух небольших кладов. Как считал П. И. Хавлюк, поселение было разрушено в конце X в[2].

На Днепре к кругу памятников предруского времени относится городище (Монастырек) VIII-X вв., исследованное В. А. Петрашенко. Находится оно на высоком правом берегу Днепра и состоит из двух частей: восточной, площадью около 1 га, и западной – 2 га. К последней примыкает неукрепленное поселение. Восточная часть с напольной стороны укреплена высоким валом и глубоким рвом. Ранний культурный слой городища разделяется на два хронологических периода: VIII-IX и IX-X вв. Нижняя дата надежно фиксируется находками восточных монет в жилищах, имеющих даты 741-742, 761-762 и 814 годы. Подтверждается она также и находками керамики. В жилище с дирхемом 761-762 гг. она исключительно лепная, по форме напоминающая сосуды из известного Сахновского поселения VII-VIII вв. Среди других материалов, относящихся к VIII-IX вв., на городище найдены кольца с несомкнутыми концами, костяной гребень,

---

1 Хавлюк П. И. Первая находка зооморфного изображения мартыновского типа на славянском поселении//Сообщения Гос. Эрмитажа. XIX. – Л., 1960. – С. 49-53.

2 Хавлюк П. И. Городище «Червоне»//АО 1980. – М., 1981. – С. 316-317. Его же: Городища уличів на Немировщині//АД в Україні 1991 року. Луцьк, 1993. – С. 124-126.

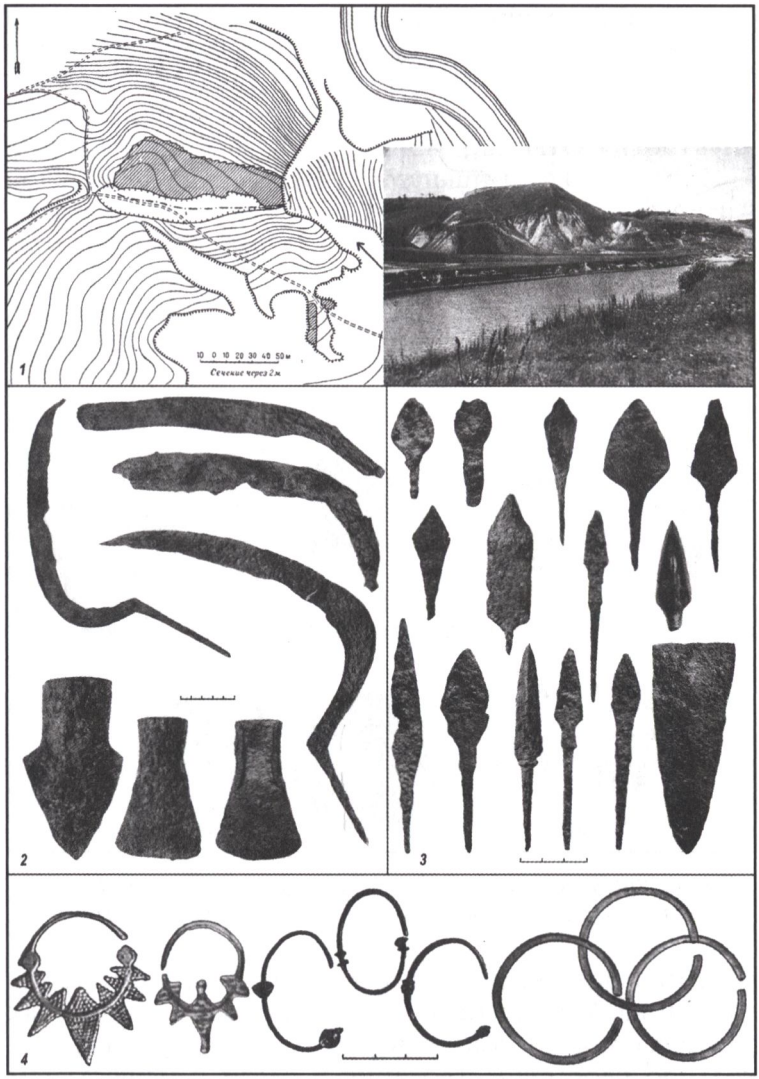

Городище Монастырек. 1 — ситуационный план и план застройки; 2 — гончарные сосуды и арабский дирхем.

керамические кружальные сосуды салтово-маяцкого облика. Укрепленное поселение Монастырек, как считала его исследовательница В. А. Петрашенко, прекратило свое существование в связи с нашествием кочевников-печенегов[1].

Отсутствие на поселении предметов вооружения не позволяет относить его к числу военных. Больше оснований видеть в нем зарождающийся городской центр. Не случайно в древнерусское время здесь находился город Заруб, неоднократно упоминаемый в летописи. Находки на городище арабских диргемов, возможно, указывают на вовлеченность его жителей в дальнюю торговлю.

1 Максимов Е. В., Петрашенко В. А. Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре. – К., 1988. – С. 5-6, 80-81, 92-93.

Новотроицкое городище. 1 — ситуационный план и общий вид с юго-востока; 2 — орудия сельскохозяйственного производства; 3 — предметы вооружения; 4 — ювелирные изделия.

Ряд городищ VIII-IX вв. изучено археологически в области распространения роменско-борщевских древностей. Об их типологии и социальной статусности можно судить на основании полностью раскопанного И. И. Ляпушкиным Новотроицкого городища в Сумской области. Находилось оно на одном из

мысов высокого правого берега реки Псла, в урочище «Городище». Общая его площадь равняется около 0,35 га. При разборке культурного слоя, а также остатков жилищ с углубленными основаниями, выявлено большой вещевой материал (глиняная посуда, железные орудия труда, изделия из кости и др.). Особый интерес представляют изделия из железа, в частности, комплекс сельскохозяйственных орудий (сошники, серпы, косы-горбуши, мотыжки), орудия по обработке дерева (топоры-колуны, тесла, ложкорезы). В значительном количестве обнаружены изделия из цветных металлов не в виде отдельных находок, а в составе кладов. Это шейная гривна, серебряный браслет с расширенными пластинчатыми концами, пятилучевое височное кольцо, семь височных колец из круглой проволоки, перстень, поясные бляшки, серьги салтовского типа, а также десять восточных серебряных монет. Диргемы датируются 711/712 – 818/819 гг[1]. Отдельную группу находок составляют наконечники стрел, черенковые и втульчатые, а также обломок обоюдоострого меча[2]. Прекращение жизни Новотроицкого поселения, как и других укрепленных центров населения роменской культуры, И. И. Ляпушкин связывал с первой волной печенежского нашествия, которое, согласно «Повести временных лет», датируется 915 г[3].

На севере, в пределах расселения новгородских словен, близким к южно-восточнославянским «градам» предруского периода было ладожское поселение, основанное не позже VIII в. на возвышенном мысе левого берега реки Волхов, при впадении в нее речки Ладожки[4]. Многолетние его раскопки А. Н. Кирпичниковым обнаружили большой вещевой материал, позволяющий судить о характере этого портового городка. Главными его функциями были торговая, о чем свидетельствуют находки восточных монет, и ремесленная, четко определяющаяся обнаружением ювелирно-кузнечной мастерской середины VIII в. с широким ассортиментом ремесленного

1 Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. – МИА. № 74, М.-Л., 1958. – С. 9-10, 15-30.

2 Там же. – С. 21.

3 Там же. – С. 190-192.

4 Кирпичников А. Н., Сарабянов В. Д. Старая Ладога древняя столица Руси. – С.-Петербург. 2013. – С. 10, 18.

инструментария[1]. В силу особенностей своего расположения, как утверждает А. Н. Кирпичников, Ладога со временем стала политическим центром складывающегося Руского государства[2].

Приведенные данные по ранним укрепленным поселениям – «градам», – убедительно свидетельствуют, что без учета этого этапа социального и политического развития восточных славян проблема рождения их государственности заведомо не может быть решена. Между тем, историки чаще всего его не «замечают». Остаются в плену летописной версии о варяжских основателях Руси.

В свое время А. Е. Пресняков полагал, что древнерусские волости возникли постепенно уже на глазах истории и не представляли собой наследия «докняжеских» времен. Они явились на развалинах племенного быта, «не из него выросли, а его разрушили»[3]. Близкую мысль утверждал и С. В. Юшков, считавший, что крупная сеньория Киевской державы возникла на развалинах племенных княжений[4].

Наверное, владей названные историки теми данными, которые есть ныне в руках исследователей, они бы не разделили так решительно догосударственный и государственный периоды восточнославянской истории. Хотя уже и тогда для многих было очевидным, что новые общественные отношения всегда рождаются в недрах старых, а следовательно, и являются их продолжением. Еще очевиднее это должно быть ясно новому поколению историков-русистов, но большинство из них по-прежнему не связывает рускую государственность с раннеславянской. Возникновение Руси, как показывает серия статей на эту тему А. А. Горского, рассматривается в контексте европейского, а не восточнославянского политогенеза[5].

Исходя из летописных известий о противостоянии племенных княжений Киеву, где утвердилась

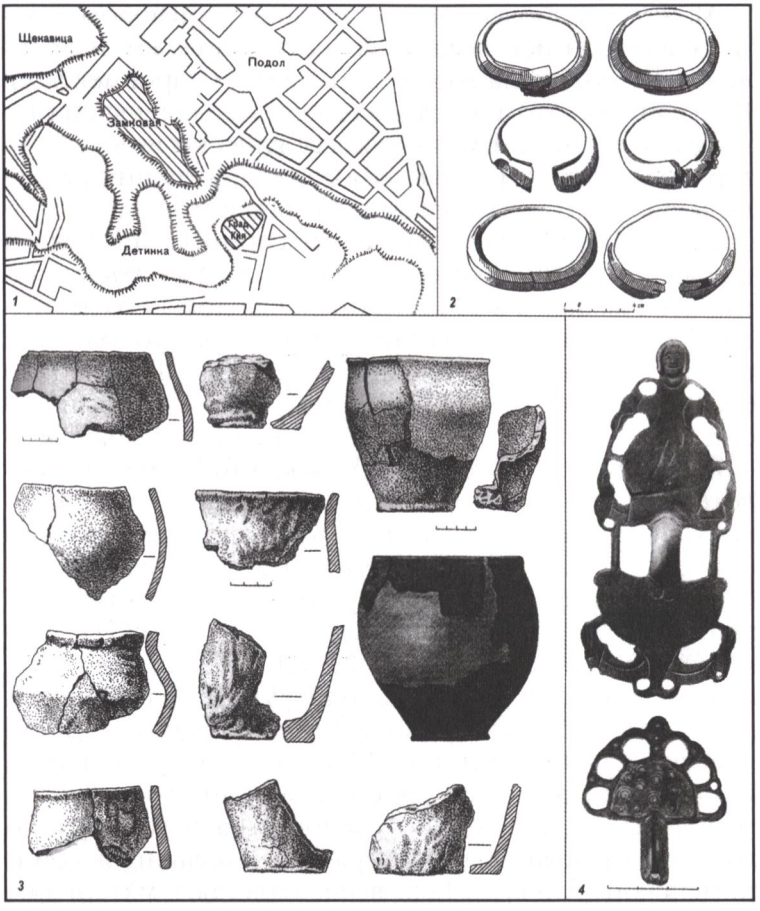
1 Там же. – С. 60-61.

2 Там же. – С. 59.

3 Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. – М., 1938. – Т. 1. – С. 62, 93.

4 Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. – М.-Л., 1939. – С. 172.

5 Горский А. А. Возникновение Руси в контексте европейского политогенеза конца I тысячелетия н. э.//Русь в IX-XII вв. Общество, государство, культура. – Москва – Вологда, 2014. – С. 25-33.

Киевское городище. 1 — ситуационный план; 2 — серебряные браслеты; 3 — керамика; 4 — антропо-зооморфные фибулы.

варяжская династия, очевидно, можно сделать вывод об отсутствии преемственности внутреннего восточнославянского политического развития. В пользу этого говорит как будто и не всегда объяснимое прекращение жизни раннеславянских «градов». И тем не менее, у нас нет оснований отрицать естественную преемственность этих двух этапов единого исторического процесса. Во-первых, потому, что далеко не все укрепленные поселения додревнерусского периода прекратили свою жизнь на стадии рождения Руси, а во-вторых, потому, что практически все ее древнейшие города, ставшие столицами удельных княжеств, выросли из поселений третьей четверти I тысячелетия н. э.

Может, наиболее показательным примером этому является Киев, начало которому положили поселения VI-VIII вв. на горах Замковой и Старокиевской. Подробно об этом будет рассказано в следующей главе, здесь же отметим, что типологически и по характеру вещевого комплекса киевские поселения не отличались от других восточнославянских градов.

Аналогичное развитие демонстрирует и второй древнейший город Руси – Чернигов. Уже раскопками Б. А. Рыбакова в 1946 г. в пределах древнего детинца были выявлены жилища, чрезвычайно близкие к полуземлянкам роменских городищ VIII-IX вв., но без характерных для них керамических комплексов. Культурный слой, датированный Б. А. Рыбаковым VII-VIII вв., прослежен на протяжении 75 м, что свидетельствует о значительном поселении в северо-восточной части детинца, возникшем задолго до первых летописных упоминаний о Чернигове[1]. Последующие исследования, осуществленные экспедицией Черниговского музея в 1984-1985 гг., обнаружили в этой части детинца остатки сооружений и керамику VI-VII вв., близкую к колочинским древностям. Удалось зафиксировать здесь и древний ров с аналогичной керамикой в его заполнении. Непосредственно над слоем с колочинскими материалами, без каких-либо следов стратиграфического разрыва, лежит слой с керамикой волынцевской и роменской культур[2]. Еще выше залегают материалы древнеруского времени. Выявленные материалы третьей четверти I тыс. н. э. дают основания полагать, что именно с этих восточнославянских поселков и начал складываться Чернигов.

Исследования Пскова также показали, что на северной оконечности узкого скалистого мыса, образуемого слиянием рек Великой и Псковы, в VI-VII вв. находилось укрепленное поселение. В его слое выявлены наземные деревянные жилища с глинобитными полами, железные и бронзовые изделия (серпы, наконечники стрел, трапециевидные подвески, браслеты с расширяющимися концами), лепная керамика.

---

1 Рыбаков Б. А. Древности Чернигова//МИА. – 1949. – № 11. – С. 7-92.

2 Коваленко В. П. Основные этапы развития Чернигова// Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа IX-XIII вв.» – Чернигов, 1985. – С. 14-16.

Особый интерес представляют находки льячек и металлических шлаков, свидетельствующих о наличии здесь местного ремесленного производства.

Как определила автор раскопок С. А. Тараканова, между укрепленным поселением VI-VII вв. и последующим развитием города Пскова существовала прямая генетическая связь. В социальном плане, по мнению исследовательницы, псковский град VI-VII вв. нельзя причислять к разряду обыкновенных рядовых поселков. Это племенной город[1].

В последующем идея С. А. Таракановой нашла развитие и дополнительную аргументацию в работах К. М. Плоткина. Согласно ему, «Плесков-Псков» является ровесником первоначальных поселений на месте Киева и основан кривичами в VI в. В VI-IX вв. укрепленная площадь Пскова равнялась 3 га[2]. В. В. Седов в обобщающей работе «Становление Пскова» также пришел к выводу, что начало ему было положено укрепленным поселением середины I тыс. н. э., которое являлось центром племенной группы кривичей, осевшей в низовьях р. Великой на восточном побережье Псковского озера[3].

Сказанное выше не нашло поддержки у С. В. Белецкого, полагающего, что культурный слой Псковского городища содержит остатки четырех последовательно сменявших одно другое поселений, не связанных между собой преемственным развитием[4]. Нечто похожее в последнее время утверждают и молодые исследователи Киева, «обнаруживающие» перерывы в его ранней жизни. Обосновать такие выводы наблюдениями над стратиграфией культурно-родственных слоев совершенно невозможно.

Аналогичным представляется исследователям и возникновение Полоцка. Раскопками А. Н. Лявданского и Г. В. Штыхова в излучине реки Полоты были исследованы остатки укрепленного поселения,

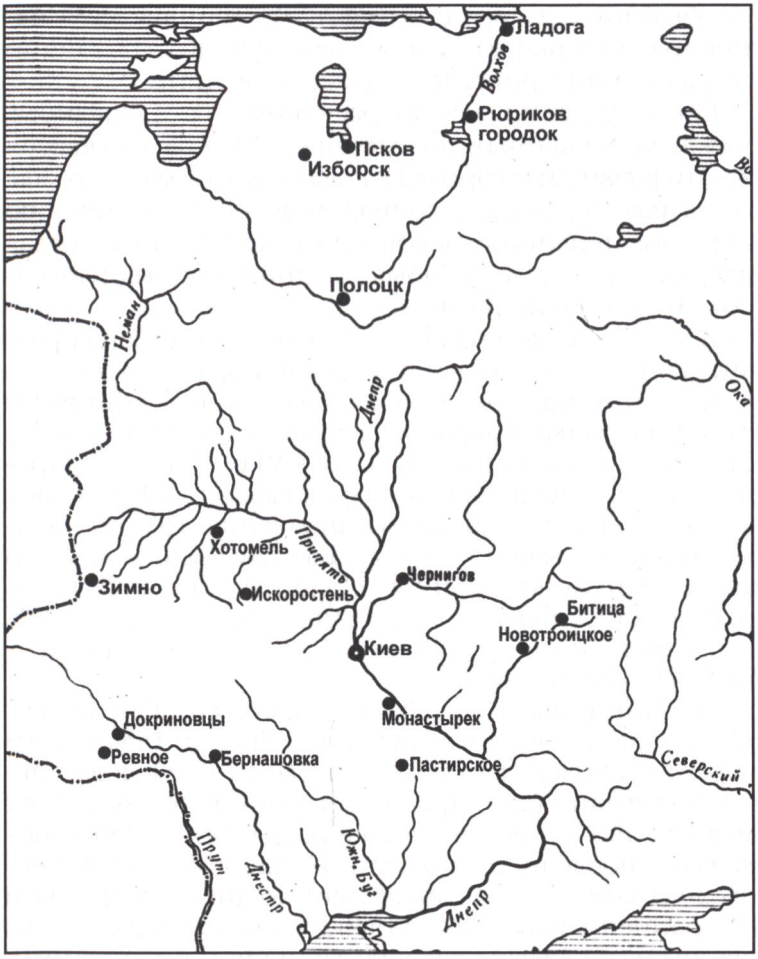
---

1 Тараканова С. А. О происхождении и времени возникновения Пскова//КСИИМК. – 1950. – Вып. 35. – С. 21, 25.

2 Плоткин К. М. Псков и его округа во второй половине I тыс. н. э.: Автореферат диссертации... канд. истор. наук. – Л., 1980.; Его же. Начало Пскова//Археологи рассказывают о древнем Пскове. – Псков. 1991. – С. 24-28.

3 Седов В. В. Становление Пскова//Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию летописного упоминания). Материалы Международной научной конференции. Т. 1. – М., 2003.

4 Белецкий С. В. Когда возник Псков//Псков в российской и европейской истории. Т. 1. – М., 2003.

Восточнославянские «грады» VI–IX вв.

датирующегося VIII-IX вв. Сохранился древний вал с кладкой из булыжных камней со стороны склонов. Лепная керамика, находившаяся в культурном слое, типичная для кривичских курганов. Судя по ней, а также по найденной здесь же подковообразной фибуле, время сооружения древнейших укреплений Полоцка может датироваться началом VIII в[1].

Кроме Верхнего, керамические и ювелирные находки VIII-IX вв. обнаружены также в нижних слоях Нижнего города. Согласно И. И. Еремееву и А. Н. Кирпичникову, ранние культурные слои Полоцка могут быть синхронизированы со слоями Старой

1 Штыхов Г. В. Древний Полоцк. – Минск. 1975. – С. 25.

Ладоги[1]. Как полагал Г. В. Штыхов, на основании распространения культурных слоев IX-X и XI-XII вв., уже на раннем этапе поселенческая площадь Полоцка далеко превосходила размеры укрепленного городка[2].

Об эволюционной преемственности между старыми и новыми поселениями можно говорить даже и в том случае, если последние возникали на ранее необжитых местах. В данном случае речь идет о необжитости конкретных топографических точек, но не территорий, где они основывались. Владимир (Волынский) был заложен всего в 5 км от древнего городка Зимно. Новый Искоростень, после сожжения Ольгой в 945 г. старого, был сооружен не более чем в километре от него. Новгород стал преемником так называемого Рюрикового городка. Эти и другие подобные примеры свидетельствуют, что города, строившиеся княжеской властью, размещались или непосредственно на месте разрушенных ею же племенных средоточий, или же в непосредственной близости, но всегда накладывались на сформировавшуюся ранее социальную округу. По существу, на княжеском (государственном) этапе не претерпела принципиальных изменений и административная структура. Из племенной она естественным образом трансформировалась в удельную.

В поиске истоков государственности в так называемом племенном этапе восточнославянской истории ничего неестественного нет. Практически аналогичные процессы, о чем мне уже приходилось писать, происходившие у западных славян, однозначно относятся историками к становлению их государственности.[3] У чехов и словаков она ведется от государства Само (623-624 гг.). Оно не только успешно отражало натиск Франкского королевства, но и являлось важнейшим фактором политической и экономической жизни Средней Европы[4]. Историки и археологи до сих пор

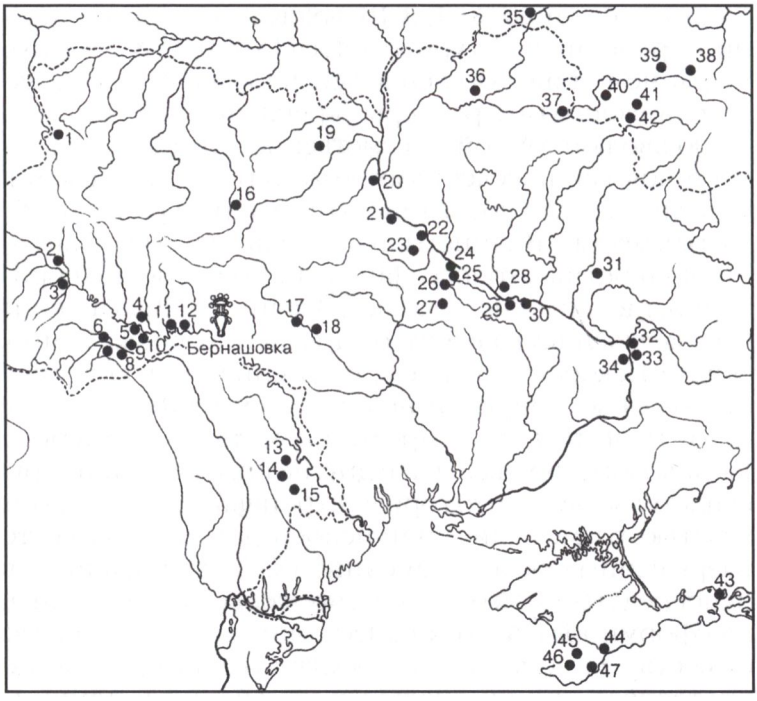
---

1 Еремеев И. И. Древности Полоцкой земли. СПб., 2015. – С. 89; Кирпичников А. Н. Об исторической значимости раннесредневекового Полоцка. Владимир Святославич и Рогволод // Владимир Святой и его место в отечественной истории. – К., 2016.

2 Штыхов Г. В. Древний Полоцк. – С. 38 и сл.

3 Толочко П. П. Происхождение древнейших восточнославянских городов//Земли Южной Руси в IX-XIV вв. – К., 1985. – С. 9-10.

4 Из хроники Фредегара следует, что Само был купцом и происходил из франков. По мнению ряда историков, его имя скорее славянское, чем франкское. (Чит.: Погодин А. Л. Из истории

Карта-схема распространения пальчатых фибул и других вещей этого круга на территории Юго-Восточной Европы (по И. С. Винокуру). 1 — Зимно; 2 — Демьянов; 3 — Крилос; 4 — Залесье; 5 — Горошева; 6 — Будилов; 7 — Кодин; 8 — Ревно; 9 — Чорновка; 10 — Рашков; 11 — Большая Слободка; 12 — Теремцы; 13 — Селище; 14 — Данчены; 15 — Ханска; 16 — Мирополь; 17 — Семенки; 18 — Скыбынци; 19 — Малин; 20 — Киев; 21 — Веремья; 22 — Канев; 23 — Мартыновка; 24 — Черкасы; 25 — Хацьки; 26 — Смела; 27 — Пастырское; 28 — Лебеховка; 29 — Большая Андрусовка; 30 — Пеньковка; 31 — Малая Перещепина; 32 — Игрень; 33 — Первого Мая; 34 — Волоское; 35 — Трубачевск; 36 — Мена; 37 — Харивка; 38 — Моква; 39 — Курск; 40 — Гапоново; 41 — Козачья Локня; 42 — Суджа; 43 — Керчь; 44 — Лучистое; 45 — Скалистое; 46 — Баштановка; 47 — Суук-Су.

не определились, где была столица этого государства, хотя реальный претендент на нее и имеется. Это знаменитое Макульчицкое городище, находящееся на небольшой возвышенности поймы реки Моравы. Согласно И. Поулику и З. Кланице, многолетним его исследователям, укрепленное поселение здесь возникло

славянских передвижений. СПб., 1901. – С. 153-157; Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. – М., 1953. – С. 302.)

в первой половине VII в. Имело четко выраженную двухчастную плановую структуру и занимало площадь более 7 га. В культурном слое VII-VIII вв. обнаружена керамика, изготовленная на ручном гончарном круге, аварские литые украшения, бронзовые браслеты, шпоры с крючками, бронзовые позолоченные наконечники поясов, обломки тиглей, клещи, заготовки и полуфабрикаты изделий.

На основании данных археологии, И. Поулик пришел к выводу, что довеликоморавское поселение в Микульчицах имело все признаки раннегородского центра. На нем проживали не только ремесленники и земледельцы, но и князь с военной дружиной[1]. З. Кланица полагал, что Микульчицы находились в одном социальном ряду с такими поселениями как Шелиги в Польше, Тарнов в Германии и Тушемля в Белоруссии[2].

К VI-VII вв. относят начало формирования государственности и польские историки. Согласно им, поляне, мазовшане представляли собой крупные территориальные объединения – союзы племен с зачатками политической организации. О формах социальной их организации в определенной мере позволяет судить легенда о Краке, рассказанная в хронике Кадлубки и имеющая элементы исторической традиции. Крак, в представлении Кадлубки, стоял на рубеже эпох – племенной и государственной – и олицетворял рождение политической власти. Х. Ловмянский считал возможным видеть в этой легенде историческую параллель с известиями Фредегара о Само[3].

Точками роста ранней польской государственности являлись укрепленные центры, возводившиеся в VI-VII вв. и являвшиеся средоточием племенной власти. Большая концентрация таких поселений наблюдается в южных районах Польши. Одно из них, вошедшее в литературу под названием Шелиги, находилось недалеко от Плоцка и занимало часть береговой возвышенности реки Слупянки размерами 25 х 75 м. Внешние деревянные стены поселения служили одновременно укреплениями и жилыми

1 Poulik I. Morawanébuduji svuj stat. Gotwaldow. 1960. – S. 253-354; Его же. Mikulčice. – Praga. 1975. – S. 32-43, 170-171.

2 Klaniza Z. Vorgrossmährische Siedlung in Miculčice und ihre beziehungen zum Karpateu becken//PV. – 1972. – S. 14.

3 Lowmianski H. Počzatki Polski. – Warszawa. 1973. – S. 319-322.

домами. Во время раскопок его В. Шиманским собран интересный археологический материал, близкий к тому, который находится и при раскопках восточнославянских градов. Это лепная и подправленная на гончарном круге керамика, железные топоры, ножи, кресала, шпоры, серебряный браслет с расширенными концами, пальчатая фибула, бронзовые подвески[1]. Остатки аналогичных укрепленных поселений исследованы также в Ленчицах, что возле Лодзи, а также в Гнезно и Бискупино. Все они датируются VI-VII вв.

Г. Ловмянский, исследуя начало древнепольской государственности, отмечал, что мазовецким Краковом за Вислой стал Плоцк, заложенный в районе древних политических традиций. Под Плоцком уже в VI-VII вв. существовало важное политическое средоточие в Шелигах[2]. К такому же выводу пришел и Г. Лабуда, считавший открытые «грады» VI-VIII вв. первым этапом в развитии древнейших польских городов[3].

Изучение восточнославянских укрепленных поселений VI-VIII, в ряде случаев и IX веков, как и синхронных им неукрепленных селищ, свидетельствует о нарастании количественных и качественных изменений в их хозяйственной жизни. Значительный прогресс наблюдается в основной отрасли производства – земледелии. Достигался он посредством усовершенствования и резкого увеличения орудий для обработки почв, уборки урожая. На поселениях этого времени выявлены: железные наральники, сошники, чересла, мотыги, серпы, косы; причем их формы, сложившиеся в преддревнеруское время, не претерпели сколько-нибудь существенных изменений и в последующие века. Это относится, прежде всего, к широколезвийным наральникам, чересламм, серпам, косам-горбушам[4].

---

1 Szymanski W. Szeligi pod Plockiem na poczatku wczesnego Sredniowiecza. – Wrozlaw. 1967. – S. 15, 91, 212, 371.

2 Lowmianski H. Pozatki Polski. – Warszawa. 1973. – S. 493.

3 Labuda G. Die Anfänge das polnischen Städte im Hochmittelalter//Lartisanat et la vie urlain en Pologne Médiévale. – Warszawa. 1962. – S. 321.

4 Довженок В. Й. Землеробство древньої Русі. – К., 1961.; Краснов Ю. А. Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий. (По археол. материалам Вост. Европы)// СА. – 1978. № 4.; Миносян Р. С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья//АСГЭ. – 1978. – Т. 19.

Заметные изменения произошли также в области ремесленного производства восточных славян. Наиболее существенные в металлодобыче и обработке, то есть в тех отраслях, которые обеспечивали сельское хозяйство орудиями обработки почв и собирания урожаев. Археологам удалось выявить несколько специализированных центров по добыче железа. Один из них (у с. Григоровка на Виннитчине) датируется VIII-IX вв., другой (у г. Гайворон на Южном Буге) VII-VIII вв[1]. Большое число железоплавильных горнов (в Григоровке – 30, в Гайвороне – 25) дает основание предполагать значительную производственную мощность этих центров.

Увеличение добычи железа обеспечило качественные сдвиги и в области его обработки. Как считает Г. А. Вознесенская, исследовавшая кузнечное производство VIII-IX вв., в отдельных регионах восточнославянского мира, и прежде всего, в его южной части, произошло обособление кузнечного дела от металлургии. На VIII в. приходятся качественные изменения в технологии кузнечных изделий[2]. Подтверждением этого являются отчетливые следы кузнечного производства в Зимно (набор кузнечных инструментов) и на Пастырском городище (остатки кузницы и набор кузнечных инструментов).

Несколько менее развитой отраслью ремесла в третьей четверти I тыс. на восточнославянских землях была ювелирная. И все же находки из серебра, меди и сплавов, а также обнаружение остатков мастерских в Зимно, Пастырском, Бернашовке и других поселениях указывают, что определенные успехи были достигнуты и здесь. Восточнославянские ювелиры умели отливать браслеты, гривны, фибулы, перстни, поясную фурнитуру; были также знакомы с техникой зерни.

Отмечая значительный прогресс восточнославянского ремесла I тыс. н. э., мы, тем не менее, не должны преувеличивать его социальную функцию, чем, как мне представляется, «грешил» В. В. Седов. «Во второй половине I тыс. н. э., – писал он, – наряду с работой на

---

1 Артамонов М. И. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952-1953 гг.//КСИИМК. – 1955. – Вып. 59. – С. 100-110.; Бідзіля В. І. Залізоплавильні горни середини I тис. н. е. на Південному Бузі//Археологія. – 1963. – Вип. 15. – С. 124-144.

2 Вознесенская Г. А. Кузнечное производство у восточных славян//Древняя Русь и славяне. – М., 1978. – С. 63.

заказ ремесленники начинают производить продукцию для рынка, то есть на продажу... Это способствовало возникновению специализированных поселений, где жили и работали преимущественно ремесленники... Эти поселки становились средоточием внутренней, а в отдельных случаях и внешней торговли»[1].

В реальности поселений, на которых бы проживали преимущественно ремесленники, работавшие на рынок, в третьей четверти I тыс. н. э. еще не существовало. Ремесло в это время зиждилось на общинной основе, работало на заказ и обслуживало потребности небольшой округи. Это относится и к летописным «градам», вызванным к жизни отнюдь не ремесленным производством, но социально-политическим развитием. Основой их хозяйственной деятельности было сельское хозяйство, и не случайно ведущей категорией находок на них являются орудия обработки почв и уборки урожая. Даже на пастырском укрепленном поселении, несомненно являвшемся крупным ремесленным центром, в большом количестве обнаружены орудия, связанные с сельским хозяйством: лемеха, наральники, косы, серпы, лопаты, ножницы для стрижки овец и др.

Видимо, не стоит преувеличивать и степень развитости рыночных связей в третьей четверти I тыс. н. э. После крушения Римской империи и опустошительных нашествий кочевников, в частности гуннского, требовалось время для включения восточных славян в новую систему связей, как внутренних, так и внешних. В активную международную торговлю они были вовлечены лишь во второй половине VIII в., когда на их земли пошло восточное серебро.

Уровень изученности укрепленных поселений – «градов» по летописной терминологии достаточен, чтобы представить их социальную сущность. Несомненно, в первую очередь они являлись военно-административными средоточиями племенных союзов, может быть, отдельных племен, где находилась княжеская власть и военная дружина. Некоторые из них, как Зимно, Пастырское, Ладога, несомненно являлись также центрами ремесленного производства. В. В. Седов даже полагал, что это производство имело уже рыночный характер, а

1 Седов В. В. Восточные славяне в VI-XIII вв. – М., 1982 – С. 242.

следовательно, эти центры можно рассматривать и как средоточия внутренней и внешней торговли[1]. П. Н. Третьяко́в, в свое время, применил к ним термин «эмбрион города»[2]. При всей его условности, в целом он верно выражает социально-экономическую сущность поселений, именуемых летописью «градами». Видеть в них начало древнейших руских городов так же естественно, как и в племенных княжениях – начало восточнославянской государственности.

Много лет назад я высказал предположение, что эти укрепленные поселения являлись также средоточием племенной дружинной знати. Не всеми оно было встречено с пониманием, а словацким археологом Б. Досталом и вовсе поставлено под сомнение[3]. И хотя теоретически здесь все достаточно ясно, и существование дружинной верхушки в преддревнеруское время не вызывает сомнения, доказать практически, что именно эти ранние «грады» и были местом ее проживания, не всегда удается. Представляется, что достаточно убедительным подтверждением данного предположения, помимо оружия, принадлежавшего дружинной знати, являются также клады ювелирных изделий, содержавшие совершенно роскошные поясные гарнитуры. Несмотря на то, что генетически они восходят к древностям степных кочевников, их многочисленные находки в ареале славянских памятников не оставляют сомнения в том, что в VI-VII вв., как это хорошо показал А. В. Скыба, они являлись вполне органичными и для восточных славян[4]. Еще одной непременной функцией «градов» являлась сакральная, о чем можно судить по исследованным на некоторых из них (Киев, Тушемля и др.) языческим капищам.

В заключение следует остановиться на вопросе, с какой формацией или стадией общественного развития можно связывать племенные княжения и их

---

1 Седов В. В. Восточные славяне VI-XIII вв. – М., 1982. – С. 242.

2 Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. – М.-Л., 1966. – С. 245.

3 Достал Б. Некоторые общие проблемы археологии Древней Руси и Великой Моравии//Древняя Русь и славяне. – М., 1978. – С. 87.

4 Скиба А. В. Поясні гарнітури «геральдичного» стилю в Дніпровських скарбах VII ст.//Від венедів до Русі. Збірник наукових праць на пошану доктора історичних наук, професора Д. Н. Козака з нагоди його 70-річчя. – К., 2014. – С. 267-312.

центры. В книге «Древнерусский феодальный город» я отмечал, что определения их термином «племенные» весьма условно. Оно не раскрывает социальной сущности данных явлений[1]. Недавно сомнение по поводу корректности словосочетания «племенное княжение» высказал А. А. Горский. «Предложенный мной ранее термин «племенное княжение», утверждает он, не очень удобен в употреблении, поскольку определение «племенное» сохраняет иллюзию, что эти общности носили родоплеменной характер». Теперь он предлагает применить к ним термин, известный в византийских источниках – «славинии»[2].

Ради исторической справедливости следует уточнить, что термин «племенное княжение» был введен в научное обращение еще Д. Я. Самоквасовым в начале XX в. «Формой общежития русских славян IX в., – писал он, – было племенное княжение, племенное государство... Таких государств на всем пространстве земли между Ладожским озером и Черным морем, Карпатами и верхним течением Волги было только двенадцать»[3]. В 60-70-е годы XX в. этот термин широко применялся к летописным племенам в работах П. Н. Третьякова, Б. А. Рыбакова, В. В. Седова, П. П. Толочко и других авторов.

Не оригинален А. А. Горский и в предложении применить к восточнославянским племенам термин Константина Багрянородного «славинии». Задолго до него эту мысль высказал Г. Г. Литаврин, посвятивший теме славиний специальное исследование. «Одна из задач историков-русистов, – писал он, – состоит, по-видимому, в историко-сравнительном изучении проблем славиний в целом. Недостаток знаний об общественном строе восточных славян в VI-IX вв. может быть компенсирован историческими параллелями с известиями о славиниях на Балканах»[4].

Разумеется, исторические параллели здесь несомненны. Но это не значит, что определение «племенное»

---

1 Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. – К., 1989. – С. 33.

2 Горский А. А. Первое столетие Руси. Средневековая Русь. – М., 2012. – № 10. – С. 35.

3 Самоквасов Д. Я. Происхождение русского народа. – М., 1908. – С. 6.

4 Литаврин Г. Г. Славинии VII-IX вв. – социально-политические организации славян//Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. – С. 193-203. Его же. Византия, Болгария, Древняя Русь. – СПб., 2000. – С. 16.

княжение некорректно в своей сути. Опасения А. А. Горского, что оно порождает иллюзию некоторой архаичности восточнославянского общества преддревнерусского времени, не основательны. Давно ведь известно, что о терминах договариваются. А в том, что летописные поляне, северяне, древляне и др. представляли собой не мелкие родоплеменные общности, а крупные территориальные объединения – союзы племен, ни у кого из занимавшихся этой проблемой не было сомнений уже со времен А. А. Спицина и Д. Я. Самоквасова.

Однако преодолевает ли иллюзию социальной архаичности восточнославянских племен византийский термин «славиния»? Конечно, нет. Сам по себе он целиком этнический, свидетельствующий, что известные Константину Багрянородному народы, подвластные киевским князьям, были славянскими. В главе 9-й его книги «Об управлении империей» говорится: «Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия..., а именно в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, северием и прочих славян, которые являются пактиотами (данниками. – *П. Т.*) росов»[1].

Разумеется, можно предположить, как это и сделал Г. Г. Литаврин, что, говоря о восточнославянских славиниях, Константин Багрянородный видел в них аналог славиний, которые находились в непосредственной близости от границ Византии и с которыми она взаимодействовала, начиная с VII в. Главы этих славиний именуются византийскими авторами архонтами; следовательно, это уже указание на уровень их социально-политической организованности[2]. Но в этом случае термин «славиния» нуждается в таком же толковании, как и термин «племенное княжение», а поэтому он ничуть не лучший традиционного.

И, разумеется, исследователи не могут последовать призыву А. А. Горского отказаться от «мифических «княжеств», заменив их «реально существовавшими

---

1 Константин Багрянородный. «Об управлении империей». Перевод Г. Г. Литаврина//Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. – М., 1982. – С. 273.

2 Там же.

славиниями»[1]. Не могут, прежде всего потому, что восточнославянские «княжения» были не мифическими, а вполне реальными образованиями. И вряд ли здесь убедительным аргументом является ссылка на словарь И. И. Срезневского, в котором слово «княжение» не тождественно слову «княжество». Действительно, не тождественно, однако, если было «княжение», княжеская власть, то, очевидно, была и подвластная ей территория, т. е. княжество. В отечественной исторической литературе традиционно употребляется термин «княжество», хотя в летописях его тоже нет. Слова «славиния» тоже нет в летописях, однако это не мешает А. А. Горскому не только его употреблять, но и настаивать, чтобы оно заменило термин, имеющий более чем столетнюю традицию в отечественной историографии.

Но даже если мы и примем термин «славиния», это не избавит нас от выяснения вопроса об уровне или этапе политического развития восточных славян предгосударственного времени. В этом отношении термин «княжение» социально более содержательный. И уж конечно, ни в какое сравнение с ним не может быть поставлено новомодное определение «сложного и сверхсложного вождества», которые, согласно А. А. Горскому, якобы точнее отражают уровень развития восточных славян накануне образования Руси. По существу, оно вообще ничего не отражает. Да и зачем придумывать какие-то эвфемизмы, когда можно пользоваться достижениями формационной периодизации, согласно которой восточнославянские «княжения» вполне соотносятся с военно-демократической стадией государственности, установленной еще Ф. Энгельсом.

О том, что восточнославянские «княжения» обладали властью в пределах значительных территорий задолго до прихода варягов, наглядно свидетельствуют военные походы против них уже князя Олега. Их цель – подчинить местное население новой киевской власти. «Поча Олегъ воевати древляны, и примучивъ я, имаше на них дань по черной куне». «Иде Олегъ на сѣверяне, и побѣди сѣверяны, и възложи на нь дань

1 Горский А. А. Возникновение Руси в контексте европейского политогенеза конца I тысячелетия н. э.//Русь в IX-XII вв. Общество, государство, культура. – Москва–Вологда, 2014. – С. 32.

легъку, и не дасть имъ козаромъ дани платити»[1]. Вслед за древлянами и северянами даннические отношения Олег распространил и на радимичей. С уличами и тиверцами, как отметил летописец, новый киевский князь находился в состоянии войны.

«Примучиванием» восточнославянских княжений пришлось заниматься и преемникам Олега. Причем, по нескольку раз одних и тех же. Из летописной статьи 913 г. следует, что поход Игоря на древлян был вызван тем, что они после смерти Олега вышли из подчинения Киеву: «Затворишася отъ Игоря по Олговѣ смѣрти». В результате нового похода на них была возложена дань еще большая, чем та, что была при Олеге. Неумеренные даннические аппетиты Игоря закончились, как известно, восстанием древлян и казнью киевского князя[2]. Окончательно покорить древлян удалось только Ольге.

Дважды ходил на вятичей Святослав, чтобы превратить их в своих данников. «И иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе вятичи». «В лѣто 6474. Вятичи побѣди Святославъ, и дань на нихъ възложи»[3]. Как оказалось впоследствии, успехи Святослава также были временными. После смерти Ярополка вятичи и радимичи вышли из подчинения Киеву, и уже Владимиру пришлось их завоевывать заново. «В лѣто 6490. Заратишася вятичи, и иде на ня Володимиръ и победи я второе»[4]. «В лѣто 6492. Иде Володимеръ на радимичи... Быша же радимичи от рода ляховъ; пришедъше ту ся веселиша, и платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дне»[5].

К сожалению, лаконичные летописные известия не сохранили нам (за редким исключением) имена племенных князей, которых «примучивали» первые киевские Рюриковичи. На этом основании некоторые исследователи вообще не находят им места в ранней государственной структуре Руси, отдавая приоритет и здесь варягам.

---

1 ПВЛ. Ч. 1. – С. 20.

2 В обращении древлян к Ольге после убийства Игоря, последний назван князем руским («се князя убхомъ рускаго»), что свидетельствует о том, что себя в это время они русичами еще не считали.

3 ПВЛ. Ч. 1. – С. 47.

4 Там же. – С. 58.

5 Там же. – С. 59.

И это при том, что административно-политическая система восточных славян, сохранявшаяся практически неизменной вплоть до административных реформ Святослава и Владимира, хорошо отражена в летописи. Говоря об укладах на Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любечь и другие города, летописец в статье 907 г. отметил, что «по тѣмь бо городамъ сѣдяху велиции князи подъ Ольгомъ суще»[1]. Близкие содержательно записи находятся и в договоре 911 г. Послы «от рода Рускаго» представляли не только Олега, но и «всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлых бояръ», а греки должны были хранить любовь «кь княземъ же свѣтлымъ нашимъ Рускым и къ всѣмъ, иже суть подъ рукою свѣтлаго князя нашего»[2]. В договоре 944 г. говорится, что большое руское посольство было направлено в Царьград «отъ Игоря, великого князя рускаго, и от всякоя княжья, и отъ всѣхъ людий Руския земли»[3].

Мимо этих, не совсем понятных, летописных дефиниций не прошел, по существу, ни один историк Киевской Руси. Объяснение они получили разное. Одни (М. П. Погодин, С. М. Соловьев, Х. Ловмянский, А. В. Назаренко и др.) видели в «князьях под Олгом сущих» или во «всяком княжье» договора 944 г. членов семейства Рюриковичей, другие (С. В. Юшков, М. С. Грушевский, Б. Д. Греков, Б. А. Рыбаков, П. П. Толочко и др.) полагали, что летописец под этими определениями имел в виду местных славянских князей, покоренных центральной киевской властью[4].

М. С. Грушевский, обратив внимание на стабильное число послов в договорах, считал, что оно отражало «состав государства из двадцати княжеств до середины X в.». При этом, не исключал, что в некоторых уже могли быть князья, посаженные из Киева, но

---

1 Там же. – С. 24. Исследователи несправедливо обвинили летописца в намеренной фальсификации: договор был один, и только 911 г., а он сделал из него два, переместив часть текста в статью 907 г. Если признавать поход Олега на Константинополь 907 г. реальностью, тогда такой же реальностью следует считать и договор этого года. Чит.: Толочко П. П. Русско-византийские договоры и время включения их в летопись. // Київ і Русь. – С. 59-60.

2 ПВЛ. Ч. 1. – С. 26.

3 Там же. – С. 35

4 Подробнее об этом чит.: Назаренко А. В. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. // Труды Государственного Эрмитажа. XLIX. – СПб., 2009.

в большинстве «нерушимым оставалось собственное управление и свои князья»[1].

В наше время близкую мысль высказал Г. Г. Литаврин. Согласно ему, «русские послы договора 944 г. и свиты Ольги, осуществившей визит в Константинополь, числом 22 представляли интересы 22-х «городских и одновременно крупных административных центров»[2].

Для историка, владеющего не только письменными, но и археологическими источниками, такое понимание летописных свидетельств кажется естественным и единственно возможным. Посольства в Константинополь ведь снаряжались киевскими князьями после военных походов. А поэтому определенно должны были иметь такое же представительство, какое было и в военных акциях. Невозможно полагать, чтобы для походов привлекались силы многих восточнославянских племенных объединений (полян, северян, древлян, кривичей, словен, тиверцев и др.), а при заключении мирных договоров их интересы никто не представлял.

А. В. Назаренко, посвятивший этим свидетельствам летописи специальное исследование, вернулся, по существу, к объяснениям, предложенным еще С. М. Соловьевым. При этом, отказал уточнению «по тем бо градам седяху велиции князи, под Олгом суще», завершающему список городов, в аутентичности. Ему кажется, что это разъяснение летописца начала XII в., который не мог представить себе никакой другой уместной для князя позиции, кроме стола в том или ином «граде»[3].

К сожалению, это сомнение не подкреплено какими-либо аргументами. Скажем, хотя бы тем, что в источниках известен прецедент, когда бы все «княжье» земель сосредотачивалось в одном городе. Ссылка на авторитет А. Е. Преснякова, что в «древнейшее – Игорево время семья княжая сидит,

---

1 Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. 1. – К., 1994. – С. 423-425.

2 Литаврин Г. Г. Состав посольства Ольги в Константинополь и «дары» императора // Византийские очерки: Труды советских ученых к XVI Международному конгрессу византинистов. – М., 1982. – С. 82.

3 Назаренко А. В. Сложение русской государственности. – С. 413.

по-видимому, нераздельно в Киеве», не убедительна, поскольку это не источник, а тоже мнение. К тому же, каких-либо документальных данных, которые бы показывали, что семья Игоря состояла, кроме Ольги и Святослава, также из многочисленного «княжья», у нас нет.

В связи с этим, основной вывод А. В. Назаренко, что «князья под Ольгом суще» и «всякое княжье», это «довольно многочисленный кровнородственный коллектив, княжеский род в широком смысле слова», корпоративность владения которого выражалась в том числе и в совместном пребывании в общей столице[1], подтвердить нечем. Из текста договоров это никак не следует[2]. Наоборот, свидетельства о том, что это «княжье» находилось во власти Олега – «под Олгом суще», или «под его рукою», к тому же представляло не только киевский княжеский род, но и «всѣхъ людий Рускои земли», а греческая дань распределялась между древнейшими городами (даже если их было и меньше, чем это перечислено летописью), указывают на то, что руские посольства действительно представляли интересы всех административно-территориальных единиц, подвластных или временно подконтрольных Киеву.

Отказывая послам в широком поземельном представительстве, А. В. Назаренко неожиданно предположил, что таковыми следует считать «гостьев»[3]. Но эта интересная мысль, по существу, разрушает его же вывод об исключительно киевском составе посольств. Если города и земли могли быть представлены купцами, то почему не могли – послами? Тем более, что в договоре 944 г., где упомянуты послы и гости («сьли и

---

1 Там же. – С. 418.

2 Во время дискуссии на Международной конференции в Институте всеобщей истории РАН от 29. 10. 2012 г. А. В. Назаренко призвал своих оппонентов внимательно анализировать византийские источники, в частности произведения Константина Багрянородного. Однако даже и наивнимательнейшее чтение византийского автора не может приблизить нас к пониманию того, кто скрывается под определением «всякое княжье» договора 944 г. У Константина об этом ничего не сказано. Здесь все-таки лучше внимательно анализировать русскую летопись, в которой присутствует имя одного из этих «всяких» князей. Это древлянский князь Мал.

3 Назаренко А. В. Сложение русской государственности. – С. 422.

гостье»), они не расчленены по этим двум категориям и, скорее всего, сочетали в себе обе функции.

И, конечно же, у нас нет оснований видеть во всяком «княжье» исключительно членов семейства Рюриковичей. Если исходить из свидетельств русской летописи, а других источников о семействе первых киевских князей северного происхождения у нас нет, говорить о Рюриковичах во множественном числе для конца IX – первой половины X вв. вообще не приходится. Рюриковичем был Игорь. К этому роду, возможно (но не обязательно), принадлежал Олег, укоривший Аскольда и Дира в их некняжеском происхождении и рекомендовавший таковым себя («но азъ есмь роду княжа»). Но это и все Рюриковичи, которые утвердились в Киеве. Большая кровнородственная семья из них явно не получается. Даже и в широком смысле слова.

Против расширительного понимания киевского семейства Рюриковичей конца IX – первой половины X вв., как многочисленного кровнородственного коллектива, свидетельствует и тот факт, что ни один из предполагаемых его представителей не заменил собой кого-либо из племенных князей. Первыми Рюриковичами, посаженными на земельные столы, были сыновья Святослава.[1]

Не убежден, что нам стоит слишком концентрировать свое внимание на виртуальном, когда имеем столько реальных свидетельств о характере и структуре восточнославянской власти накануне и в первые десятилетия утверждения на Руси варяжских князей. Наглядное представление об этом дает пространный летописный рассказ о взаимоотношениях князей Игоря и Ольги с древлянами.

Конфликт между Киевом и Искоростенем возник из-за неупорядоченных даннических отношений. Древляне требовали установления нормированной дани и сохранения автономии своей земли, а Киев стремился устранить местную администрацию и заменить ее киевской.

Из статьи 946 г. явствует, что древляне, вопреки не очень благосклонному представлению их киевским летописцем, в социально-политическом отношении

---

1 Согласно Константину Багрянородному, в Новгороде при Игоре княжил Святослав. Из наших летописей это не следует.

ничем не отличались от полян. У них был свой князь, лучшие или нарочитые мужи, дружина, вече, то есть все те институты, которые характеризуют раннегосударственную форму общественной жизни. Причем, сложились они задолго до середины X в. Это видно из речи древлянских послов, обращенной к Ольге. В ней говорится не только о нынешнем древлянском князе Мале, но также и о его предшественниках, которые обустроили Древлянскую землю. «А наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьскую землю»[1].

По существу, «Деревская земля» конца VIII – первой половины X вв. во главе с древлянскими князьями представляла собой такое же раннегосударственное образование, как и Руская земля во главе с варяжскими князьями.

Центральным или стольным городом Древлянской земли был Искоростень, истоки которого уходят в VIII в[2]. Однако он не единственное городское средоточие древлян, имелись и другие, о чем вполне отчетливо говорит летописная статья 946 г. После неудачного сражения с киевской дружиной, водимой Ольгой и Святославом, древляне отступили в свои «грады» и закрылись в них. «Древляне же побѣгоша и затворишася в градѣхъ своихъ»[3]. О градах во множественном числе говорит и Ольга в своем послании к осажденным искоростенцам. «А вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань»[4].

Археологические исследования последних лет, осуществленные Б. А. Звиздецким, показали, что как город Искоростень в первой половине X в. ничем не уступал Киеву. Имел двухчастную планировочную структуру, располагал мощными укреплениями, имел достаточно богатую материальную культуру, развитые ремесло и торговлю. Найденные в нем золотые и серебряные височные кольца находят ближайшие аналогии в древностях Великой Моравии, Венгрии и Малой Польше, железные фибулы и серебряные

---

1 ПВЛ. Ч. 1. – С. 40. Думается, спор о том, кого следует понимать под «нашими князьями», лишен предметности. Конечно, это предшественники Мала, а не его современники. Вряд ли можно предположить, что в середине X в. у древлян было много князей.

2 Звіздецький Б. А., Польгуй В. І., Петраускас А. В. Нові дослідження стародавнього Іскоростеня//Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII-X ст. – К., 2004. – С. 62-86.

3 Там же. – С. 42.

4 Там же.

Искоростенское городище. Ювелирные изделия.

гарнитурные бляхи – в Балтийском регионе, серебряные диргемы – на Арабском Востоке, предметы вооружения – в Средней и Северной Европе[1]. Все эти вещи обнаружены под слоем пожарища 946 г., и следовательно, их верхние даты не выходят за пределы первой половины X в.

Как справедливо полагают исследователи, часть из найденных ювелирных изделий могла быть изготовлена местными мастерами по привозным образцам. О развитии в Искоростене собственного ювелирного ремесла говорят находки керамических льячек, ювелирного пинцета, а также, возможно, пятилучевых серебряных сережек. Последние очень напоминают радимические височные подвески, но в отличие от них имеют на внутреннем полуовале кольца не лучевые отростки, но изображения птиц и зверей. Ничего подобного этим подвескам древнеруская археология до сих пор не знала.

1 Там же. – С. 51-86.

Характерно, что вещи эти найдены не в составе клада, а в культурном слое, в сожженных постройках, а также в заполнении вала бермы одного из эскарпов городища. Принимая во внимание тот факт, что три четверти городища уничтожены в 30-е годы XX в. при создании здесь военного укрепрайона, а также сравнительно небольшую площадь исследований оставшейся его части, можно предположить, какие богатства ожидали бы археологов, если бы памятник сохранился до наших дней.

Открытия Б. А. Звиздецкого в Искоростене стали неким шоком для исследователей, пребывающих под впечатлением нелицеприятной летописной характеристики древлян. Откуда у такой бедной восточнославянской земли, удивляются они, взялись столь роскошные иностранные вещи? А. П. Толочко не нашел этому другого объяснения, как только то, что они – результат участия Древлянской земли в работорговле[1]. Надо полагать не собственной, а централизованной, поскольку уже в IX в. древляне стали данниками Киева. Наверное, совершенно исключать такой древлянский товар из номенклатуры дальней торговли Руси невозможно, но считать его единственным, который только и обогащал древлянскую знать, нет оснований.

Прежде всего потому, что Древлянская земля не была беднее остальных восточнославянских регионов. Она обладала практически всем ассортиментом торговых товаров, которые поставлялись Русью на иностранные рынки. Среди них наиболее востребованные – шкурки пушных зверей, мед, воск. Красноречивым свидетельством этому является «дань по чернѣ кунѣ», которую древляне должны были платить Олегу, после его «примучивания» в 883 г. Не было недостатка у древлян и в вековых деревьях, из которых они, как свидетельствовал Константин Багрянородный, «рубили моноксилы». Из обращения Ольги к древлянам, что «вси грады ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землѣ своя», можно сделать вывод, что развитым у них было и сельское хозяйство. А требование дружины Игоря идти по дань определенно указывает,

1 Толочко Алексей. Очерки начальной Руси. Киев, Санкт-Петербург, 2015. – С. 224.

что в Древлянской земле было чем поживиться. Примечательно, что и полюдье киевских князей начиналось с нёе же.

Пытаясь осмыслить факт наличия в Искоростене конца IX – первой половины X вв. скандинавских вещей, В. Н. Зоценко пришел к неожиданному выводу, что этот княжеский центр на древлянской территории имел отдельный варяжский корпус, оставленный в городе Олегом[1]. Можно подумать, что автор разыскал неизвестное ранее письменное свидетельство о пребывании варягов в Искоростене. В действительности, сочинил занимательный рассказ на основании присутствия в археологическом комплексе скандинавских находок. А. В. Комар связывает «обилие скандинавских престижных маркеров» с уничтожением древлянами дружины Игоря в 945 г[2].

Прежде всего следует уточнить, что никакого «обилия» скандинавских «маркеров» в Искоростене нет. Найдено всего несколько подвесок. Значительно больше здесь вещей, имеющих аналогии в византийских, моравских, венгерских и печенежских древностях. Отчего тогда не предположить, что в Искоростене стоял печенежский корпус? Для этого были бы хоть какие-то основания. В частности, найденные здесь сбруйные и портупейные бляшки, которые действительно подтверждают наличие в Искоростене воинского гарнизона.

Разумеется, ни о каком варяжском корпусе в Искоростене не может быть и речи. Если не придумывать, а исходить из летописных свидетельств, тогда придется согласиться, что в 945 г. столкнулись интересы киевского князя Игоря, варяга по происхождению, и древлянского князя Мала. Более того, в это время древляне вообще не рассматривали себя в системе киевской власти. Она для них была чужой. Не считали они себя и русичами, что хорошо видно из следующих слов. «Рѣша же деревляне: «Се князя убихом рускаго» [3].

---

1 Зоценко В., Звіздецький Б. Типологія та хронологія артефактів «скандинавського» типу із розкопок стародавнього Іскоростеня//Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування давньоруської держави) IX-XI ст. Чернігів. 2006. Б. Звиздецкий не разделил вывод своего соавтора, полагая, что Искоростень был центром «племенного княжения».

2 Комар А. В. Киев и Правобережное Поднепровье//Русь в IX-X вв. Археологическая панорама. – М., 2012. – С. 331.

3 Повесть временных лет. Ч. 1. – М.-Л., 1950. – С. 40.

Прибытие древлянских послов в Киев и их казнь княгиней Ольгой. Миниатюра Радзивиловской летописи.

Такое предположение не совсем согласуется со свидетельствами руско-византийских договоров, где понятие «Русь» как будто распространялось уже не только на киевского князя, но и на всех «иже суть под рукою его, свѣтлых и великих князь» [1]. Возможно, однако, что мы имеем здесь дело с киевским взглядом, который еще не стал указом для древлян.

Взятием и сожжением Искоростеня Ольга, по существу, определила новый статус Древлянской земли в административно-территориальной структуре Киевского государства. С ее автономией было покончено. Местная племенная администрация была пленена и уничтожена, а ее место заняла киевская. Из летописи не видно, какая судьба постигла последнего древлянского князя Мала, но, думается, Ольга вряд ли пощадила его. О пресечении местной княжеской династии свидетельствует и тот факт, что Древлянская земля стала первой из «племенных» территорий, где был посажен киевский князь. В 970 г. Святослав отослал туда сына Олега, при этом новым стольным градом древлян, по-видимому, определил Овруч. В XII в. именно этот город служил резиденцией одного из киевских князей-соправителей.

Судя по летописному сообщению, Ольга существенно реформировала взаимоотношения Киева с Древлянской землей. Система взимания дани была

1 ПВЛ. Ч. 1. – С. 25-26.

действительно упорядочена, но ее размеры стали еще большими, чем это было при Игоре. Кроме того, в Древлянской земле появились опорные пункты киевской власти. «И иде Вольга по Дерьвьстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы и уроки; и суть становища еѣ и ловища»[1]. Вслед за древлянами такие же порядки были распространены на северян, кривичей и словен, чем, по существу, был завершен первый этап сложения территорий Киевского государства.

Взаимоотношения Киева и Искоростеня середины X в. ставят перед исследователями еще один важный вопрос: в какой мере опыт докиевского периода истории древлян послужил созданию Киевского государства? В свое время А. Е. Пресняков высказал предположение, что древнеруские городские волости возникли постепенно уже на глазах истории и не представляли собой наследия «докняжеских» времен. Они явились на развалинах племенного быта, «не из него выросли, а его разрушили»[2]. Близкого мнения придерживался и С. В. Юшков, полагавший, что крупная феодальная сеньория Киевской державы возникла на развалинах племенных княжений[3].

Сторонники таких взглядов есть и в наше время, однако они вряд ли продуктивны. Если отрицать органическую преемственность социально-экономического развития восточнославянского общества эпохи племенных княжений и раннегосударственного их быта, тогда придется признать, что государственность в восточнославянском обществе действительно привнесена извне.

Наверное, летописные известия о противостоянии племенных княжений и варяжской княжеской власти Киева дают основания для таких выводов. Внешне это действительно выглядело как отрицание наследия племенного этапа и создание нового строя власти. Известно ведь, что «примучивание» восточнославянских племен сопровождалось истреблением их князей и сожжением административно-политических центров. Археологические исследования «градов»

1 Там же. – С.43.

2 Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. – М., 1938. – Т. 1. – С. 62, 93.

3 Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. – М.-Л., 1939. – С. 172.

VIII-IX вв. обнаружили почти повсеместно мощные слои пожарищ, которые разделили их жизнь на два этапа – племенной и киеворуский.

В книге «Древнерусский феодальный город» мной подробно рассмотрен этот вопрос. И тогда отрицание преемственности в социально-экономическом развитии восточных славян догосударственного и раннегосударственного периодов мне представлялось совершенно неверным. Изучение процессов формирования древнейших городов убеждало, что все они своими корнями уходят в эпоху племенных княжений, выросли из межплеменных или общинных центров, обладавших значительной структурообразующей традицией[1].

Последующие исследования, в том числе и археологические раскопки древлянских градов, еще более укрепили в этом выводе. Изменившиеся политические и социально-экономические условия жизни древлянского общества, естественно, внесли существенные коррективы в процессы градообразования, но в целом не разрушили старые традиции. Изучение древнеруских городищ в Коростене на реке Уж, у Малина на р. Ирше, в селе Городок, у Радомышля и Иванкова на Тетереве и некоторых других показывает, что в их основании покоятся культурные слои VIII-X вв. Характерно, что даже Искоростень, понесший наибольший урон от киевских властей, не прекратил своего существования.

В свое время я назвал преемственный путь образования восточнославянских городов, примером чему служили и древлянские грады, как, например, «общинно-феодальный». При всей условности такого определения, оно все же достаточно реалистично. На общинные структуры, в том числе и раннегородские, в середине X в. наложилась киевская государственная власть. Мы не знаем, что представляли собой «становища» княгини Ольги, но можно предположить, что они были учреждены в уже существовавших населенных пунктах Древлянской земли. Скорее всего, и здесь речь идет об административном переподчинении старых «градских» волостей киевской власти. Новых средоточий, которые бы были основаны Киевом для

---

1 Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. – К., 1989. – С. 59-70.

контроля за племенными и общинными центрами, мы, по существу, и не знаем.

Таким образом, можем констатировать, что Древлянская земля была полностью подчинена центральной власти Киева только к середине X в. Никаких коренных социально-экономических изменений в ее развитии не произошло, что стало возможным в условиях относительно быстрого, хотя и не бесконфликтного вхождения ее в административно-территориальную структуру Киевского государства.

Нет сомнения, что аналогичным образом были включены в Киевское государство и все другие славянские племена. В них также новые города, строившиеся киевской властью, накладывались на сформировавшуюся ранее социальную округу. Поразительно, но несмотря на административно-управленческие реформы Ольги, Святослава и Владимира, при котором, по существу, завершилось собирание восточнославянских земель в едином государстве, в основе территориального деления Руси сохранилась старая племенная структура. Она естественным образом трансформировалась в удельную.[1]

Из всего сказанного следует, что мы не можем, не должны, исключать «племенной» этап в жизни восточных славян из эволюции их государственности. Равно, как и начинать политическую историю Древней Руси только с прихода варягов, что имеет место в наше время. И даже сопровождается поиском первой руской столицы где-то на севере восточнославянского мира – в Старой Ладоге или Новгороде.

---

1 Во время дискуссии по докладу А. С. Щавелева «Восточнославянские племена: этапы завоевания и степень зависимости от «державы Рюриковичей»» на Международной научной конференции «Русь эпохи Владимира Великого» (Москва, 14-16 октября 2015 г.), автор решительно не согласился с моим утверждением, что включение всех восточных славян в государственную систему Руси происходило по древлянскому «сценарию». Как кажется молодому исследователю, могло быть и по-другому. Возможно, и могло. Вот только доказать это нечем. Как нечем доказать и другое его предположение о территориальной лоскутности Киевского государства, которая будто бы сохранялась и при Владимире Святославиче. В действительности, что уже раньше показал А. П. Толочко, такая лоскутность имела место до времени правления Владимира. При нем государственная территория обрела те очертания, которые сохранятся (с незначительными изменениями) в продолжение нескольких столетий. (Толочко О. П., Толочко П. П. Київська Русь. – К., 1998. – С. 72 – карта Руси в 945 г. и – С. 104.)

Это контрпродуктивное занятие. Как в научном, так и в общественно-политическом смысле. Мы, в лучшем случае, определим административно-политические средоточия отдельных восточнославянских межплеменных объединений. При этом, если не будем прибегать к насилию над источниками, придем к выводу, что все они в социальном плане явления одного порядка. Ни один существенно не старше другого и политически не значимее. Ладога и Новгород на севере такие же локальные центры роста ранней государственности, как Киев и Искоростень на юге, или Полоцк на северо-западе. И ни один из этих городов не может рассматриваться для 60-х годов IX в. как столица Руси.

Общая столица для всех восточных славян появилась тогда, когда север и юг восточнославянского мира объединились в единое государственное образование. Ею с 882 г. стал Киев, в котором утвердилась варяжская по происхождению княжеская династия. И хотя появление названия «Руская земля» в летописи приурочивается к началу царствования императора Михаила III[1], числа в ней положены не от княжения Рюрика или Аскольда, но Олега. «От перваго лѣта Олгова, понеличе сѣде в Киѣве»[2]. Несомненно, летописцы отдавали себе отчет в том, что только с этого события и следует отсчитывать историю восточнославянского государства с центром в Киеве.

---

1 Реальнее относить это событие к 860 г., когда Русь заявила о себе мощным нападением на столицу Византии.

2 ПВЛ. Ч. 1. – С. 17

Глава 7

От «града» Кия к «городу» Владимира

В последние годы заметно оживился интерес к истории и археологии раннего Киева. Развернувшаяся на страницах журнала «Ruthenica» дискуссия показала, что новое поколение киевоведов испытывает определенную неудовлетворенность многими, казалось бы, хрестоматийными положениями в этой области. Речь идет о местонахождении древнейшего городского средоточия и его датировке, об атрибуции объектов, ранее признававшихся языческими капищами, исторической топографии центральной части Киева времени княжения Ольги, интерпретации срубной постройки под Десятинной церковью, времени сооружения и характере укреплений «города Владимира», местонахождении Боричевого узвоза, социальной интерпретации Подола и др.

Разумеется, это естественный процесс научного познания, когда новое поколение исследователей пересматривает или уточняет выводы своих предшественников. Другое дело, насколько эти новации обоснованы источниками. При знакомстве с публикациями по этой теме далеко не всегда возникает ощущение их крайней необходимости, вызванной обретением новых аргументов. Иногда это воскрешение давних точек зрения, не получивших в последующем научного признания, чаще же авторские предположения, основанные, скорее, на исследовательской интуиции, чем на системе твердых фактов. Имеют место, к сожалению, и откровенно эпатажные утверждения, ни на чем не основанные. В частности, в исследованиях некоторых зарубежных и отечественных коллег, которые и вообще не видят возможности говорить о Киеве раньше 80-х годов IX в.

Летопись о начале Киева

В основе руского летописания начального периода лежит преимущественно устная традиция.

Основание Киева. Миниатюра Радзивиловской летописи.

Отношение к ней исследователей чаще всего недоверчиво снисходительное. Абстрагироваться от нее совершенно они не могут, но и полагаться, как на полноценное документальное свидетельство, решаются далеко не всегда. Нередко в предании историки склонны видеть не отзвуки реального события, но результат позднейшего сочинительства. И, главным образом, на почве заимствования чужих сюжетов. Снабдив тот или иной летописный рассказ определениями «легенда» или «миф», они, по существу, лишают его исторического содержания. Рассказ есть, а события как будто и не было. Тем самым избавляют себя от необходимости поиска в нем хотя бы какой-то крупицы исторической реальности.

Примером этому могут служить, в частности, исследования В. Я. Петрухина, в которых он не устает повторять, что рассказ о Кие и его братьях смоделирован с библейского сюжета о трех сыновьях Ноя.[1] Наверное, литературно-библейский и киевский сюжеты какое-то сходство и обнаруживают, но содержательно они ведь совершенно разные. Киевские братья построили один город и назвали его именем старшего брата, тогда как библейские – построили три города и назвали их именами своих жен. К тому же, в Библии говорится и о четвертом городе, принадлежавшем Ною. Где же тут параллель или заимствование?

Еще одним доказательством в пользу библейского происхождения сюжета об основании Киева, как

1 Петрухин В. Я. История славян и руси в контексте библейской традиции: миф и история в «Повести временных лет»// Древнейшие государства Восточной Европы. 2001. – М., 2008. – С. 93-112.

кажется В. Я. Петрухину, является название одной из киевских гор – Хоревица, которое повторяет название библейской горы Хорив. Появилось оно будто бы во время обитания в Киеве еврейско-хазарской общины, члены которой знали славянский язык и даже носили славянские имена. Руские летописцы, утверждает исследователь, не распознали имени Хорив, которое относится к предшествующей еврейско-хазарской традиции, и перенесли его на одного из киевских братьев. Логичным было бы отыскание библейских параллелей и двум другим названиям гор – Киевица и Щекавица, но сделать этого В. Я. Петрухин не смог. Не нашлось в земле обетованной созвучных названий[1].

Можно было ожидать, что автор подтвердит свое предположение об обитании еврейско-хазарской общины на Хоревице или рядом с ней ссылками на археологические артефакты, но этого не последовало. Вместо них он привел название киевской крепости у Константина Багрянородного – «Самбатос», в котором также увидел иудейские истоки. Оно, будто бы, происходит от реки Самбатион, протекавшей у крайних пределов обитаемого мира. То, что топонимика Киева вообще не знает такого названия, оказалось несущественным.

По существу, рассуждения В. Я. Петрухина о раннем Киеве оказались не чем иным, как некоторой модификацией утверждений О. Прицака и других историков о том, что Киев был хазарским форпостом. «Дело в том, – пишет он, – что Киев, точнее памятники на территории будущего города, был «форпостом» левобережной волынцевской культуры VIII-IX вв. на Правобережье Днепра. Волынцевская культура синтезировала славянские и степные-салтовские (хазарские) традиции в Среднем Поднепровье»[2].

По форме сказанное звучит как будто убедительно, но, по существу, неверно. Во-первых, волынцевская культура, как это удалось доказать С. П. Юренко, датируется VII-VIII вв., а во-вторых, в Киеве ее памятники не являются основными[3]. Более отчетливы следы роменского присутствия, но также не очень

---

1 Там же. – С. 102.

2 Там же. – С. 101.

3 Юренко С. П. Волынцевская культура//Этнокультурная карта Украинской ССР в I тыс. н. э. – К., 1985. – С. 123-124.

выразительные. Судя по керамике в исследованном нами на Старокиевской горе жилище, первые поселенцы здесь были носителями корчакской культуры. Позже материальная культура раннего Киева окрасилась больше в пеньковско-пастырские цвета.

Пафос В. Я. Петрухина и других исследователей, с энтузиазмом выискивающих иноземные литературные параллели сюжетам руских летописей, сводится к тому, что в восточнославянской истории всего этого не было или могло и не быть, и что летописцы создавали свой наратив на основании чужой истории и чужих текстов.[1] В последнее время особенное усердие в поиске прототипных литературных образцов, содержащихся в «Повести временных лет,» проявляет И. Н. Данилевский. Согласно ему, все летописные свидетельства до времени Ярослава Мудрого являются легендами и преданиями, списанными из библейских и других иноземных текстов. В недавно вышедшей «Истории Украины» первый параграф озаглавлен им «Русь легендарная»[2].

Здесь, что ни сюжет, то литературоведческое исследование, призванное показать, откуда руские

---

1 Характерной здесь является заметка Т. Вилкул о «Капищах» из Корсуня князя Владимира. Обнаружив сходство текста «Повести временных лет» со свидетельством Иоанна Малалы о капищах, поставленных императором Августом, и заметив, что это не означает, что составитель ПВЛ непременно выдумал известия о «конях и капищах медяных», она, тем не менее, сочла возможным затем не только усомниться в существовании «киевской квадриги», но и вообще прийти к выводу о вероятности элементарного «заимствования древнерусским книжником из Хроники Малалы» (Вилкул Т. «Капища» из Корсуня князя Владимира // Ruthenica. Т. VI. – К., 2007. – С. 343-345.)

Разумеется, заимствование имеет место. Но не буквальное, а литературное. У Малалы одно капище «мраморяно», а другое – «медяно», тогда как в ПВЛ оба капища «медяны». У Малалы «сведущеи глаголаху», в ПВЛ «неведуще мнять». Нет буквального совпадения и в уточнениях, что капища стоят и доныне. У Малалы: «Яже капища донынѣ достоять», в ПВЛ: «Иже и нынѣ стоять за святою Богородицею». Как видим, для руского летописца здесь важно не столько «донынѣ», сколько – «за святою Богородицею». Не может быть и малейшего сомнения в том, что Нестор (или его более ранний коллега) не стал бы выдумывать то, чего не было в реальности и о чем бы не ведали его современники.

2 Данилевский И. Н., Таирова-Яковлева Т. Г., Шубин А. В., Мироненко В. И. История Украины. Издательство «Алетейя». – Санкт-Петербург, 2015. Вызывает удивление, что первый раздел этой книги, охватывающий киеворуский (домонгольский) период, назван «Предыстория Украины». Характерно, что в «Истории России» такое уточнение никогда не дается.

Прибытие в Киев Аскольда и Дира. Миниатюра Радзивиловской летописи.

летописцы брали образцы для своих рассказов о ранней Руси. Легенда об апостоле Андрее позаимствована из пророчества Иезеклии об основании Иерусалима, легенда об основателях Киева занесена к нам хазаро-иудейской общиной, которая приурочила библейские топонимы к киевским реалиям. Хорив и Щек у автора – иранские или еврейско-хазарские имена, Лыбедь – мадьярское. Предание о превращении Киева в столицу Руси является не чем иным, как пересказом фрагмента из Жития Василия Нового о Новом Иерусалиме, где он назван «мати градом Сион». Поразительно, но даже летописной ремарке «есть же его могила и до сего дня», которой летописцы уточняли места погребений первых киевских князей, И. Н. Данилевский ухитрился найти литературную параллель. Она, согласно ему, аналог библейского «точного адреса» погребения патриархов.

В таком же литературоведческом ключе построены и авторские рассказы о руских князьях X в. По существу, князей-то в них и нет, есть только предания и легенды, связанные с ними, которые также позаимствованы. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести названия соответствующих параграфов: «Предание об Игоре», «Предание о княгине Ольге», «Легенды о Святославе», «Летописные легенды о Владимире Святославиче». По существу, для автора главным является не историческая реальность, не собственно деяния князей, а то, откуда руские

летописцы заимствовали литературные образцы при их жизнеописании.

Летописный рассказ о посещении княгини Ольги Константинополя напомнил И. Н. Данилевскому рассказ о визите царицы Савеи в Иерусалим, а сообщение об отрубленной голове Святослава вызвало ассоциации о целой серии подобных случаев в мировой истории – отрубленных головах персидского царя Кира, византийского императора Никифора I и даже китайского вождя II в. до н. э. Нашел автор аналогии и летописному описанию голода Святославого войска в Белобережье, которые представлены в библейском описании голода в столице царства Израильского Самарии, во время осады ее сирийским царем. В параграфе о Владимире Святославиче, последнем легендарном князе Руси, три четверти текста занимает доказательство того, что летописное свидетельство о двенадцати его сыновьях является не чем иным, как библейским рассказом о таком же количестве сыновей у Иакова и Измаила. И вообще, цифра «12» в Священном Писании была сакральной, что и подвигло, будто бы, летописца, на создание легенды о двенадцати сыновьях Владимира.

Автор не везде настаивает на том, что использование летописцами иностранных литературных образцов при описании событий руской истории ставит под сомнение их реальность. Но весь пафос его изложения говорит именно об этом. Правда, в параграфе о Святославе об этом сказано и вполне откровенно. «Описание последних лет жизни Святослава в «Повести временных лет» вряд ли стоит воспринимать как протокольно-точное описание того, «как все было на самом деле»[1].

Поразительно, но на более чем полусотне страниц текста сам автор даже и не попытался ответить на вопрос: «Как же было на самом деле?» Основные события ранней руской истории, такие как походы князей на Константинополь и их договоры с греками, собирание ими восточнославянских земель в едином государстве, борьба с печенегами, принятие христианства, социально-экономическое развитие, основание и строительство городов и др., им и вовсе проигнорированы. В результате, от Кия до Владимира Святославича включительно, согласно автору, реальной истории-то и не было. Одни легенды и предания.

1 Там же. – С. 55.

Историческая Русь, по И. Н. Данилевскому, начинается только с Ярослава Мудрого. Правда, никакого обоснования такой периодизации он не дал. В частности, не объяснил, как «легендарный» Владимир мог родить вполне «исторического» Ярослава и чем качественно отличались эти периоды один от другого?

Думаю, что историк не может относиться к летописным текстам только как к литературным заимствованиям. В них он обязательно попытается увидеть реальность. Из ничего ничто не рождается. Не будь события, не появится и предание. Разумеется, последнее могло со временем обрести, и часто действительно обретало, мифологические или легендарные детали. Для его описания определенно привлекались уже существующие тексты. Но это не должно бросать тень сомнения на его историческую реальность[1]. При этом необходимо учитывать, что событие и предание о нем всегда современники. Если предание (или легенда) не возникает практически одновременно с событием, оно уже не возникнет никогда. Новые времена рождают новые легенды.

Хорошей иллюстрацией сказанному является летописный рассказ об основании Киева. Конечно, он фольклорный. И нет ему документального подтверждения. И тем не менее, относиться к нему только как к мифу, причем сочиненному на основании библейских сюжетов, что особенно характерно для современных исторических исследований, совершенно некорректно. Он определенно имел связь с реальным событием. Это понимали уже первые летописцы. Пытаясь ответить на вопрос – «кто в Киевѣ нача первѣе княжити», они занесли на страницы своей хроники народное предание о трех братьях – основателях Киева[2].

По существу, это родовое предание. Не только о Кие и братьях, но и об их потомках. Передавалось от

---

1 Что русские летописцы не механически переносили на страницы своих хроник чужие литературные тексты, но всегда использовали из них только то, что соответствовало реальным событиям отечественной истории, убедительно показал П. В. Лукин в докладе «Начальное летописание об эпохе Владимира Святого и его литературные параллели», прочитанном на Международной научной конференции «Русь эпохи Владимира Великого», состоявшейся в Москве 14-16 октября 2015 г.

2 Повесть временных лет (далее ПВЛ). Ч. 1. Подготовка текста Д. С. Лихачева, перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Под редакцией В. П. Андриановой-Перетц. – М.-Л., 1950. – С. 13.

Поход Аскольда и Дира на греков. Миниатюра Радзивиловской летописи.

поколения к поколению, всплывало в народной памяти не только, когда речь шла о начале Киева, но и позже, когда город и его насельники попадали в зависимость от соседей и иностранцев. Из отдельных частей предания мы узнаем, как киевляне – наследники братьев – были обидимы древлянами, как оказались в данической зависимости от хазар, как затем объясняли свою родословную Аскольду и Диру, обнаружившим по пути в Константинополь небольшой городок на днепровских кручах. На вопрос северных пришельцев – «чий се градокъ?» – киевляне рассказали предание о трех братьях. И что характерно, как и в других случаях, они считали себя прямыми потомками основателей города. «Они же ркоша: «Было суть три братья, Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша городъ сий, и изъгыбоша, а мы сѣдимъ родъ ихъ и платимъ дань козаромъ»[1].

Вопрос о том, отражает ли предание о трех братьях – основателях Киева – историческое событие, благополучно разрешился после того, как археологическими раскопками на Старокиевской горе (о чем подробнее ниже) этот древнейший «градокъ» был действительно обнаружен. Имеются в виду не только

1 Там же. – С. 18.

остатки древнейших укреплений, но также каменное языческое капище, жилища VI-VIII вв., ювелирные изделия этого времени. Аналогичные находки обнаружены и на территориях, прилегавших к укрепленному городку.

Можно спорить (что и происходит) о хронологии этого поселения, а следовательно, и о времени жизни главного персонажа народного предания, но отказывать ему в исторической реальности оснований нет.

Нет однозначности и относительно социального статуса Кия. Как следует из летописи, мнения на этот счет были разноречивыми и в летописные времена. Не все соглашались с его княжеским званием, на чем настаивал Нестор. Некоторые современники, не подвергая сомнению историчность Кия, полагали, что он был простым перевозчиком через Днепр. Нестор назвал таких «несведущими», и возразил им следующим аргументом: «Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду; но сей Кий княжаше в родѣ своемъ, приходившю ко царю»[1].

Раньше мне казалось, что продолжение рассказа о Кие-князе – это уже сочинение Нестора, явившееся результатом каких-то его источниковедческих исканий. При всей заманчивости такого предположения, настаивать на нем все же нет оснований. Аргумент в пользу княжеского звания содержится в самом предании, которое не заканчивалось сообщением об основании града, но содержало ряд подробностей о хождении Кия к царю – византийскому императору. Это определенно следует из ссылки Нестора на сказание: «Яко же сказають». В Ипатьевской летописи та же ссылка дополнена признанием летописца в том, что имя этого царя осталось неизвестным. «Но токмо о семъ вѣмы, яко же сказають, яко велику честь приялъ есть отъ царя, которого не вѣмъ и при которомъ приходи цари»[2].

Как видим, Нестор и последующие редакторы проявили к преданию максимальную корректность. Чего в нем не было, не появилось и у них. В своем неведении они честно и сознались: «Но токмо о семь вѣмы, яко же сказають».

Пользуясь определением Нестора, можно сказать, что «несведущие» есть и в наше время. Некоторым

1 ПВЛ. Ч. 1. – С. 13.

2 Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. – М., 1982. – Стб. 8.

историкам больше импонирует версия о Кие – перевозчике и охотнике, чем князе. Ссылаясь на авторитет Новгородской первой летописи, текст которой, с легкой руки А. А. Шахматова, считается более ранним, чем тот, что в «Повести временных лет», Е. А. Мельникова утверждает, что Кий сохраняет здесь черты архаичного охотника и первопредка-первоправителя, но ни в коей мере не князя. Составитель же «Повести временных лет» не мыслил Кия человеком низкого социального статуса, а поэтому приложил немало усилий, чтобы «представить его в противоположность устной традиции и Начальному своду русским князем»[1].

Если говорить серьезно, я не вижу сколько-нибудь существенной разницы между «первопредком-первоправителем, изначально наделенным властью над полянами», как его, по мнению Е. А. Мельниковой, аттестует Новгородская первая летопись, и князем, что утверждается в «Повести временных лет». Но ведь и у новгородских летописцев версия о Кие-перевозчике не единственная. Как и киевские, они привели мнение о Кие-перевозчике или охотнике, но сами не сомневались в его княжеском звании. Отвечая на вопрос – «како во имя назвася Кыевъ?», они поставили его в ряд тех городов мира, которые получили имена «царев тѣхъ и князей тѣхъ». «Тако жѣ и в нашеи странѣ званъ бысть градъ великимъ княземъ во имя Кия»[2].

Следует заметить, что исследуя летописные известия о древнейшем периоде отечественной истории, историки, о чем уже шла речь выше, нередко сосредотачиваются не столько на выявлении в них событийной содержательности, сколько на поиске прототипных литературных образцов. Будучи убежденной в том, что Кий ходить в Константинополь не мог, Е. А. Мельникова полагает, что летописец смоделировал свой рассказ на основе повествований о походах Святослава[3]. Как по мне, так никаких параллелей

---

1 Мельникова Е. А. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлении древнерусских летописцев X – нач. XII вв.//Древнейшие государства Восточной Европы. 2005. – М., 2008. – С. 49-50.

2 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М., 2000. – С. 103.

3 Мельникова Е. А. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности. – С. 50.

здесь нет. Святослав ходил на Византию войной. Причем, дважды. Кий же, судя по летописи, осуществил в Константинополь дипломатический визит. Да и особых почестей от императора Святослав не поимел, в отличие от Кия.

А теперь посмотрим, есть ли в рекомендации Кия князем нечто необычное, чего вообще не могло быть в ранней истории восточных славян? Определенно, нет. Даже и в том случае, если мы отнесем его деятельность к VI в. Это ведь было время формирования восточнославянских племенных союзов, во главе которых уже стояли князья, архонты по византийской титулатуре. «И по сихъ братьи, – замечает летописец, – почаша родъ ихъ княженье в поляхъ, а в древляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое»[1].

Сложнее с теми подробностями из жизни Кия, которые свидетельствуют о его встрече с византийским императором и попытке закрепиться на Дунае при возвращении на родину. И дело здесь не в том, когда это было возможным: во времена Юстиниана I, как предполагал Б. А. Рыбаков, при правлении Ираклия, на чем настаивал М. Ю. Брайчевский, или Константина Великого, что казалось реальным И. Я. Франко[2]. Проблема в том, могла ли в принципе состояться подобная встреча?

Думается, что ничего невероятного в этом нет. Как свидетельствует Прокопий Кесарийский, о чем речь выше, такие встречи и были. Славянин Хильвудий во времена Юстиниана I был поставлен начальником Фракии для охраны дунайской границы от варваров[3]. Около 545 г. к антам были отправлены послы греков, объявившие согласие императора уступить славянам нижнедунайскую крепость Туррис и близлежащие земли при условии, что они будут охранять северную границу империи от гуннов. Значит, перед этим в Константинополе побывало антское посольство, просившее эту крепость у Юстиниана. Наверное, были и другие встречи, о которых сведений не сохранилось.

Похожее свидетельство содержится и в предании о Кие. Как и Хильвудий, он также предпринял попытку закрепиться на Дунае. «Идущю же ему (Кию. – *П. Т.*) вспять, приде къ Дунаеви, и възлюби мѣсто, и сруби

1 ПВЛ. Ч. 1. – С. 13.

2 Толочко П. П. Древний Киев. – С. 19-20.

3 Прокопий из Кессарии. Война с готами. – М., 1950. – С. 294-295.

градокъ малъ, и хотяще сѣсти с родомъ своимъ, и не даша ему ту близь живущии». От себя летописец добавил, что «и донынѣ нарѣчають дунайци городище Киевець»[1].

Разумеется, у нас нет оснований отождествлять Хильвудия с Кием, что иногда встречается в литературе, или полагать, что свидетельство летописца о попытке последнего закрепиться на Дунае соответствует греческому известию о предоставлении антам крепости Туррис. Однако то, что между славянами и Византией в VI-VII вв. имели место не только военные, но и дипломатические контакты, позволяет относиться и к этой части летописного рассказа с большим доверием. Это не плод сочинительства летописца, а тоже народное предание, которое, как и весь летописный рассказ, несомненно, имеет реальную событийную основу.

На это обстоятельство обращал внимание еще Д. С. Лихачев. Анализируя киевское, а также другие предания о братьях-родоначальниках, он пришел к выводу, что перед нами исторические предания, обладающие отчетливой политической функцией, которая получала свое звучание не под пером летописца, но была изначально заложена в самом предании[2].

«Град» Кия

Анализ историко-топографической динамики раннего Киева начнем с выяснения местонахождения древнейшего городского (или протогородского) ядра. В свое время, основываясь на тщательном учете археологических находок VI-VIII вв., автор этих строк пришел к выводу, что средоточием начального Киева была Замковая гора, а также северо-западный отрог горы Старокиевской[3]. В целом это положение не претерпело в новых исследованиях существенной корректировки, если не считать того, что некоторые молодые авторы сжились с ним, как со своим[4].

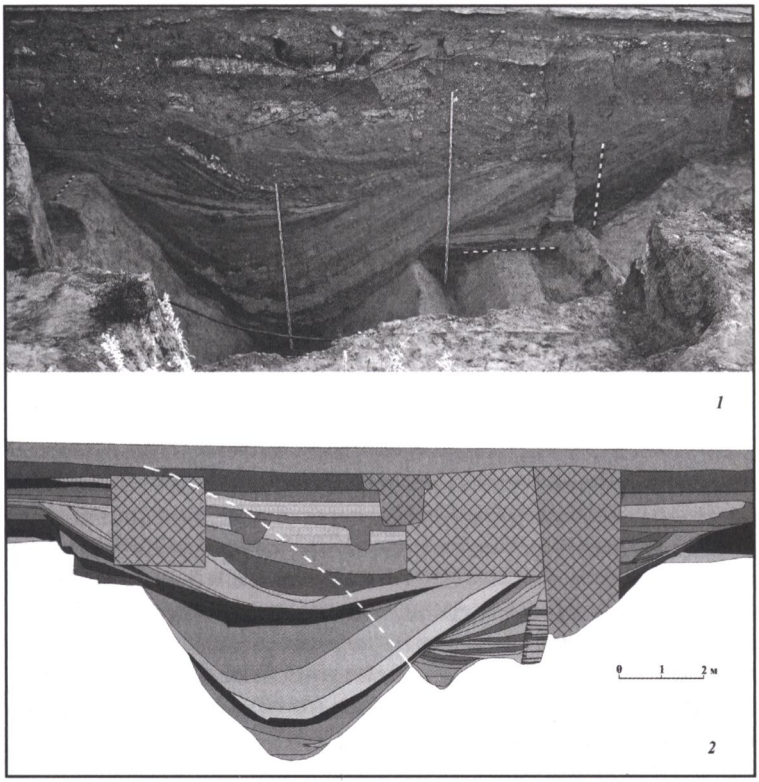
---

1 ПВЛ. Ч. 1. – С. 13.

2 ПВЛ. Ч. 2. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. – М.-Л., 1950. – С. 221.

3 Толочко П. П. Історична топографія стародавнього Києва. К., 1970. – С. 42-53, 66.

4 Козюба В. К. «Місто Володимира» у Києві: історична реальність чи історіографічний міф? // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Т.1. – Коростень, 2008. – С. 257.

Разрез рва древнейшего киевского «града». 1 — фото; 2 — чертеж (белой пунктирной линией обозначена стенка первичного рва).

Впервые следы древнейших укреплений на Старокиевской горе были выявлены в 1910-1912 гг. петербургским архитектором Д. Милеевым. Это был ров глубиной 7-8 м, шедший вдоль северной стены Десятинной церкви. На некоторых участках рва в его заполнении были обнаружены деревянные доски и бревна. Автор раскопок не понял тогда его назначения, полагал, что он окружал Десятинную церковь, хотя в периодической прессе высказывалась мысль, что это остатки городского укрепления.

В конце 30-х годов XX в. исследование рва было продолжено Ф. Молчановским и М. Каргером на более значительном протяжении. Они показали, что перед нами действительно остатки древнейших укреплений. Следы этого рва были зафиксированы впоследствии автором этих строк в усадьбе № 7

по Десятинному переулку, буквально над склоном в сторону Гончарного оврага. Значительные исследования рва удалось осуществить также при новом вскрытии фундаментов Десятинной церкви экспедицией Г. Ю. Ивакина в 2008-2009 гг. Таким образом, он был зафиксирован практически по всей его длине. Начинался от склона Старокиевской горы у Андреевского (древнего Боричева) узвоза, перерезал нынешнюю усадьбу Национального исторического музея Украины и заканчивался над спуском в сторону Гончарного оврага. Площадь, заключенная им, равнялась около 2 га.

Что касается точных датировок, то здесь, видимо, с одинаковым правом и впредь будут существовать разные мнения. В большей мере это относится ко времени сооружения древнейших укреплений на Старокиевской горе, которое определяется исследователями по-разному. М. К. Каргер полагал, что их появление следует относить к VIII-IX вв. Свою дату он обосновал находками лепной керамики этого времени, обнаруженной в заполнении древнейшего рва. Находилась она, как отмечали в своих дневниках Ф. Н. Молчановский и В. К. Гончаров, на самом дне[1], что действительно может служить хронологическим маркером времени начального этапа функционирования рва. Другое дело, насколько М. К. Каргеру удалось точно продатировать эту лепную керамику, тем более, что он не исключал отнесение ее и «к более раннему времени»[2].

Многолетние археологические раскопки, осуществленные на Старокиевской горе С. Р. Килиевич и автором этих строк, обнаружили остатки, по меньшей мере, трех жилищ, в которых выявлена лепная керамика пражского типа VI в. и роменского – VII-VIII вв. Еще одно жилище VI-VII вв. выявлено раскопками 1937 г. у древнего капища, которое перекрывало его значительную часть. В 1939 г. в усадьбе Киевского исторического музея, почти у самого края Старокиевской горы, удалось раскопать жилище, которое его исследователь, по составу находок, датировал VIII-IX вв[3].

---

1 Мовчанівський Т. М. Щоденник розкопок 1936 г. Научный архив Института археологии НАН Украины. – С. 43, 51-56.; Гончаров В. К. Щоденник розкопок. Там же. – С. 84-89.

2 Каргер М. К. Древний Киев. Т.1. – М.-Л., 1958. – С. 103.

3 Каргер М. К. Древний Киев. – С. 105.

Исходя из результатов раскопок, а также из того, что керамика VI-VII вв. неоднократно обнаруживалась также и на Замковой горе, я счел возможным отнести к этому времени и сооружение первого киевского укрепления. В пользу такой датировки свидетельствуют также находки на Старокиевской и Замковой горах византийских монет конца V-VI вв. (киевский исследователь С. В. Коршенко определил три фолиса императоров Анастасия I (498-518 гг.) и Юстиниана I (527-563 гг.), фибулы с красной выемчатой эмалью V-VI вв., пальчатых, зооморфных и антропоморфных фибул VI-VII вв., литых браслетов с утолщенными концами VII в., браслетов с расширяющимися пустотелыми концами VII-VIII вв[1]. По предположению Г. Ф. Корзухиной и М. Ю. Брайчевского, названные ювелирные изделия происходили из двух кладов[2].

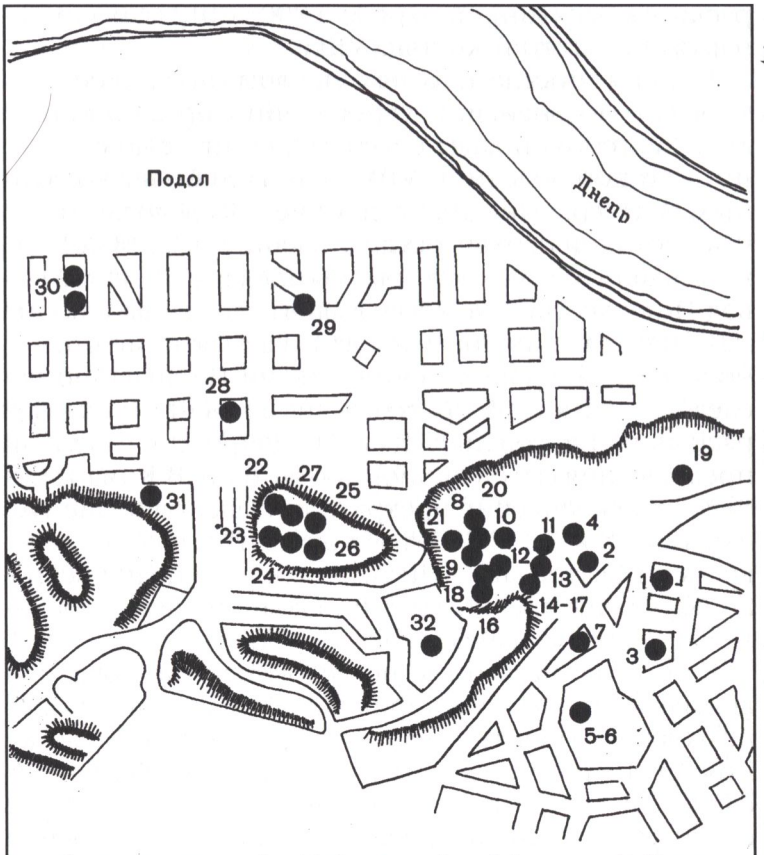
Исходя из того, что вещи третьей четверти I тыс. н. э. находились не только на территории древнейшего городища, но и вне его, в том числе и в районе Софийского собора, ул. Малой Житомирской, в других местах, я высказал предположение о том, что в это время была заселена также и южная околица Старокиевской горы[3]. Возможно, и прилегающие к горам подольские территории. На улице Спасской, у самого подножия Замковой горы, была найдена небольшая остродонная амфора, похожая на ту, что обнаружена на горе. В 1893 г. на углу ул. Константиновской и «Канавы» (очевидно, Глубочицы) обнаружена большая медная монета Юстиниана I, чеканенная в 537 г[4]. Как следует из указателя выставки Киевского общества древностей, в конце XIX в. у подножия горы Щекавицы найдена антропоморфная фибула, состоящая из двух частей, соединенных короткой дужкой. Приемник для иглы оформлен в виде женской головки, а низ – в виде коротких женских ног. Убедительных археологических подтверждений оно не получило до сих пор, но

1 Там же. Боровский Я. В., Сагайдак М. А. Археологические исследования Верхнего Киева в 1978-1982 гг.//Археологические исследования Киева 1978-1983. – К., 1985. – С. 49.

2 Корзухина Г. Ф. К истории Среднего Поднепровья в середине I тыс. н. э.//СА. № XXII. М., 1955. – С. 92; Брайчевський М. Ю. Коли і як виник Київ? – К., 1963. – С. 74.

3 Толочко П. П. Історична топографія. – С. 54.

4 Петров Н. И. Историко-топографические очерки древнего Киева. – К., 1898. – С. 83.

1 — бронзовая антропоморфная фибула и серебряный браслет, ул. М. Житомирская; *2* — пальчатая фибула, Верхний Киев; *3, 4* — фибулы, Верхний Киев; *5, 6* — серебряные браслеты (семь), усадьба Софийского собора; *7* — золотые пластины, угол Б. Житомирской и Владимирской; *8* — языческое капище, усадьба Государственного Исторического музея; *9* — фибулы с красной эмалью, усадьба Петровского; *10, 11* — древнейший ров и лепная керамика, усадьба Государственного Исторического музея; *12* — лепная керамика из рва; *13* — лепная керамика к югу от Десятинной церкви; *14—17* — лепная керамика, ул. Слюсаревского; *18* — жилище с лепной керамикой, усадьба Государственного Исторического музея; *19* — византийская монета, VIII в., усадьба Михайловского Златоверхого монастыря; *20* — жилище и лепная керамика, склоны Старокиевской горы; *21* — жилище и культурный слой с лепной керамикой, склоны Старокиевской горы; *22* — лепная керамика, Замковая гора; *23, 24* — культурный слой с лепной керамикой, Замковая гора; *25* — византийские монеты, конец V — начало VI в., Замковая гора; *26* — бронзовая фигурка льва и фибула, Замковая гора; *27* — херсонесская амфорка, ул. Спасская; *28* — лепная керамика, ул. Межигорская; *29* — антропоморфная фибула, вблизи Щекавицы

Топография находок третьей четверти I тыс. н. э.

какие-то следы жизни здесь все же выявить удалось. Керамика третьей четверти I тыс. н. э. обнаружена, в частности, раскопками экспедиции Я. Е. Боровского в юго-восточной части «города Владимира»[1]. Во время

1 Боровський Я. Е., Калюк О. П. Дослідження київського дитинця//Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984-1989 рр. – К., 1993. – С. 3-42.

раскопок Десятинной церкви в 2005-2012 гг. были обнаружены остатки жилища VIII в[1].

В новых исследованиях авторы предпочли датировку древнейших укреплений, предложенную М. К. Каргером, правда несколько сузив ее до середины – второй половины VIII в. Каких-либо новых данных, подтверждающих эту дату, нет. Исследования рва у Десятинной церкви, осуществленные в 2008-2011 гг., не выявили находок, которые бы поддержали такой вывод. По существу, и не могли выявить, поскольку любые находки в заполнении рва могут указывать лишь на относительную хронологию его жизни. Не случайно исследователи, вместе проводившие в течение ряда лет раскопки, не сошлись даже в вопросе о времени прекращения его функционирования. А. В. Комар считает, что укрепления прекратили существование уже в начале IX в.[2], а В. К. Козюба относит это событие ко времени Святослава[3]. Ни тот, ни другой не привели в пользу своих предположений сколько-нибудь убедительных археологических свидетельств.

К тому же названные исследователи не обратили внимания на то, что зафиксированный ими разрез позволяет говорить о наличии двух этапов возведения древнейших киевских укреплений. В пользу этого свидетельствуют два конических углубления, а также структура заполнения первичного рва с подгородной стороны. На каком-то этапе потребовалось его расширить и углубить за счет напольного пространства. Разумеется, такое наблюдение не вносит дополнительных данных для датировки этих укреплений, но дает некоторое представление о сравнительно длительном их функционировании.

Нельзя признать удачной и попытку разобраться в характере древнейших укреплений. Как утверждает А. В. Комар, «ни одна из работавших на городище экспедиций не обнаружила следов древнейшего вала потому, что его и не было – по краю рва с внутренней стороны стояла дерево-земляная стена, укрепленная глиняным откосом, частью рухнувшая в ров»[4].

---

1 Раскопки экспедиции под руководством Г. Ю. Ивакина.

2 Комар А. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева //Ruthenica. Т. 4. – К., 2005. – С. 124 и сл.

3 Козюба В. К. «Місто Володимира»... – С. 263-264.

4 Комар Алексей. К дискуссии... – С. 125.

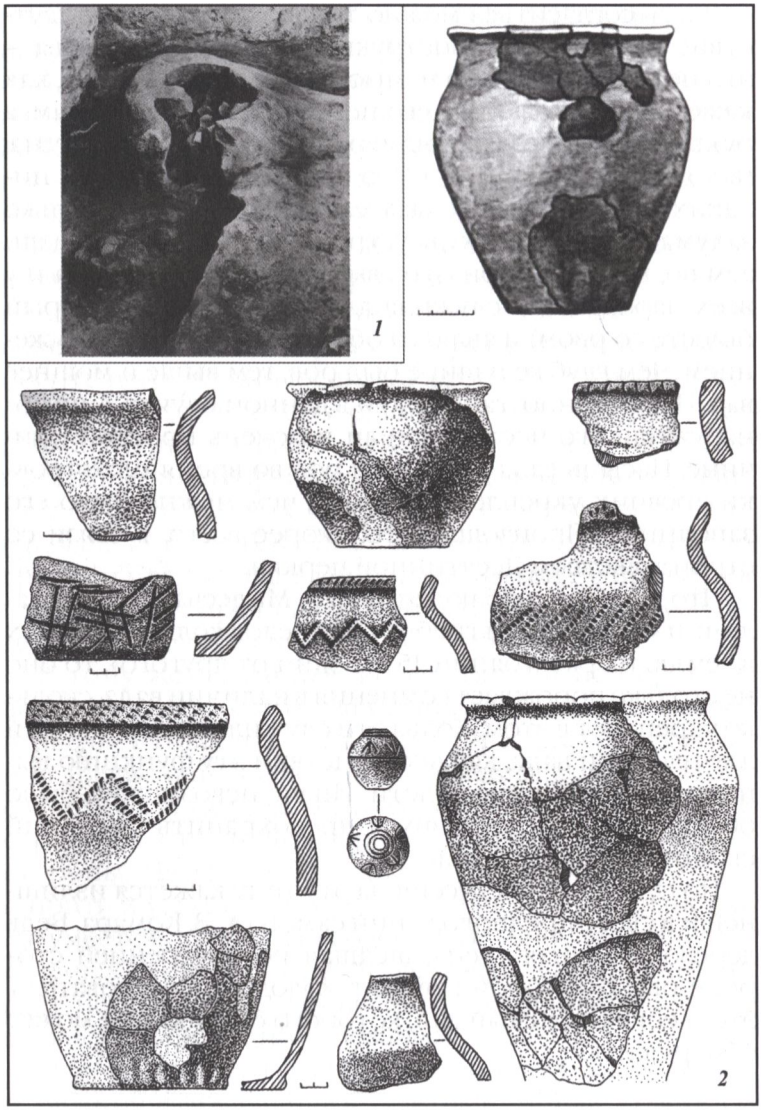
Здесь согласиться можно только с тем, что присутствие деревянных конструкций в заполнении рва – это не следы каких-то немыслимых его ремонтов, как кажется В. К. Козюбе и его петербургским коллегам, а рухнувшая в него (или намеренно сброшенная) стена, находившаяся на валу[1]. Что он был, не требуется никаких специальных доказательств. Достаточно только задуматься над тем, куда устроители укреплений дели землю, вынутую при отрывке рва. Во все времена и у всех народов она служила для насыпи вала, который (вместе со рвом) и являлся оборонительным сооружением. Чем глубже и шире был ров, тем выше и мощнее вал. Несомненно, так было и в данном случае. А не обнаружили его исследователи по очень простой причине. Насыпь вала вернули в ров во время планировки древних укреплений. Иначе, чем можно было его заполнить? Произошло это, скорее всего, в связи со строительством Десятинной церкви.

Что касается наблюдения Д. В. Милеева 1912 г. о наличии «на внешнем гребне рва следов кольев, забитых в землю на расстоянии 15 см один от другого», то оно не столько порождает сомнения в наличии вала, сколько укрепляет в этом. Колья эти служили конструкцией для насыпки вала, как впоследствии эту функцию выполняли деревянные клети. Иначе невозможно было обеспечить его крутизну и предохранить внешний скат от сползания в ров.

По существу, дискуссия на эту тему кажется излишней и в свете предположений самого А. В. Комара. Ведь дерево-земляная стена, шедшая по внутренней стороне рва, о которой говорит молодой исследователь, это и есть тот самый вал, которого он никак не может обнаружить.

---

1 Там же. – С. 134-135. Выявленные новыми раскопками незначительные следы деревянных конструкций в средней части откоса первичного рва с городской стороны невозможно интерпретировать как срубное его укрепление. Во-первых, лесовые стенки рва не нуждались ни в каком специальном укреплении, чего и не знает отечественная средневековая фортификация. А во-вторых, небольшие размеры предполагаемого сруба (менее 1 м по ширине), а также отсутствие угловых замков с подгородной стороны делают эту конструкцию совершенно бессмысленной в инженерном отношении. Она не только не могла ничего укрепить, но сама нуждалась бы в укреплении. К тому же, как явствует из обмерного чертежа разреза, эта конструкция не простиралась на всю высоту рва, будучи перекрыта слоями засыпки.

Киев. Старокиевская гора. 1 — жилище VI в.; 2 — керамика VII–VIII вв.

За пределами исследовательских возможностей оказались и наблюдения о перерывах в заселенности древнейшего киевского ядра, которые, согласно А. В. Комару, приходятся на конец VII – нач. VIII, а также на первую треть IX – вторую половину IX вв. Их совершенно нечем доказать. Сделать это было бы крайне сложно даже и в том случае, если бы поселения

на Старокиевской и Замковой горах сохранили четкую культурную стратиграфию. Но ведь ее же нет. Активная жизнедеятельность в древнеруское, позднесредневековое и последующее время практически уничтожила древнейшие культурные слои. Только небольшие их островки сохранились до наших дней. Утверждение названного автора, что сооруженные или обновленные в волынцевское время укрепления на Старокиевской горе «гибнут в первой трети IX в. в результате штурма», и вовсе невозможно комментировать из-за их очевидной надуманности. Ни в письменных, ни в археологических материалах они не находят подтверждения.

Если исходить из имеющихся археологических артефактов, а не из умозрительных авторских «сценариев развития города», то придется признать историческую непрерывность развития жизни на Замковой и Старокиевской горах от VI-VII вв. до летописного Киева. Новый этап исследований не привнес качественно иных источников, которые бы дали основание кардинальному пересмотру хронологии древностей начального киевского ядра. Не оказалось продуктивным и переосмысление уже известных источников.

Сказанное в полной мере относится и к новейшей интерпретации каменного сооружения, открытого В. В. Хвойкой в пределах древнейших укреплений в 1908 г. Для В. К. Козюбы отождествление его с языческим капищем не кажется убедительным. «Никаких весомых аргументов в пользу такой атрибуции нет, кроме посылок на длинный перечень исследователей, которые a priori приняли эту точку зрения[1]. А. В. Комар, не оспаривая назначение этого сооружения, ставит под сомнение его хронологию. Ему не кажется верной мысль М. К. Каргера о том, что капище возможно датировать VIII в., а поэтому предлагает относить время его возведения только к X в[2]. Некоторых исследователей наличие каменного капища в пределах древнейших укреплений привело к мысли о сакральном характере городка, который являлся, будто бы, исключительно местом исполнения языческих обрядов[3].

---

1 Козюба В. К. «Місто Володимира»... – С. 257.

2 Каргер М. К. Древний Киев... – С. 111; Комар А. К дискуссии... – С. 129.

3 Катышев Д. М. Начальный этап истории Киева (IX-X вв.)// Вестник Челябинского государственного университета. Серия 1.

Капище. Раскопки 1908 г. Рисунок В. В. Хвойки.

Удивительно, но при высказывании новых взглядов авторы часто не проявляют не только историографической корректности, но и элементарного уважения к источникам. Конечно же, в пользу сакрального характера каменного сооружения свидетельствует не только «длинный перечень» сторонников такого отождествления. На эту мысль В. В. Хвойку и других ученых натолкнуло обнаружение рядом с каменным сооружением, с западной его стороны, так называемого жертвенного столба, состоявшего из чередующихся слоев сильно обожженной глины с прослойками золы и угля, а также нахождение вокруг него большого количества костей и черепов животных, главным образом, домашних[1].

Неубедительным выглядит и утверждение о городище-святилище. Даже если бы на его территории не были обнаружены реальные следы заселенности VI-VIII вв., в пользу этого свидетельствовали бы остатки мощных укреплений, совершенно немыслимых и не нужных, если бы на всем двухгектарном плато Старокиевской горы функционировал только один языческий храм.

Разумеется, летописное предание – не свидетельство очевидца, и мы не обязаны относиться к нему, как

История – 2005. – №2 (18). – С. 8-13. Правда, мысль эта не новая, но высказанная еще в 70-е годы XX ст. М. Х. Алешковским. Чит.: Алешковский М. Х. Повесть временных лет. – М., 1971. – С. 126.

1 Хвойка В. В. Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена. – К., 1913. – С. 66.

к документу. Но «град» на Старокиевской горе действительно обнаружен, и это позволяет видеть в этом предании вполне конкретные исторические реалии. Как и в известии статьи 862 г., рассказывающей об овладении Киевом Аскольда и Дира. «И поидоста по Днѣпру, и идуче мимо и узрѣста на горѣ градокъ»[1]. На вопрос, чей он, Аскольд и Дир получили ответ, что это городок Кия, построенный тремя братьями.

Рассуждения о том, какой городок увидели с Днепра плывшие по нему Аскольд и Дир, не имеют принципиального значения. С Днепра одинаково хорошо просматривались обе горы: Замковая и Старокиевская. Важным здесь представляется только то, где находилась в это раннее время княжеская резиденция. Традиционное мнение, высказывавшееся многими исследователями о том, что древнейший Киев-град располагался на Старокиевской или западной части Андреевской горы, в последнее время также подверглось пересмотру. Развивая высказанную мной мысль, что древнейшим средоточием киевской жизни была Замковая гора, В. Н. Зоценко пришел к выводу, что именно на ней и была «княжеская резиденция Игоря – Ольги – Святослава и его сыновей»[2].

---

1 Там же. – С. 19.

2 Зоценко Владимир. Скандинавские древности и топография Киева // Ruthenica. Т. 2. К., 2003, – С. 33-35; А. В. Комар, поддержавший В. Н. Зоценко в его локализации княжеского двора на Замковой горе, пустился в теоретические рассуждения, что ранний княжеский двор напоминал большую укрепленную усадьбу с большим деревянным теремом, амбарами, погребами и полуземлянками челяди, казармами для дружины. (Чит.: Комар А. К дискуссии... – С. 131.) С этим можно было бы и согласиться, если бы эти рассуждения хоть в малой степени опирались на реальные археологические данные.

Странная логика получается у названных авторов. Для размещения древнейшего княжеского городка на Старокиевской горе нужны фактологические доказательства, а на Замковой – достаточно формулы: «Я так думаю». Кстати, площадь Замковой горы равняется не 20 га, как утверждал В. Н. Зоценко, а около 6 га. И над уровнем Днепра она возвышается не на 100 м, а в лучшем случае на 60-70 м. Эти уточнения не влияют на правильность (или неправильность) выводов, но свидетельствуют о недостаточной внимательности к точности фактов.

Позже к такой локализации княжеской резиденции присоединил свой голос и М. А. Сагайдак, причем заявил, что вначале исследователи отдавали предпочтение Старокиевской горе, но затем местом древнейшего поселения и прототипом будущего городского детинца была признана Замковая гора. (Сагайдак М. А. К истории градообразования на территории древней Руси.

Какие-либо археологические источники на этот счет отсутствуют, а поэтому В. Н. Зоценко в доказательство своего экстравагантного предположения привлек летописные свидетельства. Привлек, надо сказать, не очень корректно, а осмыслил и вовсе неверно. Пространная статья 945 г. не дает и малейших оснований располагать княжеские постройки этого времени на Замковой горе. Если не фантазировать, а держаться свидетельства летописца, то окажется, что «город Киев», княжеский двор в городе и двор теремной вне города четко маркируются Боричевым узвозом, Десятинной церковью и двором деместника, что «за святою Богородицею». Имеющееся уточнение, что на территории древнейшего града во времена летописца располагались дворы четырех киевских бояр, также не отсылает нас к Замковой горе.

Длительное время исследователи исторической топографии полагали, что открытые В. В. Хвойкой фундаменты каменной постройки над усадьбой № 38 по Андреевскому спуску и есть остатки летописного терема княгини Ольги. Того, который располагался «внѣ города», т. е. за пределами укреплений. Новые исследователи поставили под сомнение и этот вывод. Главным аргументом здесь является неизвестно на чем основанное убеждение, что каменное строительство в Киеве началось только во времена Владимира, а также и то, что восточный (северо-восточный) дворец не согласован планировочно с Десятинной церковью, а посему появился уже после завершения ее строительства.

Оба аргумента не имеют сколько-нибудь убедительных оснований. При повторном вскрытии фундаментов Ф. Н. Молчановским экспертная комиссия, в которую входил и историк архитектуры И. В. Моргилевский, действительно определила время возведения этого дворца концом X в. Правда, никаких доказательств этого предположения она не привела. К тому же, отметила еще одно любопытное обстоятельство, почему-то ускользающее от внимания последующих исследователей, что рядом с монументальной кладкой выявлены и другие строительные остатки,

VI в. – первая половина XI века// История русского искусства. Т. 1. Искусство Киевской Руси IX – первая четверть XII века. – М., 2008. – С. 100.)

включающие камни красного кварцита, которые не были архитектурно связаны с основной постройкой[1]. Как видим, Ф. Н. Молчановским были обнаружены остатки двух каменных сооружений, не обязательно одновременных.

Возвращаясь к свидетельствам летописной статьи 945 г., следует сказать, что их историческая достоверность нашла подтверждение и в наших раскопках 1970-1972 гг. Ими в самом центре древнейшего городища были выявлены остатки еще одной монументальной постройки. Ее фундамент состоял из валунов, рваного песчаника, шиферных плит, уложенных на глиняном растворе. В отдельных местах находилась кладка из квадратной и очень тонкой плинфы, также положенной на глиняном растворе. По характеру кладки и плановой структуре, что показал В. А. Харламов, это сооружение отличалось от известных ранее дворцовых построек, что позволяет относить его к более раннему времени[2].

Не исключено, что исследованные в центре древнейшего городища каменные фундаменты принадлежат тому дворцу Ольги, который был в городе: «А дворъ кьняжь бяше в городѣ». Отсутствие летописного уточнения о характере княжеского дворца на этом дворе не является основанием для отрицания его каменной архитектуры. К тому же, он мог быть и деревянным на каменном основании, о чем автору уже приходилось писать.

О том, из какого терема (деревянного или каменного) наблюдала Ольга за шествием древлянских

---

1 Научный архив Института археологии НАН Украины 1938 г. № 331.

2 Толочко П. П. Древний Киев. – К., 1976. –С. 28; Боровский Я. Е. Светские постройки//Новое в археологии Киева. К., 1981. – С. 175-180. Недавно этот вывод подвергся кардинальному пересмотру в кандидатской диссертации санкт-петербургского исследователя Д. Д. Елшина, полагающего, что постройка в центре древнейшего городища была возведена не ранее конца XI в. (Елшин Д. Д. Комплекс монументальных сооружений конца X века на Старокиевской горе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – СПб., 2008. – С. 19.)

Приведенные им аргументы, основанные на «анализе материалов археологических раскопок», совершенно недостаточны, чтобы опровергнуть выводы В. А. Харламова, Г. Н. Логвина, Н. В. Холостенко, осуществлявших эти раскопки и наблюдавших выявленные части построек не по фотографиям и чертежам, а воочию.

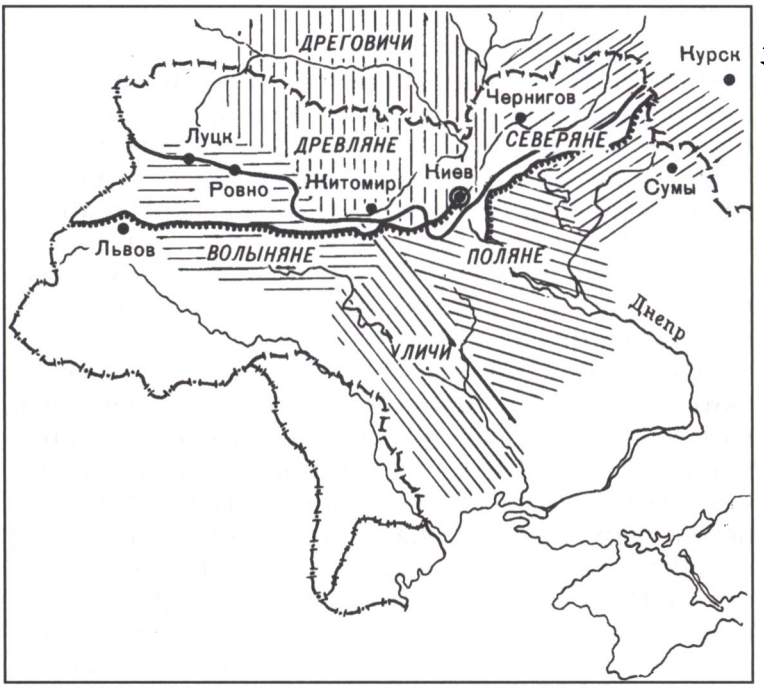

послов, в летописи вообще ничего не говорится. И миниатюра Кенигсбергской летописи здесь ничем помочь не может, как это казалось В. Н. Зоценко. Фахверковая постройка, изображенная на ней, не отражает ни одного из типов киевской жилой архитектуры X в. и определенно позаимствована копиистом из близкой ему западноевропейской действительности XIV-XV вв.

В заключение данного сюжета хотелось бы призвать своих молодых коллег к более корректному использованию письменных источников. В последних нельзя вычитывать то, чего в них нет. Если сказано, к примеру, что теремной двор Ольги с каменным дворцом находился за святою Богородицей над горою, и место это уточнено двором регента Десятинной церкви, то именно это и следует анализировать. Если приводится свидетельство о княжьем дворе в городе, то надо не отсылаться к Замковой горе, где никаких княжеских построек не обнаружено, а обратиться к реальным остаткам постройки в центре древнего городища и хотя бы задаться вопросом, а не о ней ли говорил летописец?

Изложенные выше материалы показывают, что Киев третьей четверти I тыс. н. э. находился в ряду таких укрепленных центров, как Зимно, Битица, Пастырское и др. Правда, с иной последующей судьбой. В то время как названные поселения, по разным причинам, прекратили свое существование, Киев уверенно выдвинулся на положение политического средоточия широкой территориальной округи. И не только полянской, как об этом пишется в летописи, но и других племенных объединений – древлян, уличей, северян. Это очень хорошо прослеживается на его материальной культуре, и прежде всего, на керамическом комплексе, который обнаруживает элементы, роднящие его с культурами корчак и лука райковецкая, на правом берегу, и волынцевско-роменскими древностями – на левом. В этом сказалось его пограничное положение на стыке расселения древлян, полян, уличей и северян. Можно сказать, что Киев изначально формировался, о чем мне уже приходилось писать, как межплеменное средоточие, что явилось одним из важных условий относительно быстрого его возвышения как столичного центра[1].

1 Толочко П. П. Древний Киев. – К., 1983. – С. 32-33.

Историко-географическая ситуация времени возникновения Киева.

Другим, не менее важным обстоятельством его ускоренного развития были исключительно благоприятные микрогеографические условия территории. Находясь почти посредине днепровского пути «Из варяг в греки», она как бы на замок закрывала широко разветвленную систему речных магистралей верхней части Днепровского бассейна. Разумеется, не последнюю роль в возвышении Киева сыграла и топография, не имеющая себе равных во всем Поднепровье. Высокие отроги коренного берега Днепра, подымающиеся на 70-80 м над его уровнем, сеть небольших речных притоков Днепра (Лыбедь, Глубочица, Киянка), а также овражная пересеченность создавали такое количество естественно укрепленных гор (Замковая, Старокиевская, Детинка, Щекавица, Лысая), каких ни в одном другом месте нет. И наконец, киевская территория располагала первоклассной речной гаванью, которой была река Почайна.

Приходится констатировать, что предгосударственному Киеву в историографии (преимущественно зарубежной) повезло не больше, чем «граду Кия». Одни исследователи (И. Каллмер, К. Цукерман) не видят возможности говорить о нем раньше конца IX в., то есть времени прихода варягов, другие (О. Прицак, М. Гольдельман, Н. Голб и др.) – полагают, что он был уже в конце VIII – начале IX вв., но основан не славянами, а хазарами.

О том, сколь убедительны в своих утверждениях авторы хазарского происхождения Киева, речь шла в главе «Русь и Хазария». Здесь позволю себе остановиться на аргументах историков, связывающих начало Киева с варяжскими пришельцами. Основным источником вдохновения столь безапелляционному их заключению послужила дендродата одной из построек Подола – 887 г. Стоит ли доказывать, что она в принципе не может служить основанием для подобного вывода. И прежде всего потому, что является, можно сказать, счастливой случайностью. Нам удалось обнаружить остатки одной из ранних построек, но никакой гарантии нет, что самую раннюю. Она покоилась на культурном слое, который образовался, по меньшей мере, в течение всего IX в. Содержал керамику, изготовленную на круге, так называемого, курганного типа, а также и лепную. Если исходить только из дендродат, то придется признать, что в Верхнем Киеве урбанистический этап вовсе не наступил. Там археологического дерева нет, а следовательно, нет и дендродат. Да и подольское ископаемое дерево нам удалось обнаружить только в 70-е годы XX в.

Можно, разумеется, спорить о времени перерастания Киева из межплеменного средоточия в городское, но в том, что он жил и развивался непрерывно от третьей четверти I тыс. н. э. до летописных времен, сомнений нет. И может, наиболее убедительным свидетельством этому является, так называемый, «город мертвых», огромный киевский некрополь, раскинувшийся на Старокиевском плато, в пределах всего будущего «города» Ярослава.

Один из первых исследователей погребальных памятников Киева Я. Волошинский отмечал, что в киевской местности курганы расположены частично

в самом городе, в местах, заселенных не более трех десятков лет назад, частично в его предместьях. По его подсчетам, число курганов достигало 280-ми. Пятнадцать из них представляли собой отдельно стоявшие насыпи, остальные располагались группами[1]. Приводя такую топографическую характеристику киевских курганов, Я. Волошинский, разумеется, не имел в виду центральную историческую часть города, где к его времени курганы были спланированы. Однако, если бы они здесь сохранились, их топографическое расположение было бы таким же.

Определенно, они не занимали сплошь всю территорию будущих «городов» Владимира и Ярослава. Исследования показали, что погребения располагались группами. Наиболее значительные были раскрыты раскопками В. В. Хвойки, Д. В. Милеева и С. П. Вельмина, М. К. Каргера в усадьбе Десятинной церкви, раскопками С. С. Гамченко, Я. Е. Боровского в усадьбе Трубецкого (ул. Владимирская, 1-3), Я. Е. Боровского и И. И. Мовчана в юго-восточной части «города» Владимира[2]. Отдельные погребения встречались в усадьбе Главтелеграфа, в районе ул. Рейтарской и Б. Житомирской, а также на Михайловской горе, вблизи Софии и Золотых ворот. Аналогичные курганные и бескурганные погребения находились также на Кирилловских высотах в районе Пионерского парка, а также на Батыевой горе.

Результаты исследований могильных древностей систематизированы в работах Л. А. Голубевой, М. К. Каргера, С. Р. Килиевич, а также в ряде других, что избавляет автора от повторения этой аналитической работы. В целях данного исследования важно остановиться на вопросах топографии могильника в пределах «города» Владимира и его хронологии, поскольку именно они представляют наибольший интерес для выявления историко-топографической динамики раннего Киева. В значительной степени эта работа уже проделана[3], поэтому здесь я сосредоточу главное

---

1 Волошинский Я. Киевские курганы. ИОЛЕАЭ. Т. 20. Труды Антропологического отдела. Кн. 2. Вып. 1. – М., 1876. – С. 76.

2 Мовчан І. І., Боровський Я. Є., Гончар В. М., Іевлєв М. М. Звіт про археологічні дослідження на вул. Великій Житомирській, 2-А у м. Києві // Археологічні відкриття в Україні 2002-2003 рр. – К., 2004. – С. 226-227.

3 Толочко П. П. Історична топографія стародавнього Києва. – К., 1970. – С. 60-72.

внимание на отдельных спорных интерпретационных положениях, которые появились, в том числе, и в последнее время.

Могильник состоял из погребений, выполненных по обряду кремации и ингумации. Судя по сведениям, попавшим в печать, соотношение трупосожжений и трупоположений может быть выражено цифрами 1-1,5 к 10. Разумеется, это не объективная картина. Процент трупосожжений был значительно большим. Просто они труднее поддаются выявлению, а поэтому и исследованы в меньшем количестве.

Инвентарь этих погребений сравнительно бедный: глиняные урны с сожженным в них прахом, пережженные бронзовые наременные бляшки, другие металлические предметы, лепная керамика. В некоторых, согласно свидетельству В. В. Хвойки, находились предметы вооружения, полурасплавленные серебряные и бронзовые украшения, что бесспорно указывает на принадлежность погребенных к дружинному сословию.

К сожалению, в настоящее время невозможно ответить на вопрос, какой была эта лепная керамика: корчакско-пражская, волынцево-роменская или лукарайковецкая? Однако даже на основании столь незначительной информации можно сделать заключение, что трупосожжения относятся к начальному этапу существования Киева.

Классифицируя погребения по социальному принципу, исследователи выделили группу богатых – дружинных захоронений[1]. Ряд из них совершены в срубных гробницах. Как правило, они характеризуются богатым инвентарем, среди которого предметы вооружения, различные украшения, монеты. Большинство богатых погребений выявлено в усадьбах начала ул. Владимирской, в том числе и в усадьбе Десятинной церкви, а также в юго-западной части Верхнего города. Л. А. Голубева объясняла такое расположение богатых погребений тем, что они находились по соседству с владениями Рюриковичей[2].

Работая над темой «Историческая топография древнего Киева» в 60-е годы XX в., я пришел к выводу,

---

1 Голубева Л. А. Киевский некрополь. МИА № 11. – М.-Л., 1949. – С. 112.

2 Голубева Л. А. Топография домонгольского Киева. КСИИМК. – М.-Л., 1946. – Т. 26.

что группы погребений (и не только богатых) соответствовали отдельным поселениям или районам раннего Киева[1]. Похожую мысль недавно высказал Ф. О. Андрощук, проанализировав результаты исследований, проведенных Я. Е. Боровским в юго-восточной части «города» Владимира. При этом, он поддержал свой вывод аналогиями из скандинавской средневековой жизни. Согласно ему, в Скандинавии само понятие старых усадеб (дворов или деревень), как правило, предполагало наличие поблизости курганов[2].

Одним из важнейших вопросов, имеющим определяющее значение для воссоздания реальной историко-топографической ситуации раннего Киева, является определение даты его могильников. С. П. Вельмин датировал могильник на Старокиевской горе концом VIII – серединой X вв[3]. Близкого мнения придерживался также Б. В. Фармаковский, являвшийся научным руководителем киевских раскопок.

С такой датировкой решительно не согласился М. К. Каргер. Исходя из монетных находок, он пришел к выводу, что наиболее богатые погребения относятся ко времени от середины до конца X в[4].

В отличие от предшественников, он верхней его датой считал вторую половину X в. Сделал это на основании находок в погребениях византийских и восточных монет. При этом, уточнил датировку некоторых из них более поздним временем. Однако даже и эти уточнения не дают основания относить погребения с монетами к столь позднему времени. В действительности, из шести погребений с монетами только одно имело диргем, относящийся к третьей четверти X в. Да и нет полной уверенности, что он передатирован правильно. Л. А. Голубева датировала его IX вв. Монеты из других погребений относятся к концу IX – первой четверти X в. На этом основании мной был сделан вывод, что могильник на Старокиевской горе, как массовый, городской прекратил свое

---

1 Толочко П. П. Історична топографія стародавнього Києва – С. 63.

2 Андрощук Федор. Скандинавские древности ... – С. 19.

3 Вельмин С. П. Археологические изыскания Императорской Археологической комиссии в 1908-м и 1909 гг. на территории древнего Киева. ВИВ. – К., 1910. Кн. 7-8. – С. 139 и сл.

4 Каргер М. К. Древний Киев. – С. 220-230.

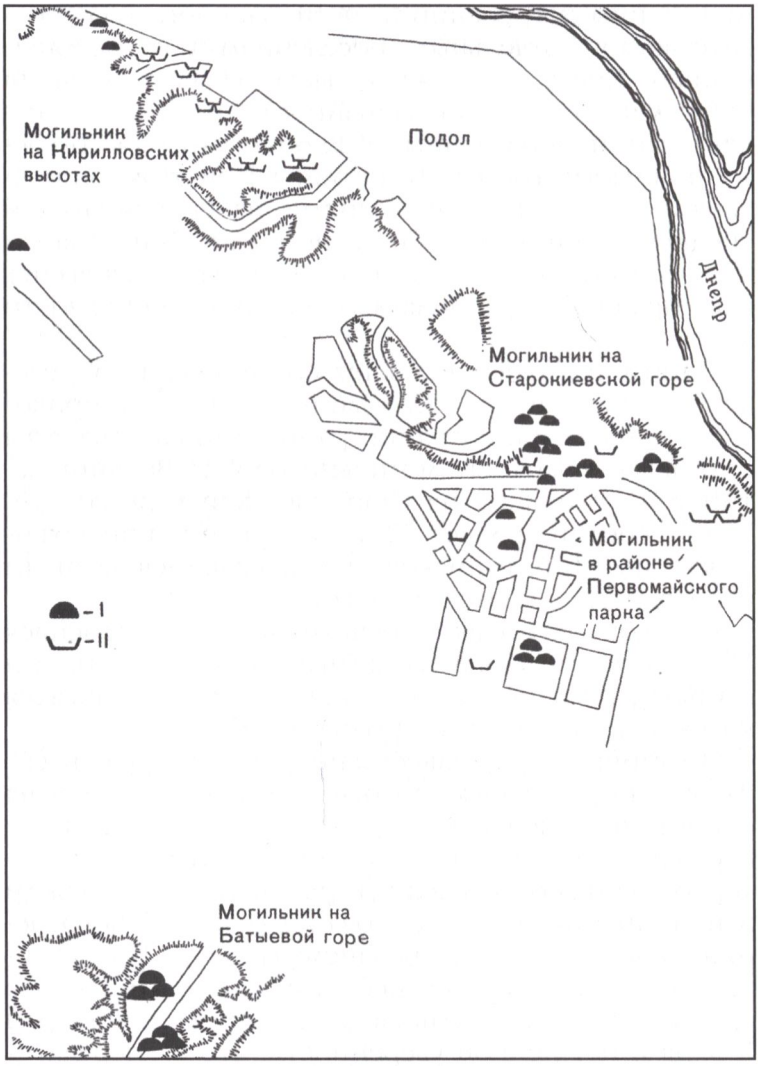

Схема расположения Киевских могильников VIII–X вв.
1 — погребения в курганах; 2 — бескурганные погребения.

существование еще до середины X в. Более поздние погребения, находившиеся вблизи Десятинной церкви, очевидно, относились к церковному кладбищу[1].

В 90-е годы XX в. к близким выводам пришел Ф. А. Андрощук, осуществивший хронологический анализ киевского некрополя на более широкой источниковой основе, используя для этого не только

1 Толочко П. П. Історична топографія стародавнього Києва. – К., 1972. – С. 64.

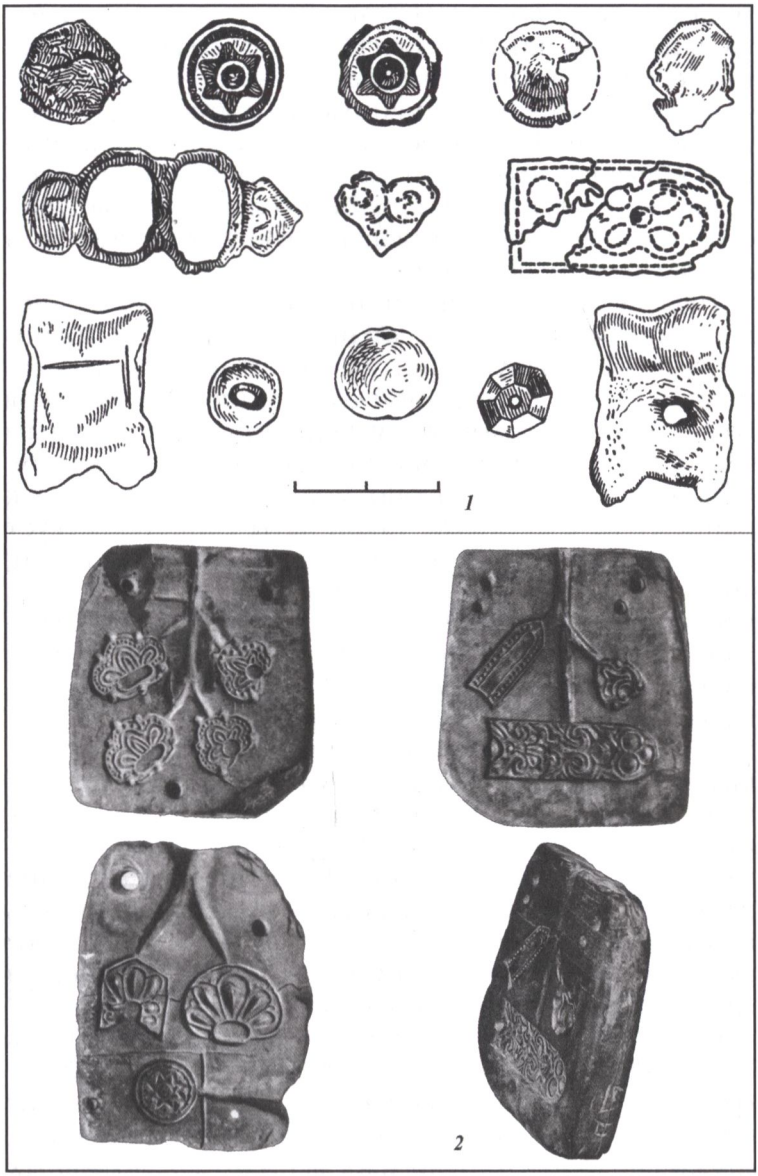
монеты, но и другие хорошо датированные погребальные находки. Исходя из материалов выборки, все погребения, за исключением одного, укладываются, согласно ему, во временные рамки между 900-м и 950-м годами. На этом основании исследователь пришел к выводу, что на сегодня мы имеем достаточно весомые доказательства, чтобы датировать могильник, хронологически предшествующий Десятинной церкви, первой половиной X в[1].

Недавно, на основании анализа инвентаря одного из погребений, исполненного по обряду трупосожжения, обнаруженного к югу от фундамента западной стены Десятинной церкви (по М. К. Каргеру № 120), превосходно выполненного известным знатоком курганных древностей С. С. Ширинским, удалось показать, что оно может быть отнесено к раннему IX в. В пользу такой даты свидетельствует бронзовая литая пряжка в виде двух овальных колец, аналогии которой встречаются в аваро-славянских древностях VIII – нач. IX вв. Находившиеся в погребальном инвентаре бронзовые наременные бляшки с изображением шестиконечной звезды укладываются в рамки VII-IX вв. К этому же времени относятся литой бронзовый наконечник ремня, а также бронзовая литая сердцевидная бляшка, украшенная серебряной инкрустацией. По характеру погребения (трупосожжение), а также по типологии его инвентаря, как полагает С. С. Ширинский, оно принадлежит к группе ранних погребений, которые исследованы также в Шестовице, Седневе и Гнездове. «Приклад» для конской сбруи, по его мнению, мог изготавливаться в одной из киевских мастерских[2].

Остатки такой мастерской были выявлены в 1975 г. на Подоле, в районе пересечения линией метро ул. Верхний Вал. В слое горелого дерева и золы лежали четыре шиферные литейные формочки, служившие для отливки наременных декоративных бляшек: поясных наконечников, сердцевидных и

1 Андрощук Ф., Панченко М., Ковалюх М. До передісторії спорудження Десятинної церкви (хронологічний аналіз поховальних комплексів). Церква Богородиці Десятинна в Києві. – К., 1996. – С. 43-46.

2 Ширинский С. С. Материалы к изучению относительной хронологии курганов Поднепровья в эпоху легендарных князей Руси: Дира и Аскольда//Днѣслово. Збірка праць на пошану П. П. Толочка. – К., 2008. – С. 76-88.

1 — бронзовые литые бляшки, наконечник ремня, сердоликовая, костяная и пастовая бусины из погребения 120 (по М. К. Каргеру) могильника № 1; 2 — ювелирные литейные формочки из Подольской мастерской.

круглых бляшек с восьмиконечными звездочками. На торцевой стороне одной из формочек вырезана куфическая надпись, прочитанная специалистами

(И. Г. Добровольский, Б. И. Маршак) как «Йазид» – «Эзид», или «Турк», и отнесенная к IX-X вв[1].

Исследования могильника на Кирилловских высотах показали его полную тождественность некрополю на Старокиевском плато. Сказанное относится к обрядности погребений (трупосожжения и трупоположения), составу погребального инвентаря, а также времени его функционирования. В целом, его хронология соответствует хронологии находившегося здесь городища, о чем сказано выше.

Согласно В. В. Хвойке, на разных террасах Кирилловского взгорья находилось несколько сот небольших курганов (от 1-го до 2,5 м высотой). Особый интерес представляет группа трупосожжений, являвших собой остатки кострищ на глиняных площадках от 2-х до 3 м в диаметре, в которых находились пережженные человеческие кости, раздавленные керамические сосуды, железные кольца, ножи, бруски, фрагменты каких-то серебряных бляшек в полурасплавленном виде. В одном из погребений на таком кострище стоял целый глиняный горшок, заполненный пережженными костями и золой[2].

Более богатый инвентарь обнаружен в могилах с трупоположениями. Как правило, в них находились горшки, ножи, серебряные серьги, пластинчатые браслеты, ожерелья из бус. В некоторых погребениях обнаружены серебряные дирхемы, использованные в качестве медальонных подвесок. В одном из них, исследованном еще В. Б. Антоновичем, дирхем 759-760 гг. чеканки входил в состав ожерелья из шести стеклянных и одной пастовой бусин.

Несомненный интерес для этнической интерпретации могильника представляет отмеченная В. В. Хвойкой характерная его обрядовая особенность. Многие костяки не имели деревянных гробов, но были окружены железными гвоздями, воткнутыми в землю на небольшом расстоянии один от другого. Согласно ему, эти гвозди скрепляли рогожку или другое какое-либо покрывало, накинутое на покойника[3]. Такие погребения, как известно, широко распространены в курганах Древлянской земли.

---

1 Новое в археологии Киева. – К., 1981. – С. 302-307.

2 Хвойка В. В. Древние обитатели Среднего Поднепровья. – К., 1913. – С. 57.

3 Там же. – С. 54.

В свое время, говоря о хронологии обрядов захоронений, М. К. Каргер не видел возможности относить один из них (трупосожжения) к более раннему времени, а другой (трупоположения) – к более позднему[1]. Разумеется, четко разделить их хронологически вряд ли удастся. На определенном временном отрезке они, несомненно, сосуществовали. И тем не менее, киевская археология содержит данные, свидетельствующие об эволюции погребальной обрядности от сожжения к положению. В 1878 г. недалеко от Софии было раскопано погребение, вызвавшее оживленную дискуссию среди исследователей. Мужской костяк, а также скелет лошади, находившийся при нем, как отмечал П. Г. Лебединцев, лежали «в полосе угля». Ему казалось, что погребение было совершено на кострище, где «в дохристианскую эпоху сжигали трупы умерших»[2]. При обсуждении сообщения П. Г. Лебединцева на заседании Общества Нестора Летописца, А. А. Котляревский высказал предположение, что здесь мы имеем дело с промежуточным обрядом. «Сожжение не сразу перешло в погребение, а тело в переходный, так сказать, период, или сжигали отчасти, или полагали на сожженное предварительно место»[3].

Подтверждением этому явились раскопки С. С. Гамченко в усадьбе № 3 по ул. Владимирской. В четырех могилах, совершенных в обычных деревянных гробах, погребенные были обильно посыпаны золой и мелкими углями, скопления которых были особенно заметны у изголовья и у плеч[4].

Приведенные примеры убедительно свидетельствуют, что в Киеве, как и во всем восточнославянском обществе, обряд трупосожжения предшествовал обряду трупоположения, и следовательно, у нас есть основания в целом датировать киевские погребения с трупосожжениями более ранним временем.

Исследуя могильные группы Киевского некрополя, археологи постоянно задавались вопросом, только

---

1 Каргер М. К. Древний Киев. – С. 165.

2 Лебединцев П. Г. О раскопках на Софийском дворе в мае 1878 г.//ЧИОНЛ. Кн. 2. – Киев. 1878. Отд. 1. – С. 64.

3 Там же.

4 Гамченко С. Розкопки 1926 р. у Києві. Коротке звідомлення за 1926 р. – Київ. 1927. – С. 27-29.

ли жителями сравнительно небольших поселений на горах Замковой, Детинке и Старокиевской они оставлены? После широкомасштабных археологических исследований на Подоле (Красная площадь, 1972 г. и Житний рынок, 1973 г., ул. Верхний и Нижний Вал, 1974-75 гг.), в результате которых удалось выявить строительные комплексы конца IX – первой половины X вв., стало ясно, что поселенческая агломерация Киева в это время не ограничивалась Верхним городом, но занимала и какую-то часть исторического Подола[1].

Этот естественный вывод, однако, не был принят последующим исследователем Подола М. А. Сагайдаком и его московскими соавторами, которые неожиданно пришли к выводу, что в IX-X вв. Верхнего Киева и вовсе не было. Вот что поведал нам В. Я. Петрухин. «Раскопками М. Сагайдака на Подоле были обнаружены древнейшие городские кварталы, ориентированные на речной путь и обслуживание проходящих днепровским путем ладей: планировка этих кварталов повторяла планировку, характерную для балтийских «виков»... На киевской «горе» не было древнего города, там и в X в. располагался некрополь и княжеский двор»[2].

Поразительно, сколь нетребователен автор к корректности отсылок и формулировок. Во-первых, «древнейшие городские кварталы» обнаружил не М. А. Сагайдак, а П. П. Толочко и К. Н. Гупало[3]. Во-вторых, ни наши раскопки, ни последующие – М. А. Сагайдака, ровным счетом ничего не дали для вывода о том, что «на киевской горе не было древнего города и в X в.». Для такого утверждения нужны раскопки не Подола, но Верхнего города. В. Я. Петрухин сослался на М. А. Сагайдака, но, оказывается, его статья в первом томе истории русского искусства имеет и соавторов-соучастников

---

1 Толочко П. П., Гупало К. М., Харламов В. О. Розкопки Київоподолу 1973 р. //Археологічні дослідження стародавнього Києва. – К., 1976. – С. 19-46; Гупало К. М., Толочко П. П. Давньокиївський Поділ у світлі нових археологічних досліджень// Стародавній Київ. – К., 1975. – С. 41-48.

2 Петрухин В. Я. Призвание варягов: историко-археологический контекст//Древнейшие государства Восточной Европы. 2005. – М., 2008. – С. 42.

3 Об этом не любит вспоминать и М. А. Сагайдак, называя все подольские раскопки «нашими»

В. Я. Петрухина и В. В. Мурашеву[1]. Следовательно, и на себя тоже.

Не зная, в чем проявилось соучастие соавторов М. А. Сагайдака, в этой части я буду апеллировать, преимущественно, к нему. При этом остановлюсь только на теме Киева IX-X вв. Вывод о столетнем перерыве в его заселенности совершенно не обоснован. Ссылки на какие-то геологические процессы и катаклизмы, будто бы исключавшие жизнедеятельность на Замковой горе, ничем не подтверждены[2]. Ее изолированность от берегового плато не только не являлась препятствием для поселенцев, но, наоборот, создавала для этого благоприятные условия, поскольку сообщала горе естественную неприступность. Развивая свой тезис, М. А. Сагайдак пришел к заключению, что с конца VIII по конец IX в. не было жизни и на Подоле.

Археологические материалы, о чем речь ниже, не дают для такого апокалиптического вывода и наименьших оснований. Собственно, это следует и из статьи самого М. А. Сагайдака, когда он из абстрактного геологического теоретизирования о каких-то катаклизмах, которые почему-то происходили только в районе Киева, переходит к археологическим реалиям. Городище на Старокиевской горе, оказывается, «просуществовало до начала IX в.», то есть благополучно пережило «природный катаклизм», начавшийся в конце VIII в. Правда, как ему удалось с такой точностью определить эту дату, неизвестно. На основании археологических находок сделать этого невозможно, а летописные позволяют утверждать, что древнейший град существовал и в середине X в.

Следующее его утверждение и вовсе повергает в смятение людей, хорошо знающих киевскую археологию. В середине IX в., – утверждает он, – на месте городища появились погребения большого курганного

---

1 Сагайдак М. А. (при участии В. В. Мурашевой и В. Я. Петрухина). К истории градообразования на территории древней Руси VI – первая половина XI века//История русского искусства. Т. 1. – М., 2008. – С. 81-108.

2 Там же. – С. 101. Собственно на материалах раскопок вывод о геологических катаклизмах в районе Киева сделать невозможно. Были периодические наводнения, фиксируемые слоями чистого речного песка, которые временно прерывали жизнь на Подоле, но нигде нам не удалось обнаружить сколько-нибудь мощных делювиальных выносов из киевских оврагов. Материковая почва Подола также являет собой чистый речной песок.

некрополя[1]. А через несколько абзацев, очевидно запамятовав, что сказал раньше, М. А. Сагайдак спокойно утверждает, что первые погребения на Старокиевской горе появились только в конце IX в[2].

Очень сомнительным является также и вывод о том, что только с конца IX в. происходит и заселение Подола. Трудно отрешиться от мысли, что он «приурочен» к летописному известию о приходе в Киев Олега. Да, древнейшая деревянная постройка, которую удалось обнаружить, имеет дендродату 887 г. Но ведь нет гарантии, что нам удалось обнаружить действительно остатки дома первых подольских поселенцев. К тому же, эта постройка покоилась не на материковом слое, но на культурном, содержавшем лепную и раннегончарную керамику со значительными примесями дресвы. В других местах Подола (по линии метрополитена), где при помощи шурфов нам удавалось выйти на горизонт первичного заселения Подола, также обнаруживался слой с лепной керамикой, которая, скорее всего, датируется VIII-IX вв.

Когда-то летописец, рассказывая о прибытии в Киев в 945 г. древлянских послов, отметил, что их ладьи причалили непосредственно у Боричева узвоза. «Бе бо тогда вода текущи въздолѣ горы Киевьския, и на Подольи не сѣдяху людье, но на горѣ»[3]. В свое время пришлось приложить немало усилий, чтобы доказать экстраординарную сущность отмеченного явления, связанного с наводнением, вынудившим подолян переселиться на гору. Теперь приходится доказывать, что люди жили не только на Подоле, но и на высоком днепровском плато.

Категоричный вывод В. Я. Петрухина об отсутствии на «Горе» города в X в., навеянный, по-видимому, соучастием в доработке статьи М. А. Сагайдака, сродни утверждению, что на Подоле в это время не было Киева. Или что Подол – это не Киев. Причем, для последнего утверждения есть даже и формальное основание – это слова летописца о том, что «градъ же бѣ Киевъ идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ княж бяше в городѣ ..., а перевѣсище бѣ внѣ града и бѣ

1 Там же. Это утверждение расходится с реальностью, которую М. А. Сагайдак должен бы знать. В пределах древнейшего городища не выявлено ни одного погребения.

2 Там же. – С. 102.

3 ПВЛ. Ч. 1. – С. 40.

внѣ града дворъ другыи, идеже дворъ Демесниковъ, за святою Богородицею над горою, бѣ бо ту теремъ каменъ»[1].

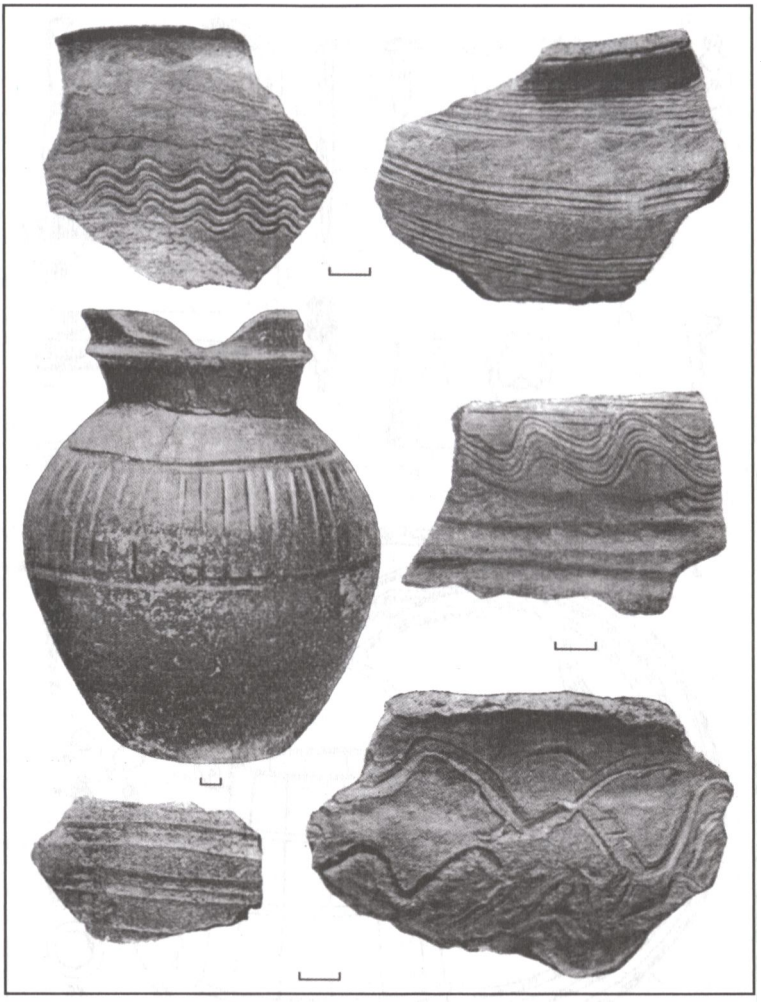
Но если для летописца такое утверждение естественно, поскольку город для него это прежде всего огражденное поселение – крепость, то для современного историка (и археолога), понимающего город как средоточие политических, экономических, религиозных и военных функций, отказ видеть Киев в X в. единым поселенческим и социально-экономическим организмом ничего, кроме изумления, вызвать не может.

Удивляет также и утверждение, что на «Горе» находился только княжий двор. Как следует из летописи, там прежде всего находился «град-город». Что касается княжьего двора, то их было даже два, один – в городе, другой – вне его. И, конечно, обитали в них не только Игорь и Ольга, но и многочисленная дворня, княжеская администрация, дружинники, ремесленники. На двух гектарах Старокиевской горы могло поместиться немало людей. Правда, детиничная часть Киева, как следует из летописи, уже в первой половине X в. перешагнула пределы древнейшего града.

Это же подтвердили и раскопки, осуществленные Я. Е. Боровским в юго-восточной части «города» Владимира. Наряду с погребениями раннего X в. там обнаружены и остатки жилищ этого времени. Более того, очаги культурного слоя этого времени выявлены и в пределах «города» Ярослава, в частности в районе Софии. При исследовании фундаментов Георгиевского собора М. А. Сагайдаком, удалось зафиксировать, что еще до его сооружения местность эта была заселена. Об этом свидетельствовал культурный слой с манжетовенчиковой керамикой, датирующейся X в.

К огорчению В. Я. Петрухина должен сказать, что кроме Старокиевской, в IX-X вв. была заселена также гора Замковая (площадью около 6 га), на которой некоторые киевоведы (В. Н. Зоценко, А. В. Комар, М. А. Сагайдак) пытались даже «разместить» княжескую резиденцию Олега, Игоря, Ольги и Святослава. Об этом речь ниже, здесь же следует отметить, что раскопками различных лет на ней был обнаружен

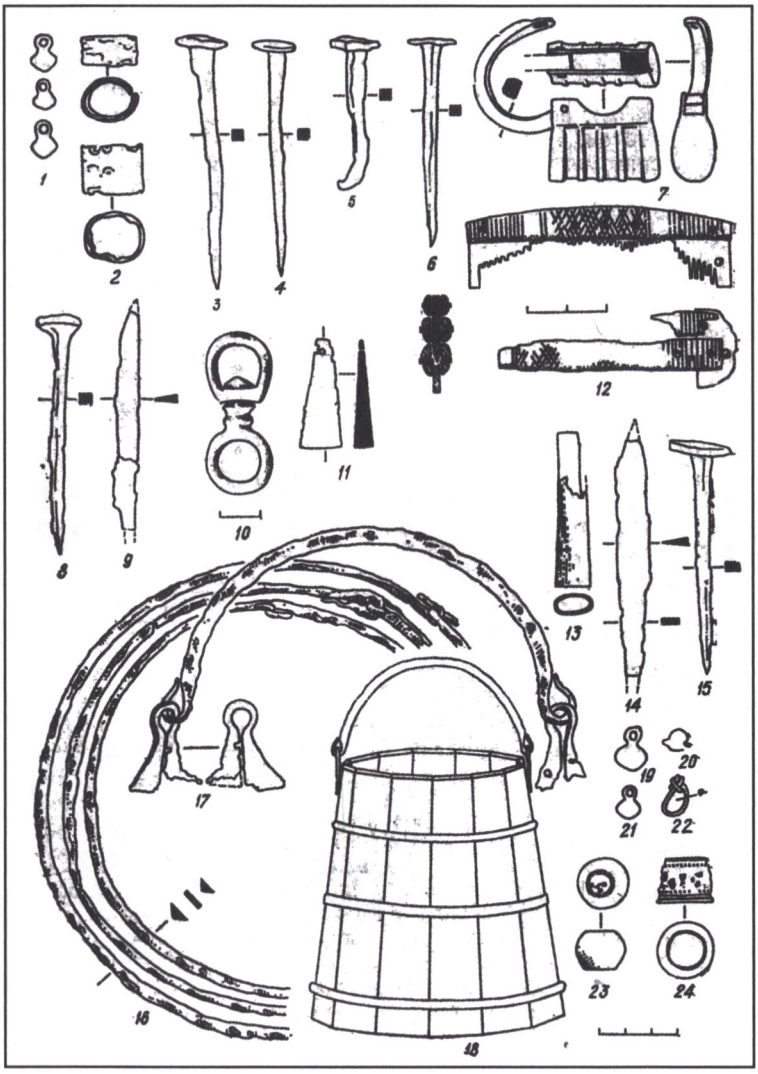
1 Там же.

Керамика IX–X вв. из Замковой горы.

культурный слой IX-X вв. В 1932-м и 1940-х годах удалось исследовать остатки двух жилищ, в заполнении которых находилась гончарная и лепная керамика. Последняя имеет аналогии в древностях роменской культуры и, не исключено, может быть датирована VIII-IX вв[1]. В пользу заселенности Замковой горы в IX-X вв. свидетельствует также находка клада византийских монет, большую часть которого составляли монеты Василия I (867-868), Василия I и Константина (869-879).

1 Розкопки на горі Киселівці в 1940 р.//Археологія. Т. 1. – К., 1947. – С. 145-146.

Инвентарь из погребений могильника № 2. Раскопки Е. В. Максимова.

Еще одно укрепленное поселение находилось на Лысой горе (позднее название Юрковица), с которой я отождествляю летописную Хоревицу. По свидетельству одного из первых исследователей исторической топографии древнего Киева, валы этого городища сохранялись вплоть до конца XIX в. «Над современной Иордановской церковью, – писал Н. И. Петров, – возвышается гора, которая

сохранила на себе следы древнего земляного вала»[1]. Раскопками Е. В. Максимова в 1965 г. здесь были исследованы 16 погребений, исполненных по обряду трупоположения, культурный слой IX-X вв., а также остатки жилища этого времени[2]. Среди находок в могилах обращают на себя внимание железный в медной оболочке разновес, весом 23,3 грамма, костяной односторонний гребень, железные ножи, ведерные дужки и обручи, проволочные серьги, пуговицы.

Судя по летописным и археологическим данным (находки больших кладов арабских диргемов), какое-то укрепленное поселение IX-X вв. находилось в районе будущего Печерского монастыря. Под 882 г. здесь упомянуто урочище Угорское, где новгородский князь Олег убил киевских князей Аскольда и Дира. Есть основание предполагать, что здесь мог находиться один из ранних загородных княжеских дворов. Рассказав об убийстве князей, летописец заметил: «И погребоша и на горѣ, еже ся ныне зоветь Угорьское, иде ныне Олъминъ дворъ»[3]. У Владимира Святославича такой двор был в селе Берестовом, что рядом с Угорским.

Совсем не убедительны М. А. Сагайдак и В. Я. Петрухин в утверждении, что подольские кварталы ориентированы на водный путь и что Подол уже к середине X в. превратился в городской район с регулярной застройкой на всей территории[4].

Сперва об ориентации подольских кварталов. Если иметь в виду торгово-экономическую сориентированность Подола, то, наверное, можно выразиться и так. Если же речь идет о градостроительно-планировочной, то корректнее было бы все же утверждение, что они ориентированы не на путь, а на днепровскую береговую линию. Однако и для него нужны аргументы. Скажем, хотя бы ссылка на какой-либо участок раскопок, исследовавший прибрежную полосу и выявивший какие-то следы парцелляции

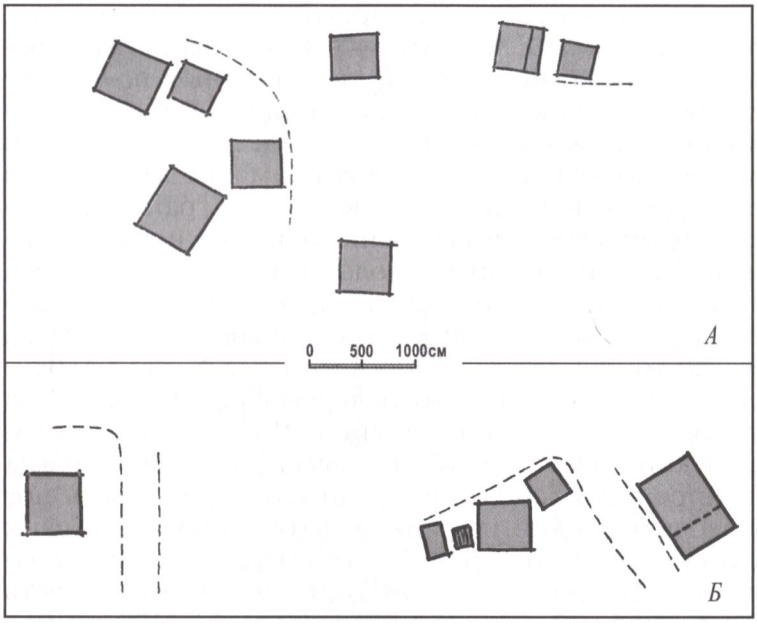
---

1 Петров Н. И. Историко-топографические очерки древнего Киева. – К., 1897. – С. 37.

2 Максимов Е. В. Раскопки на горе Юрковица в 1965 г.// Научный отчет. Научный архив Института археологии НАН Украины. Ф. Е. № 4947; Максимов Є. В., Орлов Р. С. Могильник X ст. на горі Юрковиця у Києві//Археологія. 41. – К., 1982. – С. 63-72.

3 ПВЛ. Ч. 1. – С. 20.

4 Сагайдак М. А. (при участии В. В. Мурашёвой и В. Я. Петрухина). К истории градообразования. – С. 102.

Планировка подольских усадеб X – начала XI вв. А — Контрактовая площадь; Б — улицы Верхний и Нижний Вал.

усадеб или кварталов, идущих вдоль береговой линии. Без этого теоретические рассуждения о похожести Подола на Сигтуну или Ладогу беспредметны.

К сожалению, ни у М. А. Сагайдака, почему-то решившего, что поселенческой моделью для огромного киевского Подола являются скандинавские «вики», ни у В. Я. Петрухина, поддержавшего такой вывод, для доказательства этой мысли ровным счетом нет ничего. Все «кварталы» IX-X вв. были найдены экспедицией под моим руководством (1971-1975 гг.). Располагались они ближе к пригорной части Подола, вблизи Замковой горы.

Раскопками М. А. Сагайдака ни разу не удалось выйти широкими площадями на горизонт конца IX – первой половины X вв. О том, какой была ориентация прибрежных кварталов, мы просто ничего не знаем. Исходя же из результатов наших раскопок, вывод о какой-то их парцелляции сделать невозможно. Как и о регулярном характере застройки Подола вообще. Его плановую структуру определяла не только береговая линия, но также линия подножия киевских гор, небольшие речки, выходившие из оврагов и диагонально пересекавшие Подол, торговая (вечевая) площадь,

улицы, соединявшие нижнюю часть города с верхней. Как можно судить по планам Киева конца XVII-XVIII вв., несомненно отразившим древнюю уличную сеть, никакой регулярной застройки Подола в древнерусское время не было. Историки градостроительства называют такую стихийно складывавшуюся планировку порядово-ветвистой[1].

Разумеется, нет у нас данных и для утверждения, что Подол к середине X в. превратился в городской район, застроенный на всей его площади, как это кажется М. А. Сагайдаку. По моим подсчетам, площадь Подола в XII-XIII вв. равнялась от 180-ти до 200 га, но предполагать, что до таких размеров он вырос уже в первой половине X в. нет никаких оснований.

Когда-то, говоря о городище на Замковой горе, М. К. Каргер заметил, что оно является одним из трех известных поселений VIII-X вв., которые к концу этого периода окончательно слились в один город[2]. Что касается градопланировочного слияния всех поселенческих районов городского ядра, то это произошло только в XI-XII вв., когда оборонительными валами был окружен не только Верхний город, но также Подол и Копырев конец. Если же иметь в виду социально-экономическое слияние, то оно у Киева определенно было уже со времени сооружения на Старокиевской горе городка Кия.

«Город» Владимира

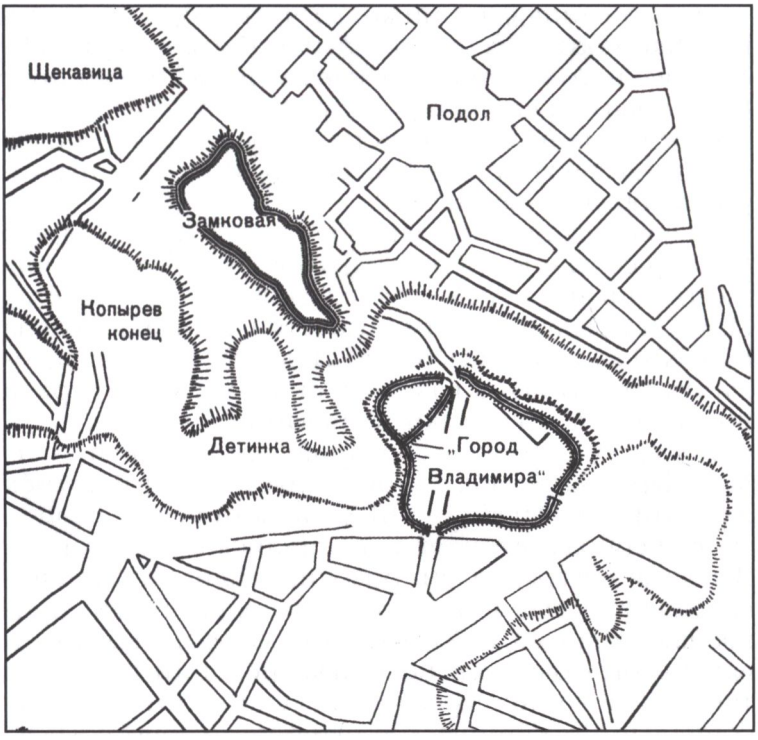
Наиболее прочным историческим звеном раннего Киева до недавнего времени считался так называемый «город» Владимира. Предложенная в 1950 г. А. М. Тихоновичем и М. М. Ткаченко реконструкция линий его укреплений была принята всеми исследователями и не подвергалась сомнению[3]. Согласно

---

1 Более подробно о планировочной структуре Подола, как и всего древнего Киева, сказано в моих монографиях «Історична топографія древнього Києва» (1970 г.) и «Древний Киев» (1983 г.). В последнее время аналогичные мысли о планировке древнего Подола высказывает молодой киевовед С. Тараненко, правда, почему-то не указывает, что они имеют давнюю историографическую традицию (Тараненко Сергій. Планувальна структура давньоруського Києво-Подолу // Пам'ятки України. № 5-6. 2015).

2 Каргер М. К. Древний Киев. Т. 1. – С. 115.

3 Тихонович О. М., Ткаченко М. М. Древній Київ-град. Спроба відтворення плану Верхнього Києва XI-XII ст. // Архітектурні пам'ятки. – К., 1950. – С. 40-44.

Центральная часть Киева в конце X в.

ей, вал «города» Владимира проходил по кромке Старокиевской и Андреевской гор до оврага в районе верхней станции фуникулера, оттуда поворачивал на юго-запад, доходил до начала ул. Большой Житомирской и вдоль ее правой стороны продолжался до начала Гончарного оврага, где поворачивал в сторону древнейшего городища. Основой для такой реконструкции послужили позднейшие планы Киева, в том числе и план Ушакова 1695 г. Тщательное его изучение, предпринятое Г. В. Алферовой и В. А. Харламовым, показало корректность предложенной ранее реконструкции[1].

По существу, устроители нового города при насыпке валов очень хорошо использовали особенности рельефа Старокиевского плато. Они были проложены с напольной стороны между несколькими оврагами: Гончарным, что доходил до угла

1 Алферова Г. В., Харламов В. А. Киев во второй половине XVII в. – С. 35.

нынешних ул. Владимирской и Большой Житомирской, Крещатицким, достигавшим практически начала ул. Большой Житомирской, и Михайловским, врезавшимся в плато в районе ст. фуникулера. Не случайно, именно в местах между этими оврагами и были обустроены въездные ворота: Софийские и Михайловские. Еще одни ворота – Киевские – находились между отрогами Старокиевской и Андреевской гор. Свое литературное название «город» Владимира получил потому, что, как резонно предполагали исследователи, своим появлением обязан строительной деятельности Владимира Святославича.

В последнее время обозначилась тенденция пересмотреть и этот устоявшийся вывод. Практически одновременно были высказаны два разных предположения. Первое принадлежит С. И. Климовскому и сводится к тому, что новая крепость на Старокиевской горе была построена во время княжения Ярополка[1]. Второе, – В. К. Козюбе, который отводит роль ее строителя Святославу Игоревичу. Названный исследователь поторопился дать и свое название – «град» Святослава[2].

На чем основаны эти предположения? Практически, ни на чем. Для опровержения традиционной точки зрения В. К. Козюба привлек летописные свидетельства. Точнее, их отсутствие. Полагая, что такое неординарное событие, как строительство нового города, непременно должно было попасть на страницы летописи Владимира Святославича, и не находя подобного известия, исследователь пришел к выводу, что оно случилось еще до его вокняжения.

Удивительно, что отсутствие аналогичного свидетельства по отношению к Святославу его нисколько не озадачивало. Как и то, что данный князь вообще не замечен в какой-либо строительной деятельности. Более неудачного претендента на роль строителя Киева трудно и придумать. Он был воином и полководцем. За восемь лет своего княжения осуществил не менее пяти дальних военных походов: на вятичей (дважды), на хазар, на дунайских болгар (дважды). Когда ему было заниматься строительством города?

---

1 Климовский С. Грады Кия и Владимира: тип и время постройки укреплений //Старожитності Верхнього Придністров'я. – К., 2008. – С. 55-56.

2 Козюба В. К. «Місто Володимира» – С. 255, 263-264.

Прохладное его отношение к Киеву вызывало недовольство киевлян: «Ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ»[1].

Чем разрушать традицию, лучше задуматься над ее исторической основой. И тогда окажется, что Владимир Святославич, как никто другой до него, отличился на поприще строительства городов, крепостей и храмов. Традиционно именно с ним летопись связывала интенсивную строительную деятельность («нача ставити городы по Деснѣ, и Востри, и по Трубешеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ»[2]) вокруг Киева. В том же направлении, как кажется, должны указывать и общеисторические соображения: принятие новой религии, женитьба на византийской принцессе и новый статус Владимира как христианского владетеля с необходимостью влекли за собой радикальную перестройку городского пространства[3].

Сказанное выше не дает и малейших оснований не только для пересмотра традиционного представления о том, что именно Владимир построил новый город в Киеве, но даже и для сомнения. Исходя из этого, нет смысла полемизировать с совершенно нереалистичной реконструкцией плана крепости, будто бы возведенной Святославом, которую предложил В. А. Козюба[4]. Следует только отметить, что ее искусственность вполне прочитывается и на авторском рисунке, где трасса валов никак не согласована с рельефом местности. И конечно, никакой корректности в использовании термина «град» Святослава, на чем настаивает В. К. Козюба, нет и быть не может. И не следует в дальнейшем повторять это поспешно высказанное определение.

То же самое можно сказать и о выводе, что валы «города» Владимира были насыпаны только с напольной стороны, а по кромке горы их и вовсе не было. Сохранявшиеся практически до нашего времени отдельные участки насыпей В. К. Козюба отнес к

---

1 ПВЛ. Ч. 1. – С. 67.

2 Там же. – С. 121.

3 Simon Franklin and Jonathan Chepard. The Emergence of Rus. 750-1200 (London and New York: Longman, 1996), – S. 164; Frank Kämpfer, «Von heidnischer Bildwelt zur christlichen Kunst. Die Bedeutung von Anna Porphirogenneta für die Initialzündung der altrussischen Kultur», Millenium Russiae Christianae, ed. Gerhard Birkfellner (Köln: Bohlau Verlag, 1993). – S. 109-136

4 Козюба В. К. «Місто Володимира». – С. 260.

Освящение Десятинной церкви. Миниатюра Радзивиловской летописи.

XVII в. Вместо валов, по его мнению, здесь в древнерусское время находились укрепления в виде «столпья», неправильно отождествленные им со стеной из кольев, или «тына», которые, правда, тоже не выявлены археологически[1]. Как видим, отсутствие следов одних укреплений не мешает предполагать их наличие, а отсутствие следов других – таким основанием является.

В действительности, вал «города» Владимира был возведен по всему периметру. Можно рассуждать, что по краю горы он был менее мощный, чем с напольной стороны, но отрицать его наличие невозможно. Он был необходим и для сооружения деревянной стены. Однако вряд ли мы должны предполагать наличие двух разных типов укреплений в системе одной крепости. Тем более столичной.

В XVII в. эта часть Киевской крепости, именуемая Меньшим городом, была обвалована по всему периметру. Причем, как свидетельствуют Расписные списки 1673-го и 1674 гг., валы этого времени представляли собой подсыпку уже существовавших. В нескольких местах они названы старыми[2]. Определение

---

1 Козюба В. К. «Місто Володимира». – С. 248. «Столпие» – производное от «столп», т.е. башня. Об этом исследователь мог бы узнать из специальной статьи, посвященной этому летописному термину: Кучера М. До питання про конструкцію стіни-столпіє давньоруського літопису. Київська старовина. 1972, – № 1, – С. 60-62.

2 Алферова Г. В., Харламов В. А. Киев во второй половине XVII в. – С. 100-101.

«старые» относится, скорее всего, к валам, насыпанным в 1654 г., сразу же после присоединения Украины к России. Но и в это время они лишь повторяли конфигурацию еще более старых. Об этом позволяет говорить то, что, согласно докладам в Москву, вся трехчастная крепость Верхнего Киева была обустроена всего за два месяца – с конца января и по конец марта[1].

О существовании киевских валов княжеских времен свидетельствовали путешественники XVI – нач. XVII вв. Один из них, Эрих Лясота, записал в своем дневнике следующее: «Киев с древних времен был знаменитой столицей отдельного княжества. Был очень укреплен на значительном пространстве и украшен великолепными церквами и зданиями, общественными и частными, как можно судить об этом по древним развалинам, ровно и по валу, охватывающему город и простирающемуся, говорят, на 9 миль в окружности»[2].

Аналогичные сведения сообщил и Р. Гейденштейн, отметивший, что «город Киев находится не в старых стенах, а ниже, у Днепра»[3]. Из приведенных наблюдений явствует, что древний вал охватывал город, и длину его вычисляли по окружности, а не по напольной дуге.

Из всех сомнений, которые возникают у новых исследователей «города» Владимира (речь идет о крепости), наиболее обоснованным представляется отнесение каменных остатков к Софийским воротам X в. Вывод этот был сделан на основании археологических наблюдений В. Стефановича и И. М. Самойловского. Раскопанные ими фрагменты двух пилонов шириной 2, 3 м в средней части и 3, 5 м, по краям, при общей длине 10 м и такой же ширине, состояли из древнерусских строительных материалов, поверх которых находилась кладка XVII в., скрепленная раствором серого цвета с известковыми включениями[4]. Г. В. Алферова и В. А. Харламов полагали, что в XVII в. от давно

---

1 Там же. – С. 10.

2 Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. – К. 1874. Отд. 2. – С. 16.

3 Там же. – С. 23-24.

4 Стефанович В. З археологічних розкопок 1913 р. в Києві. //Наукові записки Інституту історії матеріальної культури. Кн. 5-6. – К., 1935. – С. 189-190; Самойловський І. М. Міська брама X ст. у Києві // Археологія. Т. 19. – К., 1965. – С. 183-188.

разрушенных ворот оставались одни фундаменты, на которых и были возведены каменные Софийские ворота[1].

Такое объяснение могло бы быть корректным, если бы в документах 1687 г. не было сказано, что новые ворота заменили собой старую ветхую Софийскую башню, а также, что «для утверждения подошвы выкопан ров глубиною два аршина... в трехаршинную сажень, и те рвы набучены диким большим каменем и мелким щебенем»[2]. Разумеется, все это вызывает обоснованные сомнения. И тем не менее, окончательную ясность в этот вопрос могут внести только новые археологические исследования фундаментов.

В свое время мной была высказана мысль, что необходимость возведения новых укреплений во время княжения Владимира Святославича была вызвана ростом центральной части Киева, которая к тому времени уже перешагнула тесные границы древнейшего городка. Сначала, как я полагал, застраивались свободные от курганов площади, а уже при Владимире были спланированы и курганы[3]. Даже если бы не было письменных и археологических свидетельств на этот счет, подобную мысль можно было бы высказать, исходя из практических соображений. Ведь невозможно себе представить, чтобы Владимиру пришла мысль окружать мощными укреплениями десятигектарное необжитое плато.

Подтверждением такого предположения стали раскопки А. Е. Боровского в юго-восточной части территории «города» Владимира, где обнаружены следы двух ранних усадеб, располагавшихся рядом с курганными захоронениями. Ф. О. Андрощук, обративший на это наше внимание, о чем речь шла выше, показал, что такое соседство домов живых и мертвых являлось обычным для скандинавской средневековой действительности. Видимо, подобная ситуация имела место и в других частях Верхнего города. Исследования Георгиевской церкви в «городе» Ярослава, осуществленные М. А. Сагайдаком, показали, что ее фундаменты разрезали достаточно заметный культурный слой X в., в котором удалось выявить остатки подклета

1 Алферова Г. В., Харламов В. А. Киев во второй половине XVII в. – С. 34-36.

2 Там же. – С. 34.

3 Толочко П. П. Історична топографія. – С. 59.

жилища X – нач. XI вв. На этом основании был сделан вывод, что территория «города» Ярослава застраивалась еще в X в[1].

Нет сомнения, что споры относительно исторической топографии Киева второй половины X в. вызываются, в значительной мере, тем, что у нас еще нет инструментария для точного датирования археологических артефактов. Сегодня мы уверенно относим к X в. керамику с хорошо профилированными манжетовидными венчиками, но еще в 60-е годы XX в. автор этих строк не находил понимания в этом со стороны старших коллег, привыкших датировать ее XI в. А ведь не исключено, что она появилась и еще раньше.

Не все так хорошо и с архитектурной датировкой. Нет сомнения, что не будь летописного свидетельства о строительстве Десятинной церкви, историки архитектуры не смогли бы определить ее время даже и с точностью до 50-ти лет. Правда, иногда им и летописные известия, что называется, «не указ». Так, как это произошло с определением времени «восточного дворца». На основании архитектурных аналогий они утверждают, что появился он только во время строительной деятельности Владимира.

А как же тогда быть с летописными свидетельствами? Если бы речь шла только об упоминании двора теремного «внѣ града» (где «бѣ бо теремъ каменъ»), содержащемся в летописной статье 945 г., можно было бы отнести его к позднейшей интерполяции. Но ведь об этом теремном дворе говорится и в других статьях. В частности, 980 г.: « Володимеръ же то слышавъ, вышедъ въ дворъ теремный отенъ»[2]. Содержащееся в продолжении рассказа разъяснение, что об этом летописец уже сказал ранее («о немже преже сказахомъ»), позволяет предполагать, что имелся в виду тот самый «дворъ княжъ» Ольги, у которого был каменный терем. «Отенъ» здесь не обязательно построенный Святославом, но фамильный. Еще раз о теремном дворе говорится в рассказе о сооружении Владимиром нового языческого храма с идолами шести богов: Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь. Уточнение, что кумиры были поставлены «на холму внѣ двора

1 Боровский Я. Е., Сагайдак М. А. Археологические исследования Верхнего Киева. – С. 57.

2 ПВЛ. Ч. 1. – С.78.

теремнаго», позволяет предполагать их относительную близость между собой.

Следовательно, независимо от того, как продатированы строительные остатки к северо-востоку от Десятинной церкви историками архитектуры, есть все основания именно здесь располагать княжескую резиденцию времен Ольги – Святослава и начального этапа правления Владимира.

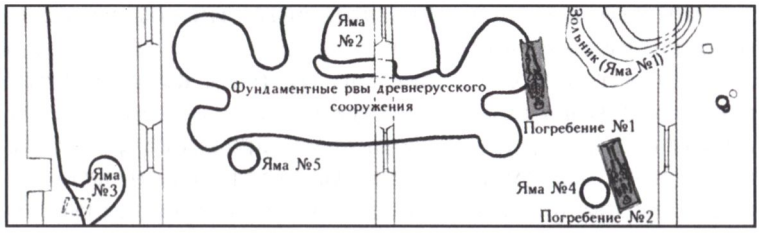
За пределами древнейшего града находился и новый языческий храм Киева. Из свидетельства летописи следует, что в 988 г. на его месте была поставлена церковь св. Василия. Если признать, что ее более поздней преемницей была церковь св. Василия на Ярославовом дворе, тогда капище мы должны располагать в районе левого крыла современного здания Министерства иностранных дел Украины. Нельзя, правда, исключать, что Васильевская церковь была поставлена не на месте капища, а лишь на том самом холме. «И постави церковь святаго Василья на холмѣ, идеже стояше кумиръ Перунъ и прочии»[1]. В таком случае, взаиморасположение этих объектов может определяться лишь относительной их близостью. Что, разумеется, не является основанием для расположения капища на месте Андреевской церкви, как это казалось автору «Синопсиса» и некоторым нынешним киевоведам.

В 1975 г. под домом № 3 по ул. Владимирской были обнаружены остатки какого-то загадочного сооружения. В плане оно представляло удлиненный прямоугольник шириной 1,75 м, вытянутый по оси север-юг на 7 м. Южная и северная его оконечности переходили в округленные симметричные выступы, по два с каждой стороны. Еще два таких выступа находились с восточной стороны. Заполнение фундаментных рвов этой необычной постройки состояло из крупных камней, битой тонкостенной плинфы, обломков шифера, фракций известкового раствора с примесью бледно-розовой цемяночной массы[2].

---

1 Там же. – С. 81.

2 Датируются исключительно X в. Их хронологическая стерильность исключает предположение о том, что происходят они от разрушенной в 1240 г. Десятинной церкви. В таком случае в заполнении непременно должны были находиться и более поздние материалы. Больше оснований видеть в нем строительные отходы из ранних каменных дворцов.

План раскопа под домом № 3 по ул. Владимирской. Раскопки 1975 г.

Публикуя результаты раскопок, мы (с Я. Е. Боровским) высказали предположение, что перед нами остатки языческого капища, быть может, того самого, которое поставил Владимир Святославич. На это нас вдохновила не только необычная конфигурация постройки с шестью ее выступами, но также и то, что рядом с ней находился большой зольник. Размещался он в чашеобразном углублении диаметром около 3 м и сохранился на высоту более 1 м. Состоял из чередующихся слоев угля и пепла, а также обожженной глины, чем напоминал так называемый столб у капища, что в древнейшем киевском граде. Недалеко от фундамента и зольника находились небольшие круглые ямы, заполненные пеплом и углями, а также керамика X в. и большое количество костей быков. Аналогичные углубления, а также кострища встречались здесь и при раскопках конца XIX – нач. XX вв[1].

Д. Д. Елшин, с присущей молодости категоричностью, полагает, что такая атрибуция не выдерживает критики. Чьей критики, он не уточнил. Но поскольку его собственной нет, надо полагать, имелась в виду критика его киевских коллег. Она действительно имеется. Ее авторы – Ф. О. Андрощук и А. В. Комар проявили солидарность только в отрицании первичной интерпретации. Что касается их собственной, то она различна. Первый исследователь полагает, что перед нами «скорее всего остатки древнейшей неизвестной нам церкви»[2]. Согласно второму, это было какое-то «деревянное сооружение (возможно, часовня) не ранее второй половины XIII в., при постройке которого были использованы руины разрушенной Десятинной церкви»[3].

---

1 Толочко П. П., Боровський Я. Є. Язичницьке капище в «городі» Володимира // Археологія Києва. – К., 1979. – С. 3-10.

2 Андрощук Ф. Скандинавские древности. – С. 30-31.

3 Комар А. К дискуссии... – С. 131.

Как удалось названным авторам увидеть в этой необычной по плану постройке церковное сооружение, одному Богу известно. Никаких объяснений этому они не приводят. Как не приводят ему и аналогий. А. В. Комар не счел нужным оговорить и то, каким образом деревянная часовня могла быть возведена из материалов разрушенной Десятинной церкви.

Ничего не дает для атрибуции сооружения и стратиграфическое наблюдение, согласно которому юго-восточный выступ был перерезан погребением X в. Ф. О. Андрощук отнес его к христианскому времени, аргументом чему послужила ориентация – запад-восток. Но единственный вывод, который можно сделать на основании этого стратиграфического наблюдения, это тот, что сооружение старше погребения[1].

Поразительно, но не успели, как говорится, просохнуть чернила на первой интерпретации А. В. Комара, как он порадовал нас новой. Правда, при этом, не отказался и от прежней. На этот раз увидел в сооружении по ул. Владимирской, 3 не деревянную часовню второй половины XIII века, но ворота XI века, которые вели на Великий Ярославов двор[2]. И снова никаких аргументов и аналогий. Ввиду очевидной абсурдности этого предположения комментировать его нет необходимости. Можно только заметить молодому коллеге, что столь легкомысленная интерпретационная суета не совместима с серьезной наукой.

Из сказанного следует, что новые объяснения загадочного сооружения на ул. Владимирской, 3 нисколько не лучше того, что предложено авторами раскопок. Если у нас (с Я. Е. Боровским) недостаточно убедительных аргументов, то у новых исследователей они вообще отсутствуют. Конечно, их неудачи не являются гарантией истинности прежнего вывода. Но для его опровержения, а тем более доказательства альтернативного взгляда, одних сомнений не достаточно.

---

1 А. В. Комар решил поправить исследователей и в этом, предположив, что не погребение перерезало фундаментный ров, но последний перекрыл погребение. Но это уточнение, во-первых, совершенно не корректное, а во-вторых, ничего не дает для атрибуции сооружения.

2 Комар А. В. «Боричев» и «Боричев узвоз» древнего Киева. – С. 219.

До последнего времени не было разночтений и относительно того, чем вызвано строительство «города» Владимира. Со времен первых исследователей исторической топографии древнего Киева ни у кого не возникало сомнений, что заселение и укрепление новых районов города свидетельствовало о его росте и расширении. Молодому петербургскому архитектору Д. Д. Елшину эта естественная мысль показалась слишком простой. Согласно ему, «размещение в Верхнем городе комплекса монументальных сооружений было не расширением княжеского двора, а сознательным актом создания нового градостроительного центра. Важным моментом представляется размещение нового города на значимом месте. Религиозно-административный центр был поставлен на месте могил погребенных родственников дружины или самого князя»[1].

Что касается «сознательного акта», то мысль эта не является откровением. Разумеется, строительство «города» Владимира было сознательным актом. Но таким было и строительство древнейшего «града». Как и любое другое строительство, когда-либо проводившееся в Киеве. А вот утверждение о намеренном размещении города на могилах предков действительно оригинальное. Прежде всего, потому, что если это и вправду были могилы родственников князя, к тому же недавно погребенных, то Владимир проявил к ним кощунственное неуважение. И следовательно, не считал это место значимым. А еще потому, что оно предполагало наличие у Владимира выбора: мог разместить новый городской центр в другом месте, но остановился на этом. Но такового у него не было. Его город явился естественным продолжением более раннего, как «город» Ярослава будет продолжением «города» Владимира, который также «сознательно» возведут на могилах предков не оттого, что Ярослав был озабочен выбором «значимого места», а потому, что иного у него тоже не было.

К сожалению, в последнее время подверглась кардинальному пересмотру не только пространственно-планировочная модель раннего Киева, но и социологическая. Наиболее решительно, хотя и путанно, это сделано в уже упоминавшейся статье М. А. Сагайдака,

1 Елшин Д. Д. Комплекс монументальных сооружений. – С. 20.

В. В. Мурашевой и В. Я. Петрухина. Названных исследователей не устроил «канонический образ города, состоявшего из двух частей – детинца, который обычно включал древнее первоначальное поселение, и торгово-ремесленный посад, или окольный город», и они предложили рассматривать эти городские части как отдельные, не связанные между собой образования[1].

В результате, – пришли к оригинальным, хотя и совершенно некорректным заключениям. Первое сводится к тому, что княжеская резиденция была первоначально экстерриториальной по отношению к подольскому поселению[2]. В чем смысл этой экстерриториальности, авторы не объяснили. То ли подольская самоуправляющаяся община не разрешила первым Рюриковичам поселиться на Подоле, то ли сами князья не мыслили свою резиденцию как составную часть единого городского поселения? Кстати, мысль об экстерриториальности княжеских дворов по отношению к территории вече не новая. Она была высказана еще в 70-е годы XX в. М. Х. Алешковским[3].

При Владимире, как утверждают названные исследователи, «начинает складываться моноцентрический образ города», который походил не столько на город, сколько на большой княжеский двор в городе[4]. Но ведь утверждать так, значит совершенно абстрагироваться от источниковых реальностей, как письменных, так и археологических. Согласно летописи, в «городе» Владимира находился не только княжий двор, но и два церковные – церкви св. Василия, поставленной на месте языческого капища, и церкви св. Богородицы (Десятинной), а также дворы киевлян, в частности варяга Федора: «Бяше варяг единъ, и бѣ дворъ его, идеже есть церкви святая Богородица»[5]. Из раскопок знаем, что в «городе» Владимира были не только каменные

---

1 Сагайдак М. А. (При участии В. В. Мурашёвой и В. Я. Петрухина.) К истории градообразования на территории древней Руси VI – первая половина XI вв.//История русского искусства. Т. 1. Искусство Киевской Руси IX – первая четверть XII вв. – М., 2008. – С. 99.

2 Там же. – С. 104-105.

3 Алешковский М. Х. Повесть временных лет. – М., 1975. – С. 126.

4 Сагайдак М. А. (При участии В. В. Мурашевой и В. Я. Петрухина.) К истории градообразования. – С. 105.

1 ПВЛ. Ч. 1. – С. 58.

дворцы, но и жилища рядовых киевлян, ремесленные мастерские.

В книге «Древнерусский феодальный город», где тема социального соотношения детинца и посада рассмотрена специально, я пришел к выводу, что челядь и ремесленники составляли необходимый придаток к хозяйству феодалов, и уже эта зависимость определяла характер их расселения. В центре «города» Владимира, как известно, находилась также площадь Бабин торжок, само название которой говорит о ее связи с торговлей[1].

Следовательно, сетование на то, что до недавнего времени исследователи видели в плановой структуре городов отражение сословного характера общества и иерархический принцип его организации, запоздало на несколько десятилетий.

А вот в чем авторам нельзя отказать в оригинальности, так это в сомнении – имел ли Киев времен Владимира «законный статус столицы»?[2] Им кажется, что, возможно, такое понятие для столь раннего времени еще не сформировалось и что этот статус был подтвержден только «формированием нового городского ансамбля, основанного Ярославом в 1037 г.»[3].

Сказанное выше даже трудно комментировать. Неизвестно, что авторы понимают под «законным статусом столицы». Каким или чьим законом он должен быть установлен? И знают ли они на Руси такой законодательный орган, устанавливавший статусность столиц? Из последующего утверждения о том, что такой статус был подтвержден (а не установлен) сооружением архитектурного ансамбля в «городе» Ярослава, как будто следует, что он у Киева таки был.

Утверждение М. А. Сагайдака и его соавторов о том, что Киев обретает статус столицы только после сооружения нового городского ансамбля Ярославом Мудрым, судя по всему, является своеобразной материализацией мысли А. В. Назаренко о том, что «обретение» Русью столицы уже в XI в. связано с «воспроизведением константинопольской модели». Но ведь сказанное относится не к существу явления, а

1 Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. – К., 1989. – С. 142-160.

3 Сагайдак М. А. (При участии В. В. Мурашевой и В. Я. Петрухина.) К истории градообразования. – С. 106.

4 Там же.

Сребреник Владимира. 1 — аверс; 2 — реверс.

к его осмыслению руской общественной мыслью. Определенно «столичные» эпитеты Киева в письменных источниках зависимы от греческих определений Царьграда, но это вовсе не означает, что у Киева от Олега и до Ярослава в продолжении 150-ти лет не было столичной функции.

Этимологически термин «столица» происходит от слов «стол» – «престол», то есть княжеский трон, который являлся непременным символом княжеской власти. До сих пор ни у кого не было сомнения, что Киев обрел общевосточнославянские столичные функции со времен утверждения в нем Олега. «И сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ»[1]. И никакими значимыми архитектурными ансамблями, или, как замечает И. Н. Данилевский, наличием «цареградской парадигмы» его не нужно было подтверждать. Кстати, непонятно, чем названным выше авторам для утверждения столичного статуса Киева не подошел архитектурный ансамбль, возведенный Владимиром. Он был не менее презентабельным, чем ансамбль, возведенный Ярославом. На монетах собственной чеканки его изображение на троне сопровождается круговой надписью: «Владимир на столе, а се его серебро».

Совершенно озадачивает утверждение М. А. Сагайдака (авторство засвидетельствовано ссылкой на его более раннюю работу), что Верхний город в послевладимирово время предстает как объединение автономных княжеских поселений – «города» Владимира, «города» Ярослава, «города» Изяслава и

1 ПВЛ. Ч. 1. – С. 20.

«города» Святослава[1]. В чем заключалась их автономность, исследователь не пояснил. Да это и невозможно. Максимум, что можно в этой связи сказать, так это то, что Верхний город прирастал новыми укрепленными частями при названных князьях. Но они, равно как и торгово-ремесленный Подол, никогда не имели никакого автономного социально-политического статуса.

В X в. Киев представлял собой классический южноруский город с типичной двухчастной социально-топографической структурой – детинец на горе и торгово-ремесленный посад внизу. И, конечно, это был единый социально-экономический и градопланировочный организм.

1 До сих пор в историографии такой «город» не был известен. Это новация М. А. Сагайдака. Можно думать, что под ним он понимает ту часть Верхнего Киева, где Святослав основал Семеоновский монастырь. Но в летописи он имеет название «Копырев конец». И, конечно, к планировочному развитию Верхнего города совершенно никакого отношения не имеет завещание Ярослава. Не Киев он передал в «общее наследование трех братьев», как утверждает М. А. Сагайдак, а Русь. Киев же передал старшему сыну: «Се же поручаю в собе мѣсто столъ старѣишему сыну моему и брату вашему Изяславу». (ПВЛ. Ч. 1. – С. 108.) Никакого влияния на структуру городской топографии это не могло оказать.

Заключение

Из всего сказанного выше следует, что трудная проблема происхождения Руси всегда сводилась к поиску ответа на два ключевых вопроса: откуда восточные славяне получили свое новое название «Русь» и кому они обязаны своей государственностью?

В реальной жизни эти явления не были взаимосвязаны и взаимообусловлены, но в отечественной и, в большей мере, зарубежной историографии они, как правило, рассматривались в неразрывном единстве. Ответ на первый вопрос давал ответ и на второй. Историки, полагавшие, что название «Русь» было привнесено в восточнославянскую среду из норманнского севера, были убеждены, что оттуда же пришла на берега Днепра и государственность. В свою очередь, исследователи, склонявшиеся к южному (иранскому или индоевропейскому) происхождению этнонима «Русь», сопровождали такой вывод утверждениями об особой роли в становлении восточнославянской государственности Хазарии.

Определенно, восточные славяне испытали на себе влияние соседей, однако, что касается государственности, то ее истоки несомненно обусловлены, в первую очередь, их внутренним общественным и социально-экономическим развитием. Об этом свидетельствуют письменные источники, отечественные и зарубежные, это же находит подтверждение и в археологических артефактах. Еще до появления варяжских дружин на севере восточнославянского мира, а

также хазарской экспансии на юге, восточные славяне имели достаточно структурированную политическую и территориальную организацию. Летописные племена представляли собой не мелкие родовые образования, но крупные союзы племен. Согласно широкому этнографическому введению к «Повести временных лет», всего их было двенадцать: поляне, древляне, северяне, кривичи, словене, дреговичи, волыняне, уличи, тиверцы, хорваты, вятичи, радимичи.

Как сказано в летописи, названные «племена» имели свои обычаи и законы отцов своих. Управлялись «каждо родомъ своимъ», в которых следует видеть местные княжеские династии. Рассказав о полянском князе Кие – основателе будущей столицы Руси Киева, – летописец уточнил, что такие же «княжения» имели и все другие славянские племена. «И по сихъ братьи держати поча родъ их княженье в поляхъ, а в древляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочане. От них же кривичи...» [1]

Благодаря подробному летописному рассказу 945 г. о конфликте киевского князя Игоря и княгини Ольги с древлянами, мы имеем счастливую возможность узнать, что управлялись они в это время князем Малом, что для посольства в Киев были отобраны «лучшие мужи», которых послала вся «Деревьска земля». Причем, судя по замечанию древлян, – «наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю»[2] – можно сделать вывод, что и до Мала у них были князья.

Кроме Кия у полян и Мала у древлян, в летописи находим имена Родима и Вьятка, будто бы давших название радимичам и вятичам. В Чернигове местное предание называет князей Черных, а у словен – некоего Славена.

Разумеется, в княжеском титуле Кия можно усмотреть некоторую ретроспекцию, что и имеет место в литературе. Но ведь ничего необычного в нем, по существу, нет. Менандр Протектор, рассказывая о посольстве антов во главе с Мезамиром к аварам, называет его византийским термином «архонт». Еще об одном антском вожде по имени Ардагаст сообщает Феофилакт Симокатта. В рассказе о «Чудесах св. Дмитрия Солунского» говорится о бесчисленном множестве славян и их архонтах.

---

1 ПВЛ. Ч. 1. – С. 12-13.
2 Там же. – С. 40.

Об активных процессах политической консолидации восточных славян свидетельствует рождение новой формы их поселений, «градов» по летописной терминологии. Датируются они VI-VIII вв. Выявлены на всей территории расселения восточных славян. Представляли собой административно-политические и экономические средоточия племен, а также военные крепости. Значительное число находок предметов вооружения на некоторых из них (Зимно, Пастырское) указывает на проживание здесь дружинников. Кроме того, практически на всех укрепленных поселениях уже присутствовало достаточно развитое ремесленное производство. В социальном плане они представляли собой зарождающиеся городские и раннегосударственные средоточия.

Как видим, княжения и грады у восточных славян были уже до прихода к ним варягов, и вряд ли возможно наполнить конкретным смыслом утверждение некоторых исследователей, что последние являлись участниками какого-то этнокультурного синтеза, приведшего к созданию Древнеруского государства. Оказавшись в чужой стране и чуждом для себя мире, скандинавские пришельцы не навязали восточным славянам свою форму государственности с конунгами, хёвдингами, ярлами, тингами и другими институтами власти, и не придумали новую, но восприняли ту, которая у славян уже была. Стали князьями, воеводами, посадниками, тысяцкими. По существу, встроились в созданную до них управленческую систему.

Сказанное справедливо и по отношению к княжеской династии, которая, являясь норманнской по происхождению, очень быстро утратила свои скандинавские черты, стала руской, не мыслившей себя вне интересов государства, во главе которого оказалась. Называть, к примеру, Святослава, Ярополка или Владимира варяжскими князьями, что имеет место даже и в новейших исторических исследованиях, совершенно неверно. И не только потому, что они имели славянские имена и были биологически наполовину или на три четверти славянами, но прежде всего потому, что не являлись норманнами в культурном и политическом смыслах.

Еще меньше оснований видеть «соучредителем» Древнеруского государства хазар. Попытки ряда исследователей доказать, что именно они являлись

строителями Киева, ни на чем не основаны. Об этом нет ни письменных, ни археологических свидетельств. На определенном историческом этапе, скорее всего, в VIII – середине IX вв., некоторые восточнославянские племена (поляне, северяне, вятичи) оказались в данни-ческой зависимости от Хазарии, но это практически никак не сказалось на их общественно-политическом развитии. Имеющееся в исторической литературе предположение, что киевские князья уже в X в. закрепили за собой титул «кагана», доказать невозможно. Ни в одном официальном документе, в том числе в русской летописи и в договорах Руси с Византией, князья не поименованы таким титулом.

В большей мере вовлеченность восточнославянских племен в систему хазарских даннических отношений сказалась на их экономическом и культурном развитии. В пользу этого свидетельствует яркая волынцевская археологическая культура северян, которая определенно испытала влияние соседней салтовской, являвшейся органической частью хазарской.

Меньше ясности в том, от кого и когда восточные славяне получили свое новое название «Русь». Как представляется автору, варяги к этому не имеют никакого отношения. Статья 862 г. «Повести временных лет», послужившая основанием для такого вывода, настолько внутренне противоречива, что считать ее надежным источником совершенно невозможно. Значительно больше доверия вызывают свидетельства византийских источников, позволяющие утверждать, что название «Русь» было широко известно на юге восточнославянского мира задолго до так называемого призвания варягов,

В летописи, со ссылкой на «летописанье греческое», утверждается, что «Руская земля нача ся прозывати» в год вступления на царствование императора Михаила III, то есть уже в 842 г. Примечательно, что именно под этим годом в византийских источниках отмечено «нашествие варваров, росов». Как полагал известный российский лингвист О.Н. Трубачев, здесь византийский термин является архаизмом, будучи идентичным названию народа «рос», жившего в VI в. на Азовском побережье.

В пользу южного происхождения росов свидетельствует и тот факт, что практически во всех византийских источниках они отождествляются со скифами

или тавроскифами: «Скифы, народ, называемый Рос». Разумеется, такое отождествление было бы невозможным, если бы древние росы являлись жителями скандинавского севера. К тому же, греческие авторы всегда четко различали русов и варягов.

Практически невозможно согласовать с теорией «варяжской Руси» и свидетельства арабских географов. Согласно «Книге путей и стран» Ибн Хордадбеха, первая редакция которой относится к 847-848 гг., купцы «ар-Рус» являются одной из разновидностей славян. Аналогичные отождествления содержатся также у ал-Факиха. Чрезвычайно важным для локализации народа Рос является и то, что, согласно автору X в. ал-Масуди, море Понт (Черное. – *Авт.*) считалось морем русов. Практически аналогичное утверждение содержится и в недатированной части «Повести временных лет»: «А Днѣпр втечеть в Поньтьское море жереломъ, еже море словеть Руское».[1] Стоит ли доказывать, что если бы родиной росов-русов был скандинавский север, тогда название «Руское» должно было получить Балтийское море.

Как известно, в летописных известиях Руская земля выступает в двух значениях: широком, обозначавшем все государственное пространство, и узком, указывавшем только на территорию между Десной на севере, Росью на юге, Сулой на востоке и Горынью на западе. Для летописцев и, по-видимому, всех жителей Руси это была своеобразная сакральная земля, их общая прародина. Как здесь не вспомнить известие статьи 898 г. «Повести временных лет» о полянах «яже ныне зовомая Русь»[2]. Ни одно другое восточнославянское племя такой рекомендации не удостоилось, что, несомненно, указывает на изначальное закрепление названия «Русь» только за полянами. Последний раз они упомянуты в перечне племен, участвовавших в походе Игоря на Византию в 944 г., из чего можно сделать вывод, что примерно в это время и произошла окончательная замена полян на русь. Начало этого процесса несомненно относится к IX в., подтверждением чему может быть знаменитая фраза, вложенная летописцем в уста князя Олега, провозгласившая Киев матерью городов руских: «Се буди мати градомъ русьскимъ»[3].

---

1 Там же. – С. 12.
2 Там же. – С. 21.
3 Там же. – С. 20.

Примечательно, что такого титула удостоился не какой-либо северный восточнославянский город – Новгород или Ладога, где варяги появились на несколько десятилетий раньше, а южный. Да и сам Олег с дружиной стали рускими только в Киеве. По существу, есть все основания согласиться с теми исследователями (В. Пархоменко, Х. Ловмянский, О. Трубачев, М. Артамонов и др.), которые полагали, что финское слово «Ruotsi» закрепилось за шведами уже после того, как они обрели этот политоним на юге, в Киеве.

Именной указатель

А
Абаев В.И. 29
Август, имп. римский 217
Александр, имп. византийский 134-135
Александр Ярославич (Невский),
кн. новгородский..... 37, 84
Алешковский М.Х..... 234, 269
Алферова Г.В. 258, 261, 262
Алпатов М.А. 143, 149-151
Ал Масуди, геогр. арабский 25, 115, 117, 120, 121, 141, 152
Ал Мукаддаси, геогр. арабский 118, 123, 124
Аль Хоррами, геогр. арабский 162
Аль Факих, геогр. арабский 277
Аль Якуб, геогр. арабский 42-44
Амброз А.К. 172
Анастасий I, имп. византийский 228
Андрей, апостол 151, 152, 218
Андрей, кор. венгерский 36
Андрей Боголюбский,
кн. влад.-суздальский..... 31
Андрианова-Перетц В.П. 220
Андрощук Ф.О..... 243-245, 264, 266, 267
Анна, принцесса византийская 153
Антонович В.Б. 65, 247
Арбман Х. 71-73, 99
Ардагаст, вождь антов 161, 274
Арне Т..... 71, 98
Артамонов М.И. 20, 29, 30, 44, 60, 105, 111, 117, 119-123, 173, 193, 278
Аскольд, кн. киевский 46, 59, 64, 66, 85-91, 107, 120, 163, 203, 212, 218, 221, 235, 245

Аулих В.В. 163-165, 178
Ахмад, визир хазарский 115

Б

Балинт Ч. 116, 173
Батый, хан монгольский 37, 148
Байер З. 71
Белецкий С.В. 187
Березовец Д.Т. 40, 59, 60, 64, 168, 169, 171, 173
Бейлис В.М. 25, 152
Бибиков М.В. 19, 129, 132, 134
Бидзиля В.И. 193
Блифельд Д.И. 98
Болеслав Храбрый, кн. польский 27
Борис Владимирович, кн. киевский ... 27
Боровский Я.Е. 228, 229, 237, 241, 243, 252, 263, 264, 266, 267
Брайчевский М.Ю. 171, 224, 228
Бугославский С.К. 123
Булкин В.А. 71, 75

В

Вадим Храбрый, кн. новгородский 85
Вандж-Слава, царь дулебов 162
Варда Фока, мятежник византийский .. 153
Варлаам, игум. печерский 141
Василий I, имп. византийский 16, 17, 18, 64, 131, 135, 253
Василий II, имп. византийский 19, 139
Василий Новый, святой 218
Васильев А.А. 153
Васильевский В.Г. 40, 43, 76, 141
Велиханова Наиля 23
Вельмин С.П. 243
Вернадский Г.В. 73, 110
Вернер И. 173
Вилинбахов В.В. 71, 7
Вилкул Т.Л. 52, 53, 217
Винокур И.И. 176, 177
Владимир Святославич, кн. киевский ... 27, 35, 37, 66, 79, 81- 84, 89, 99, 105, 123, 138, 139, 143-151, 153, 154, 189, 199, 200, 211, 219, 220, 241, 255, 259, 260, 263-265, 268-271

Вознесенская Г.А. 124, 167, 169, 193
Володимерко Володаревич,
кн. галицкий 33
Володислав, бояр. галицкий 37
Волошинский Я. 240, 241
Всеволод Ольгович, кн. киевский 33
Всеволод Юрьевич, кн. суздальский ... 31, 32, 36
Высоцкий С.А. 148
Вятко, кн. вятичей 157, 274

Г

Галкина Е.С. 64
Гамченко С.С. 241, 248
Гаркави А.Я. 23, 24, 26, 120, 121, 161, 162
Гедеонов С. 5, 16, 18, 59, 68, 71, 77
Георгий Амастридский, святой 11, 43
Гейденштейн Р., средневековый
путешественник 262
Гёскулд, крестьянин норманнский 20
Гётрик, кор. датский 77
Гизель И. 77
Гилли, купец варяжский 20
Гиндин Л.А. 127
Глеб Владимирович, кн. муромский ... 27
Голб Н. 108-111, 113, 114, 240
Голден П. 38, 65
Голубева Л.А. 241-243
Голубинский Е.Е. 134
Гольдельман М. 108, 109, 111, 240
Гончар В.М. 241
Гончаров В.К. 165, 227
Горский А.А. 7, 64, 79, 84, 85, 184, 196-198
Горюнова В.М. 78
Греков Б.Д. 71, 200
Грёслунд А.-С. 97
Григорий, священник кн. Ольги 137, 147
Грушевский М.С. 30, 116, 117, 200, 201
Гудзий Н.К. 151
Гуннар, купец варяжский 21
Гупало К.Н. 249

Д

Давид Ростиславич, кн. смоленский ... 33
Дажьбог, языческий бог 264
Данилевский И.Н. 217-220, 271
Данило Галицкий, кн. галицкий 36, 141, 148

Джаксон Т.Н. 24
Дионисий, игум. новгродский 33
Дир, кн. киевский 46, 64, 66, 85, 87-89, 107, 120 163, 203, 218, 221, 235, 245
Дмитрий Солунский, святой 161, 274
Добровольский И.Г. 247
Довженок В.И. 192
Достал Б. 195
Дубов И.В. 38, 71, 75
Дьяконов А.П. 29, 40

Е

Елена, имп. византийская 148
Елена, крестильное имя кн. Ольги 146
Елизавета, дочь Ярослава Мудрого 92
Елшин Д.Д. 237, 266, 268
Еремеев И.И. 188, 189

З

Захария Ритор, хронист 5
Заходер Б.Н. 24
Звиздецкий Б.А. 204, 206, 207
Зоценко В.Н. 207, 235, 236, 238, 252

И

Иаков, библейский персонаж 219
Ибн Мискавейх, геогр. арабский 125
Ибн-ал-Факих, геогр. арабский 23-25
Ибн Русте, геогр. арабский 42, 43
Ибн Фадлан, геогр. арабский 25, 26, 122
Ибн Хаукаль, геогр. арабский 118, 125
Ибн Хордадбех, геогр. арабский 22-26, 44, 65, 162
Ивакин Г.Ю. 227, 230
Иванов С.А. 128, 129, 161
Иванова О.В. 161
Игнатий, диакон 11
Игнатий, патр. византийский 18, 129, 132
Игорь Рюрикович, кн. киевский 16, 17, 27, 30, 31, 53-58, 66, 81-85, 89, 90, 120-122, 134-136, 137, 140, 146, 199-203, 206-209
Идриси Мохамед, геогр. арабский 33, 60
Изеклия, пророк 218
Измаил, библ. персонаж 219
Изяслав Мстиславич, кн. киевский 31, 33
Изяслав Ярославич, кн. киевский 272

Иевлев М.М. 241
Икмор, воевода Святослава 19
Иларион, митр. Киевский 42, 150
Ингигерд, жена Ярослава 92
Иоаков Мних, летописец 123
Иоанн Богослов, апостол 150
Иоанн Скилица, хронист византийский 19
Иордан, историк византийский 29
Иосиф, каган хазарский 116, 122
Ираклий, имп. византийский 128, 131, 178, 224
Исаак Комнин, имп. византийский 19
Истрин В.М. 151

К

Кадлубка, хронист 191
Калинина Т.М. 23-25
Каллмер И. 45, 240
Калюк О.П. 229
Капелле Т. 72
Каргер М.К. 47, 49, 90, 95-98, 109, 140, 226, 227, 230, 233, 241, 243, 245-248, 257
Карл Великий, имп. франкский 86
Катышев Д.М. 233
Кий, кн. киевский 64, 66, 86, 105, 114, 129, 146, 157, 159, 160, 219-225, 274
Килиевич С.Р. 227, 241
Кир, царь персидский 219
Кирпичников А.Н. 39-41, 71, 75, 78-81, 87, 97, 183, 184, 188, 189
Кланица З. 190. 191
Климовский С.И. 259
Ключевский В.О. 118, 162, 163
Кнут Великий, кор. датский 92
Коваленко В.П. 93, 186
Ковалюх М. 245
Козюба В.К. 225, 230, 231, 233, 259-261
Коковцев П. 54
Комар А.В. 45, 46, 206, 230-235, 252, 266, 267
Коновалова И.Г. 24, 65
Константин II, имп. византийский 131
Константин V, имп. византийский 161
Константин VI, имп. византийский 65

Константин VII Багрянородный, имп. византийский 31, 61, 80, 118, 119, 129-132, 139, 140, 143, 146, 149, 153, 197, 202, 205, 206, 216
Константин Великий, имп. византийский 147, 148, 224
Константин Всеволодович, кн. влад.-суздальский 36
Константин Давидович, кн. смоленский 33
Константин IX Мономах, имп. византийский 92
Корзухина Г.Ф. 228
Коршенко С.В. 228
Котляр Н.Ф. 7
Котляревский А.А. 248
Крак, легендарный польский князь 191
Краснов Ю.А. 192
Кропоткин В.В. 131, 141, 142
Круг И.-Ф. 18
Кузенков П.В. 64
Кузьмин А.Г. 71, 77
Куйя Ахмед, визир хазарский 115, 116
Куник А. 5, 18, 71
Кухаренко Ю.В. 164, 166
Кучера М.П. 165, 166, 261
Кучма В.В. 128

Л

Лабуда Г. 192
Лебедев Г.С. 38, 71, 74, 82
Лебединцев Е.Е. 248
Лев (Леон), имп. византийский 135, 143
Лев Диакон, истор. византийский 19, 123, 138
Лев Остийский, истор. византийский .. 76
Левинская И.А. 161
Литаврин Г.Г. 58, 62, 67, 82, 109, 131, 132, 135, 140, 148, 149, 159, 161, 196, 197, 201
Лиудпранд Кремонский, историк X в. .. 17
Лихачев Д.С. 4, 6, 11, 75, 154, 220, 225

Ловмянский Х. 21, 40, 191, 192, 200, 278
Логвин Г.Н. 237

Ломоносов М.В. 5, 71, 77
Лотарь, кор. франков 85
Лотман Ю.М. 150
Людовик Благочестивый,
кор. германский 16, 17, 18, 40, 56, 67, 68, 85
Людовик Италийский, король 42, 43
Лукин П.В. 220
Лыбедь, сестра Кия 218
Лявданский А.Н. 187
Ляпушкин И.И. 167, 182, 183
Лясота Э., средневековый
путешественник 262
Лященко А. 118

М

Маврикий, имп. византийский 131
Мавродин В.В. 118, 119
Магнус, принц норвежский 92
Маджак, царь волынян 161, 162
Макарий, митр. московский 141
Максимов Е.В. 181, 254, 255
Максимович М.А. 77
Мал, кн. древлян 30, 158, 204, 207, 208, 274
Марк, апостол 150
Маршак Б.И. 247
Мачинский Д.А. 7, 13, 38, 40, 41, 43, 57, 58, 78
Мезамир, вождь антов 128, 160, 274
Мельникова Е.А. 45, 223
Менандр Протектор,
историк византийский 160, 161, 274
Мешко, кн. польский 37
Милеев Д.В. 26, 231, 241
Миллер Г. 71
Миносян Р.С. 192
Михаил III, имп. византийский 5, 11, 14, 65, 132, 135, 142, 212, 276
Михаил Всеволодович, кн. киевский 84
Михаил Псёл, хронист византийский .. 19
Михаил Юрьевич, кн. влад.-суздальский. 31
Мовчан И.И. 241
Молдаван А.М. 150
Молчановский Ф.Н. 226, 227, 236, 237
Моргилевский И.В. 236
Моця А.П. 93
Мстислав Владимирович, кн. киевский .. 75, 149

Мстислав Владимирович, кн. черниговский ... 106
Мстислав Мстиславич, кн. галицкий .. 36
Мурашёва В.В. ... 250, 255, 269, 270
Муса аль Хорезми, геогр. арабский 22
Мюллер Л. ... 21, 68, 133, 151, 152

Н

Назаренко А.В. ... 15, 16-18, 43, 58, 63, 68, 70, 200, 201, 202, 270
Насонов А.Н. ... 28, 29, 34, 38, 40, 46, 60, 121
Нестор, летописец ... 4, 102, 105, 129, 132, 147, 160, 163, 217, 222
Никита Пафлагон, истор. византийский ... 18, 129
Никифор, патриарх Константинопольский ... 101
Никифор I, имп. византийский ... 219
Никифор II Фока, имп. византийский .. 138
Никон Печерский ... 106
Нифонт, архиеп. новгородский ... 32
Новосельцев А.П. ... 24, 44, 63, 66, 117, 125
Носов Е.Н. ... 57, 87
Нунан Т. ... 46, 47

О

Оболенский Д. ... 153
Оксенстиерна Е. ... 50, 72
Олаф Святой, кор. норвежский ... 92
Олаф Скотконунг, кор. шведский ... 92
Олег Вещий, кн. киевский ... 4, 16, 20, 26, 27, 30, 53-57, 66, 79, 81, 83, 84, 88, 89, 91, 104, 119, 120, 122, 133-136, 140, 198-200, 202, 203. 206, 207, 212, 251, 252, 271, 277
Олег Святославич, кн. древлян ... 27, 208
Ольга, кн. киевская ... 30, 79, 83, 122, 135, 137, 145-149, 153, 189, 199-204, 206, 208-211, 214, 235, 238, 252, 265, 274
Орлов Р.С. ... 255

П

Павел, апостол 150
Падин В.А. 174
Панченко М. 245
Пархоменко В.А. 20, 103, 278
Пашуто В.Т. 24
Перун, языческий бог 264, 265
Петр, апостол 150
Петр, царь болгарский 148
Петр Бориславич, бояр. киевский 33
Петраускас А.В. 204
Петрашенко В.А. 180, 181
Петров В.П. 110, 112, 228, 254, 255
Петровский В.В. 7
Петрухин В.Я. 14, 45, 54, 79, 82, 108, 110, 119, 215-217, 249-252, 255, 256, 269, 270
Пигулевская Н.В. 29
Плоткин К.М. 78, 187
Погодин А.Л. 189
Погодин М.П. 200
Подосинова Л.В. 24
Половой И.Я. 121, 122
Польгуй В.И. 24
Поулик И. 190, 191
Пресняков А.Б. 184, 201, 209
Приймак В.В. 124, 167, 169
Приселков М.Д. 151
Приходнюк О.М. 171-174
Прицак О. 5, 6, 25, 38, 58, 102-116, 216, 240
Продолжатель Амартола, хронист 132
Прокопий Кессарийский, истор. византийский 86, 127-129, 159, 160, 224
Пруденций, хронист 15, 16, 17
Псевдо Захария, хронист 29

Р

Радим, кн. радимичей 157, 274
Раевский Д.С. 82
Ратич А.А. 165
Рёрик, конунг ютландский 84-86
Рогволод, кн. полоцкий 189
Родченко Л.О. 7
Роман, имп. византийский 119, 138, 143
Роман Мстиславич, кн. волынский 36

Романов Б.А. 4, 6, 11, 22, 74, 220
Ростислав Мстиславич, кн. киевский .. 33
Ростислав Юрьевич, кн. киевский 31
Рыбаков Б.А. 28, 29, 31, 34, 35, 38, 60, 71, 80, 81, 108, 117, 119, 122, 159, 186, 196, 200, 224
Рыдзевская Е.А. 90
Рюрик, кн. новгородский 40-42, 55, 57, 74, 77, 78, 82-89, 212, 223
Рюрик Ростиславич, кн. киевский 32, 33

С

Сагайдак М.А. 45, 46, 114, 228, 235, 236, 249-252, 255-257, 263, 264, 268-272
Само, кор. госуд. Само 161, 189, 191
Самоквасов Д.Я. 159, 196, 197
Самойловский И.М. 262
Сахаров А.Н. 16, 63, 64
Свенельд, воев. киевский 121
Свердлов М.Б. 16
Свешников И.К. 165
Святополк Владимирович, кн. киевский 27
Святослав Игоревич, кн. киевский 19, 31, 67, 79, 83, 105, 110, 117, 118, 121, 123, 125, 137, 138, 140, 145, 199, 200-204, 208, 211, 219, 223, 224, 230, 235, 252, 260, 263, 265
Святослав Ольгович, кн. черниговский . 33
Святослав Ярославич, кн. киевский ... 272
Седов В.В. 39, 40, 44, 62, 64, 124, 125, 160 165, 177, 178, 187, 194, 196
Селлинг Д. 77
Семененко В.И. 7
Семион, царь болгарский 148
Сикорский И. 50
Симаргл, языческий бог 264
Синеус, легендарный князь 74, 87
Скыба А.В. 195
Славен, кн. словен 158, 274
Снорри Стурлуссон, писатель скандинавский 92
Соловьев С.М. 200, 201
Спицин А.А. 98, 197

Срезневский И.И. 198
Станкевич Я.В. 167
Старчук И.Д. 165
Стенбергер М. 72
Стендер-Петерсен А. 38, 44, 68, 71
Стефан Сурожский, святой 43
Стефанович В. 262
Стрибог, языческий бог 264
Судислав, бояр. галицкий 36
Сухобоков О.В. 124, 167, 169

Т

Таирова-Яковлева Т.Г. 217
Тараканова С.А. 187
Тараненко С. 257
Татищев В.Н. 71, 87
Тизенгаузен В. 49
Тимощук Б.А. 178
Титмар Мерзебургский, хронист 77
Тихомиров М.Н. 71
Тихонов Н.Г. 174
Тихонович А.М. 257
Ткаченко М.М. 257
Толочко А.П. 54, 75, 82, 206, 211
Толочко П.П. 40, 48, 52, 54, 56, 66, 109, 112, 133, 140, 156, 175, 189, 196, 200, 210, 211, 224, 225, 228, 237, 238, 241, 243, 244, 245, 249, 263, 266
Томсен В. 39, 44
Тохтасьев С.Р. 161
Третьяков П.Н. 166, 167, 171, 10, 195, 196
Трубачев О.Н. 11, 12, 20, 29, 34, 276, 278
Трувор, легендарный князь 74, 87

У

Урбанчик П. 26

Ф

Фармаковский Б.В. 243
Фасмер Р.Р. 50, 51
Федор, варяг-христианин 269
Федорь Ласкарь, имп. никейский 140
Федор Синкел, истор. византийский .. 128
Феодосий Печерский, святой 141

Феофил, имп. византийский 56, 67, 68
Феофилакт Симокатта,
истор. византийский 128, 161, 274
Фехнер М.В. 141
Фома, апостол 150
Фотий, патр. Константинопольский .. 131, 132
Франклин С. 44, 260
Франко И.Я. 224
Фредегар, хронист 161, 189, 191

Х

Хавлюк П.И. 180
Харальд Суровый, принц норвежский .. 92
Харламов В.А. 237, 249, 258, 262
Хасдай ибн Шапрут,
вельможа кордовский 116, 122
Хвойка В.В. 233, 234, 236, 241, 242, 247, 261
Хильвудий, вождь антов 86, 129, 159, 160, 224, 225
Хойновский Н. 98
Холостенко Н.В. 237
Хорив, брат Кия 64, 105, 107, 216, 218, 221
Хорс, языческий бог 264
Хюбенер В. 76

Ц

Цимисхий Иоанн, имп. византийский .. 138, 139
Цымбарский В.Л. 128
Цукерман К. ..... 39, 41-46, 51-56, 240.

Ч

Черепнин Л.В. 24
Черные, кн. черниговские 157, 274

Ш

Шаскольский И.П. 16
Шахматов А.А. 52, 107, 223
Шепард Дж. 39, 44, 58 81, 83, 260
Шлёцер Л. 5, 71
Шиманский В. 192
Ширинский С.С. 245
Шмидт Е.А. 166
Шокнехт У. 76, 77
Штыхов Г.В. 187, 188, 189
Шрайер П. 133
Штоер Х. 76
Штокль Г. 72

Шубин А.В. 217
Шушарин В.П. 24

Щ
Щавелев А.С. 211
Щапов Я.Н. 214
Щек, брат Кия 64, 105, 107, 218, 221

Э
Эдвин, принц английский 92
Эдммунд Железнобокий,
кор. английский 92
Эдуард, принц английский 92
Эймунд, конунг норманнский 91
Энгельс Ф. 102, 198

Ю
Юренко С.П. 167, 168, 216
Юрий Долгорукий, кн. киевский 32, 33
Юрченко А. 150
Юстин I, имп. византийский 131, 159, 164, 224, 228
Юстиниан I, имп. византийский 86, 127, 129, 131
Юстиниан II, имп. византийский 131
Юшков С.В. 184, 200, 209

Я
Янин В.Л. 51
Янкун Г. 20, 21, 72, 73, 76
Ярополк Святославич, кн. киевский ... 27, 83, 138, 145, 199, 259
Ярослав Владимирович (Мудрый),
кн. киевский 27, 66, 88-92, 99, 148, 149, 217, 220, 240, 241, 268, 270-272

Форзац:
Восточнославянское родовое древо XVI-XVII веков

Автор: *П. П. Толочко*

Компьютерное исполнение:
А. П. Петрашенко
А. В. Костюкевич

Комп'ютерне верстування: *Панюков А. А.*
Художник: *Петрашенко А. М.*

Підписано до друку 23.11.2016 р.
Формат 60 х 84 1 / 16. Папір офсетний.
Гарнітура «GaramondC». Друк офсетний.
Наклад 650 прим. Зам. № 161129

Видавничий дім «Руське слово»

Свідоцтво про внесення до державного реєстру
ДК № 4200 від 07.11.2011 р.
01034, м. Київ, вул. О. Гончара, 35, оф. 2
тел. (044) 502-30-41;

Восточнословянское родовое древо 6—17 вв.